1917 - ОКТЯБРЬ - 1918

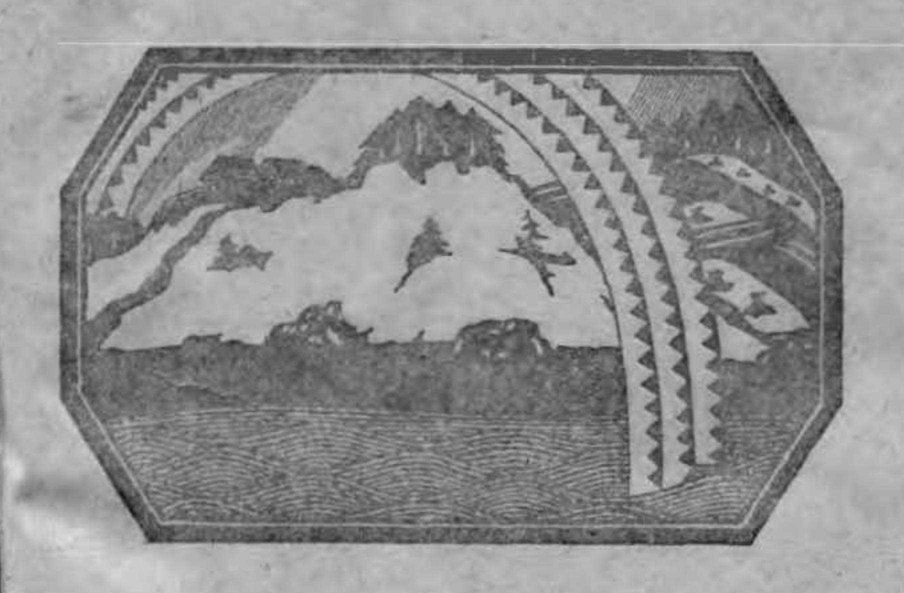

ИЗДАТЕЛЬСТВО Ц·И·К
Р·С·Ф·С·Р

ГЕОРГИЙ ПАШКОВ

МОСКВА.— 1918.

ВЕСТНИК ЖИЗНИ

1918 г. № 2

МОСКВА.
Типография „АТИД“. Лялин 19

ВЕСТНИК ЖИЗНИ

Новая карта мира.

Когда, год тому назад, русский пролетариат произвел первую социалистическую революцию, он оказался одиноким во всем мире и не было тогда никого, кто пожелал бы придти к нему на помощь, ради общего дела-освобождения всех угнетенных и порабощенных масс. На Западе—его охватывал железный круг германских полчищ, готовый превратиться в Брестскую петлю. Еще вчерашние «союзники»—мрачно и боязливо поглядывали на социалистическую Россию, инстинктивно чувствуя, что народился новый, небывалый враг кровавого империализма, которого нельзя будет принудить ни на какие уступки, ни на какие соглашения. Наконец, даже мировой пролетариат, одурманенный патриотическими речами своих предателей вождей, за исключением нескольких смельчаков,—осудил русских рабочих и об'явил их подвиг «несвоевременным» и даже «вредным»—для дела мировой социалистической революции.

Оставленная всеми, окруженная лишь врагами, социалистическая Россия не пала, однако, духом и начала великую работу пересоздания своей страны и пробуждения спящих сил мировой революции.

«Через голову правительств», ее мощный голос, как вселенский набат, как мировой пролетарский гудок, призывал трудящиеся массы всего мира—стряхнуть с себя кровавый бред империализма, покинуть бесчеловечную бойню, и начать борьбу за новую, свободную жизнь.

И ее призыв был услышан... Медленно, путем внутреннего мучительного процесса, народные массы сперва воюющих, а затем и нейтральных стран, начали возвращаться к своим прежним революционным лозунгам и все более и более чутко прислушиваться к голосу социалистической России.

После этого империалистического похмелья, начался, однако, почти немедленно, период борьбы, начали вспыхивать и сверкать алым пламенем первые искры, первые огни мирового пожара.

Сперва они тлели под землей, придавленные нестерпимо тяжелым стальным грузом буржуазной диктатуры, но затем, в виде молниеносных извержений, начали прорываться на поверхность земли.

Почти одновременно, на двух концах земного шара: в Болгарии и в Китае—рабочие массы начали открытую борьбу против империализма и капитализма, а скоро и Турция, Украина, Германия, короче вся средняя Европа засверкала огнями грядущей революции. Несомненно, что мы накануне **изменения карты всего мира**, но не в том смысле, как об этом думают империалисты всех стран, мечтающие уже сейчас об аннексиях на Востоке, Западе и на Юге.

Новая карта мира не будет заключать в себе черных границ, отгораживающих одну семью народов от другой, она не будет иметь на материках Африки и Азии тех проклятых цветных квадратиков и полосок, которые означают хищнические захваты, сделанные мировым империализмом.

Новая карта мира будет покрыта одной алой краской, одним красным цветом всемирного революционного Интернационала.

Приводим краткий революционный бюллетень за последний месяц. Оговариваемся, что события развиваются с такой ошеломляющей быстротой, что уже в настоящее время этот бюллетень является устаревшим.

ЕВРОПА.

Австрия. Крестьянские волнения в Чехии и Богемии, приводящие к вооруженным столкновениям с полицией; солдатские бунты в Кроации; дезертирские бунты в Штирии; солдатские бунты в Венгрии, всеобщая забастовка.

Англия. Забастовки: 500.000 горнорабочих; гигантская забастовка, работающих по снабжению армии, из-за исключительных законов; срыв гражданского мира.

Ирландия. Вооруженные столкновения и волнения по поводу гомруля и призыва на военную службу.

Болгария. Рабоче-солдатско-крестьянская революция.

Голландия. Повсеместные волнения на почве голода с применением вооруженной силы.

Германия. Голодные бунты в городах, дезертирство, рабочие волнения, образование коммунистической партии; солдатские мятежи в Украине, в Польше и в Остзейском крае.

Греция. Мятежи в войсках.

Дания. Крупные продовольственные беспорядки, сопровождаемые столкновениями с войсками.

Италия. Продовольственные беспорядки; развитие большевизма среди рабочих; активное выступление пацифистов.

Испания. Голодные бунты. Кровавая демонстрация в Барцелоне.

Норвегия. Швеция. Повсеместная военная забастовка; рост социалистического движения.

Польша. Сильнейшие крестьянские волнения.

Португалия. Вооруженные выступления рабочих, вызвавшие введение повсеместного осадного положения.

Румыния и Бессарабия. Вооруженное восстание крестьян, вызвавшее повсеместное введение осадного положения.

Украина. Вооруженные крестьянские восстания.

Франция. Победа большевистского течения среди рабочих социалистов.

Швейцария. Повсеместные революционные рабочие выступления.

АЗИЯ.

Китай. Революционное и социалистическое движение в южном Китае.

Индия. Революционное брожение во всей стране. Восстание в Пенджабе и в Бенгалии. Террористические нападения на английскую полицию и войска.

Тибет. Национально-революционное движение. Отделение от Китая.

Турция. Солдатские и голодные бунты в Константинополе, Сирии и М. Азии.

Япония. Кровавые «рисовые» беспорядки во всей стране.

АФРИКА.

Египет. Демонстрации младо-египтян против английского владычества.

Марокко. Восстание арабов против французов.

Триполи. Восстание арабов против итальянцев.

Южная Африка. Всеобщая забастовка туземных и европейских рабочих на золотоносных приисках: республиканское движение в Трансваале.

Вождь мировой революции.

В памятный вечер 30-го августа жалкая женщина, ослепленная нерелизованной ненавистью и буржуазной злобой, пыталась из за угла убить вождя русской социалистической революции Владимира Ильича ЛЕНИНА-УЛЬЯНОВА.

Преступный замысел к счастью не удался и всем нам памятно, как отозвалась на него вся пролетарско-крестьянская, вся рабоче-социалистическая Россия.

Первым душевным движением, которое всколыхнуло все эти необъятные массы, был страх, жуткий страх за участь своего вождя, за великого полководца революции. Но почти тотчас, после того как прошел первый момент недоумения, страха и неизвестности, второе чувство, еще более сильное и властное овладело всей рабочей Россией—месть!

Месть против всех темных, прячущихся убийц, не только против тех, кто в тумане злобы и ненависти наносит смертельный удар вождям пролетариата, но также и по отношению к тем, кто из своекорыстных расчетов наводят руку палача, оплачивает его золотом и готовится воспользоваться плодами его кровавой работы.

Таковы те чувства, те настроения, которые пропитывают собою буквально каждую строку тех бесчисленных телеграмм, писем и радио, которые понеслись со всей России из центров с фронта и из глухих окраин к постели Владимира Ильича.

Не менее мощный отклик покушение на вождя пролетариата вызвало, однако, и у рабочих масс других стран. К сожалению война и цензурные рогатки мешают нам составить себе полное представление о характере и о размерах этого всемирно-пролетарского эхо.

Но и то немногое, что дошло до нас, конечно, главным образом от пролетариата нейтральных стран, позволяеть нам оценить, насколько глубоко и болезненно он был потрясен известием о предательском покушении. Вот, например, телеграмма шведских левых социалистов, которые шлют «сердечное приветствие и пожелание скорейшего выздоровления знаменосцу международной освободительной борьбы тов. Ленину». Лидер немецкой независимой социал-демократии Герман Горгер выражает надежду в скором выздоровлении тов. Ленина «на благо Советской Республики и социализма всего мира.»

Наконец, органы швейцарской социалистической печати «Бернер Тагвахт» и «Фольксрехт» пишут, что на Ленина было сделано покушение, так как он является «главой и вождем русских рабочих и передовым борцом пролетарской революции.. рабочие всех стран облегченно вздохнули, когда узнали о неудаче покушения.. так как.... его потеря означала бы тяжелый удар и непоправимый ущерб не только для русской революции, но и для всего международного пролетариата».

Этот живой и сердечный отклик лишний раз доказывает тот факт, который в последнее время мы наблюдаем буквально на каждом шагу, во всех самых мельчайших проявлениях современной международной жизни.

Вождь красной Страны Советов действительно превратился в вождя мировой социалистической революции также, как революционная Советская Россия стала прологом мировой Советской Республики, приходящей на смену диктатуре международного капитала.

И накануне начавшегося мирового пожара, долженствующего уничтожить и испепелить мировой империализм, пророчески звучат слова исторического обращения В. И. Ленина к Советской России:

«В Германии разразился политический кризис. Политическая растерянность и правительства, и всех эксплоататорских классов в целом обнаружилась перед всем народом. Безнадежность военного положения и отсутствие всякой поддержки господствующих классов трудящимися массами—обнаружены сразу. Этот кризис означает либо начало революции, либо во всяком случае то, что ее неизбежность и близость стали видны теперь массам воочию..

Правительство морально подало в отставку и истерически мечется между воен-

кой диктатурой и коалиционным кабинетом. Но военная диктатура, в сущности, испробована уже с начала войны, и как раз теперь она перестала быть осуществимой, так как армия сделалась ненадежной. Привлечение же в кабинет Шейдемана и К°., только ускорит революционный взрыв, сделает его более широким, более сознательным, более твердым и решительным после того, как разоблачится до конца все жалкое бессилие этих лакеев буржуазии, этих продажных людишек таких же, как наши меньшевики и эсеры, как Гендерсоны, Сиднеи и Веббы в Англии, Альберты Тома и Ренодели во Франции и т. п.

Кризис в Германии только что начался. Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата. Российский пролетариат с величайшим вниманием и восторгом следит за событиями. Теперь даже самые ослепленные из рабочих разных стран увидят, как правы были большевики всю тактику строившие на поддержке всемирной рабочей революции и не боявшиеся приносить различные тягчайшие жертвы. Теперь даже самые темные поймут, какую безмерно подлую измену социализму совершили нам меньшевики и эсеры, идя на союз с грабительской англо-французской буржуазией ради будто бы отмены Брестского Мира. И уже разумеется Советская Власть не подумает помогать немецким империалистам попытками нарушать Брестский Мир взорвать его в такой момент, когда внутренние анти-империалистические силы Германии начинают кипеть и бурлить—в такой момент, когда представители германской буржуазии начинают оправдываться перед своим народом в заключении такого мира, начинают изыскивать средства «переменить» политику.

Но пролетариат России не только со вниманием и восторгом следит за событиями. Он ставит вопрос о том, чтобы напречь все силы для помощи немецким рабочим, которым предстоят самые тяжелые испытания, самые тяжкие переходы от рабства к свободе, самая упорная борьба и со своим и с английским империализмом. Поражение германского империализма будет означать на известное время—и рост наглости, зверства, реакционности и завоевательных попыток со стороны англо-французского империализма.

Большевистский рабочий класс России был всегда интернационалистическим не на словах, а на деле, в отличие от тех мерзавцев, героев и вождей второго интернационала, которые либо прямо изменяли, вступая в союз со своей буржуазией, либо старались отделываться фразами, выдумывая (подобно Каутскому, Отто Бауэру и К°) отговорки от революции, выступая против всякого смелого великого революционного действия, против всякой жертвы узко-национальными интересами во имя движения вперед пролетарской революции.

Начнем же немедленно готовиться! Докажем, что русские рабочие умеют гораздо более энергично работать, гораздо более самоотверженно бороться и умирать, когда дело идет не об одной только русской, но и о международной рабочей революции.

Прежде всего удесятирим свои усилия по заготовке запасов хлеба. Постановим, что в каждом крупном элеваторе создается запас хлеба для помощи немецким рабочим, если обстоятельства поставят их в трудное положение в их борьбе за освобождение от чудовищ империализма. Пусть каждая партийная организация, каждый профессиональный союз, каждая фабрика и мастерская свяжется специально с несколькими избранными ею волостями для укрепления союза с крестьянами для помощи им, для просвещения их, для победы над кулаками, для полной очистки всех излишков хлеба.

Пусть таким же путем удесятирится наша работа по созданию пролетарской Красной Армии. Перелом наступил, мы все это знаем, видим и чувствуем Рабочие и трудящиеся крестьяне передохнули от ужасов империалистической бойни, они поняли и на опыте увидели необходимость войны с угнетателями для защиты завоеваний их революции, революции трудящихся—их власти, советской власти. Армия создается—Красная Армия рабочих и бедных крестьян готовых на все жертвы для защиты социализма. Армия крепнет и закаляется в битвах с чехо-словаками и белогвардейцами. Фундамент заложен прочно—надо спешить с возведением самого здания.

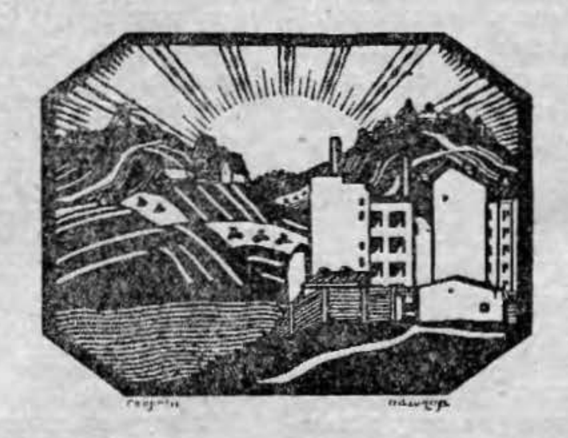
Мы решили иметь армию в 1 миллион человек к весне, нам нужна теперь армия в 3 миллиона человек. Мы можем иметь ее. И мы будем ее иметь.

Мировая история за последние дни необыкновенно ускорила свой бег ко всемирной рабочей революции. Возможны самые быстрые перемены, возможны попытки союза германского и англо-французского империализма против Советской власти.

Ускорить работу подготовки должны и мы. Удесятирим же наши усилия.

Пусть станет это лозунгом в годовщину великой октябрьской революции пролетариата. Пусть станет это залогом грядущих побед всемирной пролетарской революции.—

В. Ленин.»

Тов. Ленин.

Культ личности противоречит всему духу марксизма, духу научного социализма. Не личность является первоисточником, творческим началом исторического процесса, а развитие производительных сил—в масштабе целой страны, а на высшей ступени—в мировом масштабе. В личности, в ее идеях, в ее творчестве лишь выявляются те силы, которые по существу своему стихийны и стоят вне воли человека.

Но, с другой стороны, марксизм чужд и «товарного фетишизма», того фетишизма, который склонен рассматривать товар, как «вещь в себе», как нечто, имеющее ценность вне человеческого общества и человеческих отношений. И «развитие производительных сил» происходит не само по себе, а через людей, через коллективную личность. Отдельное же лицо—получает значение и приобретает интерес постольку, поскольку оно является членом коллектива.

Разница в оценке роли личности в истории, резко сказалась в России, между прочим, в отношении к своим «героям», с одной стороны, у марксистов, а с другой—у социалистов-революционеров. Эти последние, благодаря своему идеалистическому мировоззрению, от преувеличенной оценки роли личности—быстро пришли к «культу героев, к созданию «икон»,—достаточно вспомнить, например, о том, как в 1917 году они культивировали свою «бабушку». Что же касается нас, русских марксистов, то если нас и можно в чем упрекнуть, так скорее в грехе противоположного свойства,—в недостаточном внимании и интересе к личности товарищей вообще, и к личности выдающихся деятелей нашего движения—в частности.

Мы постоянно имели перед глазами лишь «массу», считались только с «массой», с коллективом. Мы как бы забывали, что во всяком коллективе выдвигаются более крупные личности, вожди, накладывающие на жизнь коллектива—отпечаток своей индивидуальности. В лучшем случае, мы писали прочувствованный некролог погибшему товарищу или же сообщали о живом—внешние факты его деятельности. Попыток анализа и оценки личности, выяснения положительных и отрицательных черт в общественной и политической деятельности даже виднейших вождей движения—у нас почти не было.

Конечно, это большой пробел в жизни партии. И чем дальше, тем настоятельнее сознается потребность восполнить этот пробел вообще. В частности, что касается тов. Ленина, то в отношении к нему этот пробел чувствуется особенно сильно и неотложно. Не даром нет-нет да и появится о нем то статья с биографическими данными, а то и целая брошюра. Почему это? Неужели только потому, что он стал, как говорится, «главой государства»? Ведь в таком случае, желание знать о нем побольше могло бы быть сочтено и за праздное любопытство уличных зевак,—на подобие того любопытства, которое в 1917 году проявлялось по отношению к личности Керенского.

В чем разница между Керенским и т. Лениным? В том, прежде всего, что Керенский был «случайным человеком». Соотношение общественных сил, в известный момент революции, выдвинуло на поверхность жизни партию социалистов-революционеров, представителем которой и считался Керенский. Но всякий, кто был хоть немного знаком с нашим революционным движением, отлично знал и видел, что партия социалистов-революционеров имела в своих рядах несравненно более крупных и типичных деятелей. Случайный человек в своей собственной партии, случайно оказавшийся в центре борющихся общественных сил, Керенский

Фот. раб. Оцупа.

Вл. Ульянов (Ленин)
18 окт. 1918.
Москва

мог возбуждать к себе только пустое любопытство.

Совершенно в ином положении находится тов. Ленин. Всякий политически-грамотный человек знал и понимал, насколько он неразрывно связан с самым существом нашей партии.

Недаром, в 1917 году, с первого момента своего появления в России, т. Ленин сосредоточил на себе самую отчаянную ненависть всех буржуазных и мелко-буржуазных политиков, всех врагов революционного пролетариата; они слишком хорошо знали, что в лице вождя партии, они нападают на целый враждебный класс, и что идейная победа, в данном случае, означала бы победу не над отдельным человеком, а над всем рабочим классом.

Показательно, с другой стороны, было и наше отношение к этой борьбе. Мы сравнительно очень мало уделяли внимания защите лично т. Ленина. Зная, что этот поход буржуазии на деле означает поход против пролетариата, мы все внимание сосредоточили на том, чтобы укреплять политические позиции пролетариата, а не на том, чтобы выгораживать или обелять т. Ленина лично. Что мы сделали в момент гнуснейшей и ожесточеннейшей травли против него в июле 1917 года? Мы на своем партийном всероссийском с'езде избрали его почетным председателем.

Этим мы лишний раз подчеркнули, что наша партия неотделима от т. Ленина, как, в свою очередь, он неотделим от партии. И познать, изучить т. Ленина, как литературного и политического деятеля, это значит—в единой личности познать и изучить колоссальный, революционный, пролетарский коллектив.

Познать т. Ленина для нас означает познать самих себя. В этом—законное оправдание нашего интереса к его личности. Чем больше мы сделаем для ее изучения, тем больше двинем вперед знание истории нашей партии и понимание источника наших успехов и неудач, правильных шагов и ошибок.

Т. Ленин—непременный член коллектива. Это ставит его в один ряд с нами, с рядовыми членами партии. И в то же время он—яркая индивидуальность: второго Ленина нет в партии. Поэтому, при изучении личности этого политического и литературного деятеля, необходимо всегда различать: с одной стороны—черты, общие коллективу, а с другой—индивидуальные особенности.

Первой индивидуальной особенностью, бросающейся в глаза даже человеку, наблюдающему за деятельностью т. Ленина со стороны, является его необычная трудоспособность. Кажется, будто этот человек никогда не знает отдыха и не нуждается в отдыхе. Изо-дня-в-день, целыми годами, он, можно сказать, «стоит у своего станка» бессменно, вечно за работой, то погружаясь в книги, то с пером в руке, то в заседании, на обсуждении создающегося нового, политического положения,—«текущего момента».

Рядом с трудоспособностью исключительного размера, идет у т. Ленина способность неизменно, в течение всей жизни, сосредоточивать свое внимание только на одном деле,—на деле революционной борьбы пролетариата. Обратите внимание на литературную его деятельность,—на его бесчисленные статьи, брошюры и на его книги. Все они, без исключения, являются откликами только на один вопрос—на вопрос о наилучших, наиболее прямых путях пролетарской революции. Даже когда он пишет целую книгу по философии,—вы сразу видите, что работа эта вызвана задачами революционной борьбы данного момента и преследует одну цель—устранить всякие помехи с прямого пути пролетарской победы.

Эти свойства ума и характера,—исключительная трудоспособность и умение, в течение всей жизни, сосредоточивать целиком свое внимание—на одной великой задаче—являются необходимыми в наше время предпосылками для того, чтобы человек выдвинулся в своей отрасли на одно из первых мест. Но, конечно, одних этих свойств недостаточно, чтобы стать великим человеком, занять по праву первое место в известной сфере деятельности и наложить свой отпечаток на жизнь целой эпо-

ки. Нужны еще: исключительные умственные способности, исключительное дарование, соответствующее тем целям, которым служит человек.

Говорить об исключительной, редкой остроте ума т. Ленина, значит ломиться в открытую дверь. Но стоит отметить, как характерную черту его умственного дарования. способность к анализу, к расчленению и выяснению смысла явлений. Нагляднее всего эта способность обнаруживается в так называемых полемических произведениях.

Присмотритесь к сборникам статей т. Ленина: «Аграрный вопрос» и «За 12 лет». Это почти сплошь «полемика». Форма статей—*почти всегда одинакова*: автор приводит цитату из сочинения противника и начинает ее разбирать по косточкам. Если цитата взята из статьи писателя, который считался марксистом, то вы первое время, прочитавши цитату, не находите, что тут возразить. Но следя, шаг за шагом, за аргументацией т. Ленина, вы ясно видите то, чего сами и не заметили бы,—то отступление от марксизма, едва заметное, которое приводит или должно привести цитируемого автора к, очевидно, уже неверным, явно не марксистским выводам. Этот острый анализ погубил не одну якобы марксистскую репутацию,—достаточно вспомнить П. Струве и А. Потресова,—погубил задолго до того, как эти якобы марксисты обнаружили свое подлинное лицо.

В деле анализа нет равного т. Ленину. Что же касается синтеза, то, собственно в литературных произведениях его, он встречается, к сожалению, реже, чем это было бы желательно. Лишь изредка, т. Ленин тут же противопоставляет свою точку зрения; и тогда он нередко возвышается до пафоса, захватывающего вас с головой, делающего вас совершенно неспособным противостоять ленинской точке зрения. К сожалению, повторяю, такие страницы встречаются не часто. Обычно он обрывает статью, как только расправится с противником. А положительных выводов, синтеза—приходится искать совсем в другом месте,—в тех лозунгах, которые он дает, в тех проектах резолюций, которые он предлагает.

Обладая громадными теоретическими знаниями, тов. Ленин, по всей своей природе, не теоретик, а практик. И всякая его литературная работа—отражает «текущий момент», вызывается потребностями этого момента. Сплошь и рядом бывает, что его статья даже не подходит под понятие литературного произведения: это только резюме, конспект. того, что глубоко продумано автором и подлежит усвоению со стороны товарищей, обязанностью которых является наполнить конспект—живым содержанием, популяризировать его, придать ему литературную форму. Таково происхождение «тезисов», которые начинают приобретать все большие права гражданства в нашей партийной жизни.

Нельзя не пожалеть о том, что наш идейный вождь так пренебрежительно относится к литературной форме, к литературной обработке своих мыслей. Но упрекать его в этом не приходится, когда знаешь, что у этого человека нет в жизни минуты, которой он не отдавал бы делу.

В своей практике т. Ленину случалось делать и ошибочные шаги. Жизнь не ждет; она торопливо требует ответа, требует немедленного решения задачи дня. А задачи эти в высшей степени сложны и нередко представляют собою уравнение с бесчисленным количеством неизвестных. Чтобы более или менее правильно решать такие задачи, мало быть теоретиком, хотя бы самым гениальным, самым последовательным,—тем более что экономическое развитие и формы классовой борьбы—постоянно дают много нового, не предусмотренного никакими теориями. И спасение здесь не в готовой теории, а в методе разрешения вопросов.

Метод дан марксизмом. Но мы знаем не мало марксистских теоретиков, прекрасно владеющих методом и тем не менее сбивающихся с правильного пути (Плеханов, Каутский и др.). И если тов. Ленин, в своей политической жизни, с'умел избежать тех непростительных зигзагов, какие были проделаны многими другими,

то на это должны быть какие-то особые причины.

Попытаюсь дать свое об'яснение тому, почему т. Ленину реже, чем кому-либо другому, приходилось сбиваться с верного революционно-пролетарского пути, и почему эти уклонения ликвидировались им настолько быстро, что оставались сравнительно почти незамеченными.

Лет пятнадцать тому назад среди нас, русских социал-демократов, велись бесконечные споры на тему—о стихийности и сознательности. В то время, в брошюре «Что делать?», сыгравшей тогда огромную роль, тов. Ленин обмолвился по этому вопросу—довольно неудачной фразой. Он формулировал решение вопроса о стихийности и сознательности в том смысле, что стихийное рабочее движение дорастает собственными силами только до идеалов тред'юнионизма, а социалистическое сознание вносится в пролетарскую среду извне. Формулировка эта явно грешила тем, что упускала из виду постоянное отражение «стихийного» рабочего движения на самой теории.

В 1904—1905 годах, когда началась фракционная борьба между большевиками и меньшевиками, меньшевики ухватились за эту неудачную фразу и на всех перекрестках стали обвинять т. Ленина и в непонимании дела, и в пренебрежительном отношении к рабочим, и вообще в семи смертных грехах. Этот поход приводил в смущение и кое-кого из большевиков, которые просили т. Ленина раз'яснить дело. Но он только пренебрежительно отмахнулся. И это понятно. В действительности вряд ли в числе обвинителей нашелся бы хоть один человек, который в своей теории («сознательности») считался бы со «стихией» пролетарского движения в той мере, в какой считался с нею автор брошюры «Что делать?».

Как раз 1904—1905 годы—были годами расцвета политической борьбы против самодержавия. Политические события первостепенной важности, одно ярче другого, проходили перед глазами. Тов. Ленин жил заграницей; он уже был вождем большевистской фракции, принимая самое живое участие в политической борьбе. Сношения между Россией и заграничным центром становились все оживленнее, товарищи из России появлялись в Женеве чуть не ежедневно. Тов. Ленин расспрашивал каждого приехавшего, доходя до мельчайших подробностей местной рабочей жизни. От'езжающим в Россию—он давал наставление особенно заботиться о том, чтобы рабочие присылали в редакцию письма о фабрично-заводской жизни. Каждому приезжему из России местному работнику ставился вопрос: есть ли у вас в комитете рабочие? А если нет, то почему?

Однажды два молодых комитетчика, приехавшие из Одессы, ответили:

— Пробовали мы ввести в комитет рабочих, но неудачно.

— Почему?

— Да они сейчас же потребовали, чтобы выпускать листки о заработной плате и разных мелких нуждах отдельных заводов.

Нужно было видеть, с каким негодованием обрушился Ильич на этих комитетчиков, как он отчел их, об'ясняя, что это требование одесских рабочих лучше всего доказывает именно пользу и необходимость выдвигать рабочих в число членов комитета.

Прошел «красный» 1905 год, прошли годы упадка—после подавления революционного движения, появилась в Петербурге первая, ежедневная рабочая газета «Правда». И работники «Правды», отделенные от Ильича тысячами верст и государственной границей, не могли не чувствовать той заботливости, того внимания, с которым относился он к видоизменившимся формам рабочего движения нового периода. Мне, как литератору, особенно трогательным казалось тогда отношение Ильича к его собственным литературным работам.

Писал он часто и много. Редкий день почта не приносила статей, написанных или Ильичем, или т. Зиновьевым. Редакция «Правды»—состояла из лиц, чуждых литературной традиции,—и они усвоили себе взгляд на всякие статьи, как на материал, поступающий в полное рас-

поряжение редакции: статьи урезывались, исправлялись, получали вставки, и вообще изменялись порой до неузнаваемости. Не избегли общей участи и статьи товарищей, живших заграницей. Только литератор может вполне понять, насколько тяжело работать в газете при таких условиях. Большинство литераторов разбегалось—после одного-двух случаев такой операции с их статьями. А относительно т. Ленина члены редакции говорили:

— Уж Ильич то от нас не уйдет!—и кромсали его статьи без зазрения совести.

И только однажды,—кажется, в марте 1913 года,—в письме у Ильича вырвалась фраза: «при таких условиях невозможно работать в газете». Это случилось, когда на запрос, почему несколько его статей подряд не было напечатано, он получил ответ, что рукописи еще не прочитаны за недостатком времени.

Вот это то всегдашнее, самое пристальное внимание к биению пульса рабочей жизни и давало т. Ленину тот источник, из которого черпались необходимые поправки—«на практику» к абстрактным теоретическим положениям.

Одной из трагических черт революционной борьбы пролетариата—является разобщение представителей революционной теории с повседневной практикой рабочей жизни. Рабочему, отдающему лучшие силы на создание прибавочной стоимости для капиталиста, нет возможности получить достаточное образование и отдавать достаточно времени на теоретические занятия. Если же рабочий обнаружит дарование, чтобы жить, например, на литературный заработок, то он уже перестает быть рабочим, начинает вращаться в буржуазно-интеллигентской среде, и его сознание начинает определяться не пролетарским, а буржуазным или мелкобуржуазным бытием. В большинстве же случаев, теоретики являются выходцами не из рабочей среды, и их бытие остается чуждым бытию пролетарскому. У т. Ленина это разобщение сознательно доведено до возможного минимума.

Помимо постоянного пристального внимания к рабочей жизни, помогало т. Ленину и отсутствие всякого буржуазного влияния: он никогда не поддерживал никаких буржуазных знакомств, не показывался ни в каком буржуазном «обществе». К нему приходили, но он не делал ни одного шага навстречу. И весь обиход его жизни был всегда пролетарский, если не считать груды книг в комнате. В 1917 г., в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть», т. Ленин мимоходом обмолвился о себе:

— О хлебе я, человек, не видавший нужды, не думал. Хлеб явился для меня как-то сам собой, нечто в роде побочного продукта писательской работы».

Это заявление способно только рассмешить всякого, кто знает жизнь Ильича. Что он никогда не думал о хлебе, о материальных интересах,—это верно. Но вместо слов «не видавший нужды»—несравненно уместнее было бы сказать—«не видавший сытости». Отсутствие развращающего влияния буржуазной сытости не могло не сыграть своей роли в том, что т. Ленин не сбивался, не в пример другим теоретикам, на буржуазную точку зрения.

В той же брошюре, на той же 27-й странице, мы имеем возможность наблюдать, как пролетарское «бытие» (а для т. Ленина—пристальное наблюдение за этим бытием) отражается на политическом сознании, на принятии той или иной политической линии. Тов. Ленин рассказывает:

«После июльских дней, мне довелось уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместьи Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит:

— Смотри-ка, какой прекрасный хлеб! «Они» не смеют теперь небось давать дурного хлеба. Мы забыли-было и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб.

«Меня поразила, — продолжает т. Ленин,—эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот

зигзаг истории и какую ситуацию он создает, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению... К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ—необыкновенно сложным и запутанным путем. А представитель угнетенного класса... берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: «мы» трудящиеся и «они» эксплоататоры. Ни тени смущения по поводу происшедшего: одно из сражений в долгой борьбе труда с капиталом. Лес рубят—щепки летят.—Какая мучительная вещь эта «исключительно сложная обстановка» революции—так думает и чувствует буржуазный интеллигент.—Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще—сбросим совсем,—так думает и чувствует рабочий».

Этот рассказ т. Ленина—вводит нас в сокровенную лабораторию его мысли. Голова ищет «интеллигентским» путем, путем сложного теоретического анализа,—«простоты и ясности», в определении смысла сложного события, чтобы синтезировать результат анализа в лозунгах, которые должны проводиться «с твердой решительностью». И, где другой теоретик-интеллигент легко запутается в неразрешимых противоречиях, там наш вождь выйдет из затруднений, при помощи пролетарской классовой точки зрения; она стала второй природой «интеллигента» Ленина, благодаря постоянному с его стороны, пристальному вниманию—к ходу пролетарской жизни, равно, как и благодаря доведению до минимума, сведению на нет буржуазного влияния, буржуазного «бытия», в общем обиходе его личной жизни.

Конечно, не фразой рабочего о хлебе—был решен в данном случае вопрос о выборе лозунгов: они определились общим результатом теоретического анализа. Но эта фраза сыграла свою роль,—приблизительно такую же, какую по преданию сыграло падение яблока с дерева—в открытии Ньютоном закона всемирного тяготения. И кто сможет счесть все яблоки, которые падали перед глазами Ильича—с великолепного и вечно-плодоносного дерева пролетарской мысли, чтобы облегчить ему нахождение «простого и ясного» ответа на сложнейшие политические вопросы? Поистине гениальная чуткость к пролетарской психологии, соединенная со способностью быть, как дома, в области труднейших теоретических построений,—таковы основы политической деятельности т. Ленина.

Прибавьте к этому: «твердую решительность», упорство в преследовании поставленной цели,—и вы признаете неизбежность того первостепенного влияния, которое приобрел т. Ленин в российской партии пролетариата, и которое он затем приобретает в среде борющегося пролетариата всего мира, по мере того, как становится все более очевидной—неизбежность всемирной пролетарской революции.

М. Ольминский.

Октябрьская революция и ее развитие.

Октябрьская революция в России произошла в накаленной атмосфере классовой борьбы. К этому времени перед рабочим классом определенно встала опасность локаута — со стороны капиталистов и выяснилась необходимость активного и энергичного отпора.

В тоже время развивалась опасность контр-революции со стороны монархических элементов (в лице Корнилова Каледина и других героев черной сотни), с которыми пыталось сговориться правительство Керенского, правительство меньшевиков и эс-эров.

Октябрьская революция прошла под лозунгами борьбы за мир, передачи земли крестьянам и рабочего контроля.

Каждый из этих лозунгов нашел свое выражение в шагах, немедленно предпринятых Советским Правительством после победы Октябрьской революции.

26-го октября, т. е на другой день после переворота, С'езд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов обратился ко всем народам с предложением открытого и честного мира.

В этом историческом воззвании Советское Правительство аппелирует к трудящимся всего мира и говорит:

«Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран— немедленно заключить перемирье, при чем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирье было заключено не меньше как на три месяца. т е на такой срок, в течение которого вполне возможно, как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без из'ятия народностей, или наций, втянутых в войну, или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных Собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира».

Второе основное требование Октябрьской революции конфискация земли и передача ее крестьянам—в принципе было решено сейчас же вслед за вопросом о мире. На том же заседании С'езда был принят основной закон о земле, отменяющий право частной собственности на нее и передающий ее в руки трудящихся.

Этот закон уничтожил социальные основы помещичьего строя.

Третьим требованием, определившимся еще до Октябрьской революции и поставленным ею на разрешение было требование рабочего контроля.

Закон о рабочем контроле был принят Ц. И. К. несколько позже, в середине ноября. В это же время (ноябрь-декабрь) были изданы и другие законы касающиеся *положения рабочего класса*, а именно—закон о восьми-часовом рабочем дне, о страховании от *болезни безработицы*, закон о биржах труда и проч.

Эти законы постепенно проводятся в жизнь: установлены определенные взносы в больничные кассы со стороны предприниматeлей, организована целая сеть бирж труда, значительно смягчившая после-военную безработицу, увеличены пенсии инвалидам, т. е. сделаны определенные шаги по пути социального обеспечения трудящихся.

Декрет о рабочем контроле повлек за собою значительные изменения в области взаимоотношений с капиталистами и постепенно привел к национализации большинства предприятий. Постепенно, лозунг рабочего контроля начал превращаться въ лозунг рабочего правления и передачи промышленных предприятии в руки пролетариата

Вся последующая экономическая деятельность пролетариата была направлена как раз по этому руслу.

Выступление рабочего класса встретило отчаянный отпор со стороны крупной и мелкой буржуазии, к которой присоединилась также и интеллигенция, забывшая о былом своем «народолюбии», и вступившая въ борьбу против диктатуры пролетариата.

Начался пресловутый саботаж чиновников и интеллигенции, причинивший столько зла Советской России.

Однако все это не помешало Советскому Правительству итти вперед

Пролетариат взял в свои руки власть и начал творить жизнь по своему желанию, сообразно с велениями своих классовых потребностей.

Земля была передана трудящимся, были аннулированы займы лежавшие тяжелым бременем на плечах трудовых слоев населения, национализированы банки и важнейшие промышленные предприятия, и, наконец, опубликованы тайные договоры, вскрывшие действительные причины войны и разрушившие мысль о войне за «право и справедливость».

Советское Правительство было прежде всего правительством анти-военным. Главной целью его было убить войну, и этой цели оно достигло.

Несмотря на все затруднения, ему удалось вырвать Россию из войны и дать возможность миллионам людей—вернуться к мирному труду.

На этом пути Советское Правительство было поставлено между двумя враждебными силами: империализмом Германским и Англо-Американским.

Германский империализм, руководимый военной партией, добивался тяжелого мира для России, стремясь получить как можно больше с побежденной страны. И действительно, он получил гораздо больше, чем мог мечтать.

Однако не все случилось так, как предполагал победитель.

Он натолкнулся в завоеванных странах—на энергичный отпор трудящихся, выразившийся в забастовках, партизанской борьбе, уничтожении имущества (взрывы в Киеве Одессе и др.) и красном терроре.

Временно, Германскому империализму удалось «поставить на колени» российский пролетариат и навязать ему весьма тяжелые условия «несчастного мира»; но уже в августе—сама Германия была вынуждена пойти на уступки, и отказаться от части своих завоеваний и аннексий.

В момент немецкого наступления и до него—представители российского пролетариата апеллировали к западно европейским рабочим массам, но они остались тогда глухи к призыву...

Пользуясь удобным моментом, англйско-американские и французские капиталисты решили вознаградить себя за все потери, понесенные ими в связи с пролетарской революцией.

Они создали внутри России новый фронт, вооружив наемных хранителей капитала—чехо-словаков, которые нанесли Советской России тяжелые удары, отрезав ее от Сибири, от промышленных районов Урала, от хлебного Поволжья и захватив важнейшую артерию движения в стране—Волгу.

Чехо-словацкое восстание лишило Россию хлеба, нефти, хлопка и метала, словом всего того, что было так остро необходимо стране.

В то же время, австро-германские империалисты захватили богатейший Донецкий Бассейн, лишив промышленность России до 60% металлов и руды и 70% угля.

Турки и англичане захватили Кавказ с его нефтью, марганцем, серебром и другими богатствами, проникли в Туркестан и забрали там значительную часть нашего хлопка.

Благодаря этой политике империалистов, Советская Республика голодала и фабрики останавливались одна за другой.

Это было наиболее тяжелое время для Советской России.

Кольцо врагов сжималось все с большей силой. Голод внутри страны стал их могучим союзником—пролетариат изнывал от голода.

Налаженная с большим трудом продовольственная система, готова была каждую минуту рушиться—под ударами спекулянтов и изголодавшихся масс, требовавших уничтожения хлебной монополии и восстановления свободной торговли.

На этой почве произошел целый ряд выступлений против советской власти.

Меньшевики и эс-эры старались использовать это настроение: каждому движению изголодавшихся людей они старались придать особый характер противосоветского бунта.

Одним из наиболее характерных происков партий, несогласных с политикой советской власти, было июльское выступление левых эс-эров пытавшихся провоцировать новую войну с Германией—убийством ее посланника Мирбаха и вооруженным выступлением против Советского Правительства.

Эта попытка была так быстро ликвидирована, что белогвардейцы только и ожидающие любого повода для вмешательства, не успели присоединиться.

Все попытки такого рода были обречены на неудачу: рабочие очень быстро улавливали смысл событий и отказывали в какой бы то ни было поддержке—агентам англо-американского капитала и вольным и невольным пособникам буржуазии.

В отчаянных условиях, под угрозой расстрелов и насилий, рабочие Казани, Симбирска и Самары восставали против власти Учредилки и буржуазии.

Буржуазия и ее помощники—прибегли к последнему средству: они начали применять черный террор против вождей революции. На славном посту погибли Володарский и Урицкий.

Было произведено, к счастью не имевшее тяжелых последствий, покушение на вождя рабочего класса и III Международного Интернационала – В. И. Ленина.

При загадочных условиях потерпел крушение поезд тов. Подвойского.

Это наиболее крупные факты целой системы убийств из-за угла.

Сраженные предательскими пулями погибали в провинции—наиболее стойкие и опытные борцы, несшие знамя революции вперед и выше.

Этот период обостренной борьбы явился как-бы поворотным пунктом в движении пролетариата России за его освобождение. До сих пор оно, как будто шло по нисходящей линии, теряя почву под ногами и задыхаясь в тисках империалистов.

С начала сентября повернулось военное счастье: молодая пролетарская армия научилась воевать.

Она нанесла чехо-словакам и белогвардейцам тяжелые удары, выбив их из Казани, Симбирска, Самары и постепенно очистив от них всю Волгу.

В то же время, начало оживать движение пролетариата в Западной Европе. Рабочие вспомнили о своих революционных традициях.

В огне этой борьбы погиб пресловутый гражданский мир и, впервые за все время Советской Республики, улицы европейских столиц огласились кликами пролетариата: «да здравствует Советская Республика».

Болгария выходит из войны, Украйна очищается от немцев, уходящих оттуда недобровольно, а под давлением побед англо-американцев на Западе, и под грозным натиском революционного движения. Уходят волны немецкого прилива из Прибалтики и Белоруссии.

Заново начинается собирание России, которое когда то было проделано огнем и мечем. Теперь оно произойдет добровольно, как экономическая необходимость и неизбежность.

В сознании классов общества внутри России, долгое время сопротивлявшихся Советской Власти, произошел перелом: русская интеллигенция, до сих пор немирившаяся с пролетарской революцией, возвращается к народу, готовая служить ему.

Путем тяжелой борьбы Советская Россия пришла к закреплению своих завоеваний.

Ей пришлось лавировать, избегая открытого столкновения, соглашаясь на уступки и тяжелые компромиссы, лишь бы выиграть время.

В пролетарской революции России было три периода: первый—триумфа, когда она шла от победы к победе, когда к ее голосу прислушивалась вся Европа. Период этот продолжался с октября по февраль.

Второй период—тяжелых ударов и лавирования, когда каждый день мог принести гибель, когда страна задыхалась в тисках врагов и голода. Этот период продолжался с февраля по сентябрь.

И теперь после сентября—возрождение революции и вера в ее близкое торжество на Западе.

Может быть, будет и еще много затруднений в борьбе за торжество конечных идеалов, но момент великой битвы двух классов—угнетенных и эксплоататоров—все же приближается.

Пролетарская революция принесла всему миру меч классовой борьбы. Своим строительством в течение года, она оттачивала его. Это понимали все империалистические правительства, старавшиеся погубить пролетарскую революцию.

Это им не удалось, благодаря внешним условиям—продолжающейся войне и невозможности для них ее кончить.

Социалистическое строительство Советской Республики возбуждает энтузиазм пролетарских масс, зовет их на борьбу, указывая цель ее и возможные пути развития.

Р. Арский.

Фот. раб. Оцупа.

Заседание Совета Народных Комиссаров.

Пролетарская конституция.

Писанная конституция, вообще говоря, для марксистов,—а таковыми являются сознательные коммунисты—не представляет такой важности, как для идеологов буржуазного общества и в особенности его левого крыла. Мы совершенно иначе смотрим на всякую конституцию, нежели на нее смотрели вожди французской революции или творцы американского союза.

Для них это была прежде всего сверхестественная по своему происхождению «Народная воля, познанная победоносным разумом в вечных, неизменных законах природы», «Общественная правда, начертанная на скрижалях разума для всех стран и народов», «Священные, прирожденные права человека» или «Договор всех со всеми для восстановления попранного и забытого народного верховенства»—таковы торжественные, исполненные романтического пафоса и героического стиля, понятия, которые подымали идею закона до какого то сверх-закона, а конституцию до непогрешимого абсолюта.

И, параллельно с этим, шла законченность и завершенность. Все эти классические конституции ничего не оставляли для будущего. Для них разрешение великих задач устроения справедливого и благообразного общежития было делом настоящего или в крайнем случае недавнего прошлого. Основная мысль, положенная во главу угла, была следующая: «все сделано, все достигнуто. Наилучший порядок в наилучшем из миров найден и закреплен навсегда. Искать больше нечего и стремиться не к чему. Теперь остается одно—свято и нерушимо хранить добытое сокровище политического искусства и юридического мышления. Все же остальное от лукавого». И на этом основании принимались все меры к тому, чтобы затруднить изменение и пересмотр конституции.

Наконец, понятию конституции был присущ еще один признак. Как закон над законами и хартия над хартиями она получала значение не только высшего критерия законности, но правомерности и правды—справедливости. С этой стороны она как бы поглощала в своем символе правовой веры все остальное возможное правовое творчество и становилась священной догмой, конституционным Кораном, вне которого более не было никакого спасения. Политический кодекс, благодаря этому, становился своего рода моралью, категорическим императивом, который уже не подлежал критике по существу, а по самой своей форме оказывался обязательным—подобно нравственному долгу.

Если мы теперь сравним с этими чертами Советскую Конституцию, то она поражает своим «земным» характером и отсутствием оперений Райской Птицы. Прежде всего она лишена каких-бы то ни было метафизических украшений и ссылок на непререкаемые авторитеты. Даже в самых сильных своих местах, она не столько прибегает к раскрытию положительных ценностей и основ, сколько к указанию чисто-отрицательных сторон современного общества, которые новый строй желает устранить: «уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления на классы, безпощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах» (ст. 3)—только и всего. Чисто практические меры по отношению к весьма реальным явлениям. Это не крылья, приспособленные для парения, а рука, приготовленная для удара.

Но и в другом отношении не сравниться нашей Советской конституции со своими буржуазными сестрами. В то время, как они окончательно устанавливают на земле «свободу, равенство и братство» и всякие права индивида, наша, увы, довольствуется тем, что только намечает цели для общей деятельности, а свои достижения отмечает в высшей степени деловито и скромно, только как «первый шаг»: передача земли трудящимся предпринята в осуществление социализации земли; рабочий контроль введен, как «первый шаг» «к обезпечению власти трудящихся над эксплуататорами»; аннулирование займов—это только «первый удар международному капиталу»; национализация бан-

нов—лишь «одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала» (3, П. П. а, б, в, г, д)—одним словом во всем лишь первое начало долгого и трудного пути «вплоть до полной победы международного рабочего восстания против капитала», но нигде торжествующей остановки, нигде тщеславного завершения.

Наша конституция, как всякий другой план организации общества, устанавливает права и обязанности также, как моральные требования. Но нигде они не являются самостоятельными, сущностями—законом ради закона, долгом ради долга. Наоборот, они вытекают логически из данных жизненных условий, являются средствами для достижения раз поставленных целей и получают характер практической целесообразности, а не отвлеченной и абсолютной моральности. От «всеобщей трудовой повинности», от «обязанности всех граждан республики» защищать «социалистическое отечество», от «обложения налогами и сборами» «на нужды местного хозяйства»—до лишения «отдельных лиц и отдельных групп» тех прав, которыми они пользуются «в ущерб интересам социалистической революции» (ст. 3, пп. е, п, ж. ст. 18, 19, 23, 82)—везде это практически обоснованные обязанности, которым соответствуют столь же практически осуществимые права. Нигде у нас нет так называемаго nudum jus—голого права, но везде право на соответственные средства для его осуществления—помещения, издательский аппарат, материальное содействие, безплатное образование и т. п. (ст. 14, 15, 16 и 17), которые связывают право с действием, свободу с ее осуществлением. Воистину, строго «материалистическая» форма, берущая реальность, а не фикцию, создающая целесообразный план, а не отвлеченную справедливость, ставящая далекий и, быть может, трудно достижимый идеал вместо дешевой идеализации. Уже эти черты дают нам возможность сделать одно, чрезвычайно важное заключение и отметить крупный идеологический переворот.

Классовое господство буржуазии, в форме конституционного или демократического государства, необходимо было связано с монопольным господством права и юридического начала. Вместе с этим получил исчерпывающее значение принцип справедливости, который ослеплял своим стремлением к равенству, уравновешению, равному дележу, равному воздаянию. Но право и справедливость обладают одним специфическим свойством. Они, не повреждая своего безусловного характера, выступая во всеоружии своих вечных, необычайно строгих и недопускающих никаких уступок требований, в тоже время обладают величайшей двусмысленностью и способностью к извращению. Ибо весьма легко можно произвести уравнение в пустяках, установить справедливость лишь в каком нибудь одном отношении, или подставить под требование равенства такую мерку, которая именно во имя справедливости—приведет к величайшей несправедливости. Не даром сами юристы изобрели пословицу о том что—fiat justitia, pereat mundus» или иначе говоря—во имя торжества справедливости можно великолепно погубить весь мир.

Понятно теперь, почему буржуазное общество молилось правовому началу, жило юриспруденцией и всякую власть оправдывало не ее целью, а исключительно правом и превращало ее не в средство для общественного совершенства, а в предмет правового обожания и чисто внешнего формального разграничения. Стоило любому насилию, самой безпощадной тирании получить правовой парик и соответственную маскировку из хорошей юридической мастерской и чудо было совершено: гнет и деспотия становились правоотношением, а следовательно не только респектабельными особами, но и священными идолами для курения фимиама.

И вот, наша Советская конституция наносит в этой области неслыханный и непоправимый удар. Она рушит старые юридические призраки и чудовища и желает быть не, воплощением «справедливости», подделанной юристами, а целесообразности рожденной жизнью и к жизни обращенной. Не дележка между выдуманными единицами, а сочетание живых средств и целей, организация великого коллективного трудового и боевого движения, гибкое и упорное приспособление к хозяйственной и социальной среде в целях окончательного овладения ею и технической победы—таковы характерные черты конституции—плана, конституции, как рабочего проэкта, зовущего вперед, конституции, как первого шага на далеком тернистом пути. Другой пролетарская конституция и не может быть.

Такое понимание конституции чрезвычайно облегчает и ее критику. Взятая не как фетиш, но как рабочий план для организации социалистических сил в современную эпоху борьбы, или, говоря словами конституции, в «настоящий переходный момент» (ст. 9), она сразу выявляет свои положительные и отрицательные свойства. Остановимся сначала на первых.

В отличие от буржуазных конституций, наш основной закон прежде всего называет государственную власть такой, как она есть, без прикрас и стыдливой ретуши. Пролетариат не боится назвать вещи их соответственными именами и в своей конституции прямо и открыто говорит о «диктатуре городского и сельского пролетариата», о «мощной Всероссийской Советской власти» и о принадлежности ее «целиком и исключительно трудящимся массам» (ст. 9 и 7). Этим резко подчеркивается классовый характер власти, которая была и есть всегда господство одного класса над другим, но в буржуазном обществе прячется под невинным обликом «обще-народного суверенитета», окружается сиянием «национального верховенства» или даже «народной воли».

Вполне последовательно поэтому в Советском строе «эксплоататорам не может быть места ни в одном органе власти», от участия в выборах устраняются все категории—буржуазного класса, а «в интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров—декретируется вооружение трудящихся»... и «полное разоружение имущих классов». Вследствие же этого и «почетное право защищать революцию с оружием в руках представляется только трудящимся» (ст. 7, 65, а, б, в, 3, ж, 19).

Казалось бы, такое откровенное превозглашение диктатуры может вызвать подозрение в стремлении к деспотии. Ведь власть развращает, особенно власть, где совершенно откровенно говорится о «беспощадном подавлении» другого класса, о «решительной борьбе» с ним, или об его «полном подавлении» (ст. 3, 7, 9). Мы ведь, слишком хорошо знаем влияние и значение власти в буржуазном обществе, где из нее сделали бессмертное божество, непогрешимое и всемогущее, где приносят ей бесчисленные человеческие жертвы и верхом политической мудрости почитают сохранение, укрепление и увеличение ее священных прерогатив. Неужели с нас мало Неронов и Бонопартов, Меттернихов и Аракчеевых, Вильсонов и Клемансо, что мы хотим в пролетарской республике воскресить кровавых мертвецов и организовать тиранию.

Так и говорят враги Советской власти, которые не хотят видеть одного, что наша «диктатура» устанавливается лишь временно, для строго определенной, преходящей цели, что вслед за достижением ее—после «подавления» буржуазии и об'единения «всех граждан республики» в великое братство труда,—будет уничтожена «эксплоатация человека человеком» и водворится социализм, «при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» (ст. 18, 9), а следовательно кончится вместе со всякой властью и власть трудящихся и «диктатура пролетариата». Мы берем власть, чтобы ее уничтожить. Мы пользуемся ею сейчас, чтобы отложить ее потом навсегда.

Положения Советской конституции о власти, ее цели, характере и принадлежности бесспорно являются и новой и оригинальной чертой, хотя, конечно, для марксиста такое понимание власти не представляет ничего удивительного. Во всяком случае, впервые в Советской конституции эти положения получили значение государственного акта.

К удачным сторонам конституции, в известной части, относятся и положения о правах и вольностях трудящихся, в которых обезпечивается за пролетариатом пользование его важнейшими приобретениями. Характерную черту этих «прав» составляет то обстоятельство, что, как мы уже отметили выше, наряду с правом здесь указаны и те фактические условия, благодаря коим это право единственно и получает свое осуществление. Получается таким образом не только право на свободу слова, но и на соответственные типографские и издательские средства, не только право на свободу собраний, но и право на соответственное помещение, не только право на просвещение, но и на безплатное обучение и т. п.

Правильно и то, что эти «права» обезпечиваются лишь за трудящимися, как необходимое их оружие в борьбе за социалистический строй.

Однако, против всей этой конституции вольностей и прав имеются и серьезные возражения.

Во первых, вряд ли имеет какую-нибудь практическую ценность предоставление прав и вольностей трудящимся в Советской республике, где и без того «вся власть» принадлежит рабочему населению страны и притом не фиктивно, как в различных «общенародных» демократиях, а действительно, благодаря в значительной степени уже совершившейся экспроприации экспроприаторов. Ибо совершенно очевидно, что в понятие «всей власти» входят и все «права», которые пожелает взять себе обладающий властью народ трудящихся.

Во вторых, самому духу нашей конституции и Советского строя противоречит декларация каких то индивидуальных и суб'ективных прав, которые были весьма у места в буржуазных конституциях; там все исходило от индивида, от взятой отдельно особи, как «естественного» человека с его прирожденными и неотчуждаемыми правами, и подобных фикций демократической идеологии. У нас такого «суверенного индивида» нет и быть не может, у нас господствует не «я», а «мы», не личность, а коллектив, не гражданин, а рабочее общество. И в конце концов, если понадобится коллективу «использовать» так или иначе отдельного «товарища» социалистической республики, то никакие личные неприкосновенности или права не могут послужить препятствием к такому осуществлению «всей власти» трудящихся.

Наконец и по форме не совсем удовлетворительна наша Конституция «прав». И если в «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», сравнительно более удачно, место «прав» занимают положительные меры, которые приняты для обеспечения рабочему населению его власти: в виде социализации земли, фабрик, заводов, банков и т. п., то в «общих положениях» конституции различные «свободы» весьма похожи на обычные украшения буржуазных конституций в виде разных «прав» и отличаются общим всем им недостатком: они несмотря на улучшения внесенные пролетарской конституцией—все же не дают реального юридического предмета и не указывают тех лиц, или учреждений, на которых лежит обязанность осуществить или обеспечить указанные «свободы». В конце концов смысл у Советских «свобод» может быть только один,—это что соответственные совдепы должны по требованию трудящихся дать им помещения для собраний, типографии для газет и т. п. Но в таком случае, если это нужно почему то специально оговорить, это нужно выразить, не в форме «свобод», а соответственных обязанностей советов.

Вот почему в проекте Советской конституции, представленном в свое время Коллегией Народного Комиссариата Юстиции, никаких «прав», «вольностей» или «свобод» вообще не было, а для укрепления и защиты уже проведенных мероприятий по экспроприации буржуазии и обеспечению власти народа Всероссийским С'ездом—предписывалось проводить изменения или отмену указанных мер лишь в особом «учредительном» порядке или иначе в порядке «изменения настоящей конституции» (ст. 27 проэкта Нар. Ком. Юстиции).

Самое слабое место Советской конституции однако не в положении о правах или свободах, а в гораздо более существенном месте. И здесь мы должны опять-таки отметить, с одной стороны новый творческий шаг, который создает положительно эпоху в развитии государственных форм, и с другой—неумение или нерешительность в деле его законодательного выражения.

Мы говорим здесь о новом применении и расширении начала «союзности» и «федерации».

До сих пор такие союзы или федерации создавались только между более или менее крупными государственными или государствообразными единицами. Исключением здесь являются только некоторые суверенные волости или сельские общины Швейцарии. Союзный принцип заключается в том, что такие, составляющие федерации, штаты или кантоны являются основными и первичными носителями власти и, путем передачи части своей компетенции—более крупным союзам, устанавливают над собою общие союзные учреждения с точно определенным кругом ведомства и пределами власти для осуществления задач общих союзному образованию. Это своего рода система разделения властей, но не по отдельным ведомствам—законодательства, управления и суда, но по территориальным округам кантона или штата с одной стороны и союза с другой. По существу без такого применения союзного или федеративного начала—современ-

ная крупная демократия немыслима, так как лишь этим путем возможно сочетание централизованной власти союза, действующей на всем его пространстве, и автономии местных единиц, которые являются основными в процессе образования власти в демократии.

В деле применения федеративного или союзного начала Советская республика сделала несколько крупных шагов вперед и, с гораздо большим правом, может называться «федеративной», нежели Американские штаты или Австралия.

Во первых, Советский строй распространил союзный принцип с крупных территориальных единиц,—как они выросли напр. в Америке под влиянием капиталистического хозяйства—на мелкие, несравненно более близкие к массам и доступные их непосредственному влиянию. Поэтому у нас и получилась не республика кантонов, штатов или вообще областных государств, а республика советов—всех без различия. В конституции наша республика так и называется: «Республика Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», вся власть в ее пределах принадлежит поэтому не непосредственно «всему рабочему населению страны», а определенной его организации, т. е. этому населению «об'единенному в городских и сельских советах». И уже эти советы, в свою очередь, образуют союзные органы, которые поэтому называются не с'ездами депутатов и не губернскими или уездными советами, а именно «С'ездами Советов», так как не население непосредственно, а советы создают свои конгрессы или с'езды (ст. 1, 10, 53 Конст.).

Но федеративное начало, как впрочем и следовало ожидать, получало у нас и дальнейшее развитие, как внутри самих советских организаций так и далеко за их пределами. И этот процесс по существу был неизбежен. Ведь не надо забывать, что с водворением советского, а затем и социалистического строя—необходимо отмирают формы партийно-парламентарного правления с их тиранией большинства над меньшинством и постепенно рождаются новые. По существу, с прекращением классовой борьбы,—а к этому и стремится Советская власть (ст. 3 и 9)—исчезает и борьба партий; на место прежнего представительства классов в их партийном выражении—становится представительство производительных сил общества в их естественном органическом сочетании, а место партий занимают производительные коммуны и ассоциации, фабрично-заводские организации, профессиональные союзы, кооперативы и т. п. Борьба между ними, на манер партийной, была-бы социальным самоубийством, и естественно они организуются более или менее на началах пропорции и паритета, т. е. опять-таки на началах союзном или органическом, а федерация естественно ложится в основу представительства.

И в самом деле, хотя-бы краткий обзор системы представительства в советы, как оно сложилось до сих пор, показывает нам тот истинно творческий путь, которым пошла революция. Партийное представительство отпало, ибо по существу водворилась одна партия—партия коммунистов, или иначе партия советов. Так и должно быть, но взамен этого сложилось нечто иное. А именно в самых различных сочетаниях родилось представительство не по числу голов, не на основе числа голосов той или иной партии, а по степени важности в общем хозяйственном строе общества—той или иной социально-хозяйственной, социально-культурной или политической организации или коллектива. Т. е. другими словами: представительство не партийно организованных единиц, а хозяйственно сложившихся коллективов.

К ним действительно и принадлежат указанные выше организации: фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, кооперативы, коммуны и подобные об'единения, которым предоставляется число голосов не сообразно числу их членов, а сообразно их весу и значению для всей жизни страны.

Союзный или федеративный характер Советского правительства к сожалению не нашел выражения в конституции. Авторы конституции, находясь под сильным влиянием старых, буржуазно-демократических образцов, не решились дать надлежащее выражение указанному и повсеместно у нас существующему факту. И так как, в конце концов, существующая на деле система Советского представительства все-же резко отличается от старых демократических образцов, то авторы конституции здесь ограничились: с одной стороны фиктивным установлением соответствия максимума и минимума числа депутатов числу жителей (в том числе и лишенной прав буржуазии), а с другой указанием на су-

ществующие в каждой местности «обычаи» и постановления местных советов о форме участия в выборах «профессиональных и иных рабочих организаций» (ст. 66, 70).

Гораздо более удачно отмечено в конституции федеративное начало там, где для этого были уже соответственные, буржуазно-демократические образцы, т. е. в области автономии областной и национальной. Здесь мы встречаем в Советской конституции ряд положений, которые более или менее соответствуют современным запросам жизни. Таковы положения, которые устанавливают возможность образования новых «автономных областных союзов» там, где имеется на лицо «особый быт или национальный состав», и «рабочие и крестьяне каждой нации» примут «самостоятельное решение» на соответственном «Советском С'езде»: «желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных Советских учреждениях» (ст. 2, 8 и 11). Конечно, и здесь положения конституции необходимо толковать расширительно—под «особым бытом» следует понимать и быт хозяйственный и строй культуры и все, что может побудить к желанию образовать автономную Советскую область. Но один путь для такой федерации—через советы к союзам и с'ездам советов.

Советская конституция, сложившаяся в результате компромисса нескольких течений, и являющаяся первым опытом в своем роде, конечно, на ряду с крупными достоинствами обладает и некоторыми недостатками. На ней очень отразилось то обстоятельство, что ее составители во многом следовали за процессом развития, который буквально совершался на их глазах, и у них не было той исторически испытанной почвы, которая так облегчает идеологическую надстройку политических форм. С другой стороны, люди, стоящие в самом пылу политической борьбы не склонны доверять и тем чисто теоретическим обобщениям, которые иногда угадывают новые формы раньше, нежели они окончательно обнаружатся на практике. Как бы то ни было, первый замечательнейший опыт сделан и он многое облегчает для дальнейшего.

При оценке нашей конституции не надо забывать и указанного в начале обстоятельства. Мы коммунисты, никогда не были и, надеюсь, не будем поклонниками буквы, обожателями партий, фанатиками писанного закона. Для нас и совершеннейшая из конституций существует и ценна не постольку, поскольку она что-то представляет в формах догмы или символа веры, а поскольку она верно отражает данное соотношение сил, отвечает данному периоду развития и организует существующее движение. Конституция должна быть, потому что она есть, а не наоборот.

И если мы хотим правильно понять наш долг по отношению к конституции, то, во первых, мы должны хранить ее, как выражение первой в мире республики советов, которая, надо полагать, скоро станет республикой советов всего мира. Вовторых мы должны непрестанно заботиться об ее улучшении. Жизнь идет все вперед, и конституция должна поспевать за ней. Переходный период минет, переходные формы тоже пройдут. От переходной республики мы должны придти к социалистической в истинном смысле этого слова. П. И. Стучка назвал нашу конституцию—конституцией гражданской войны. И это совершенно верно. Но от нее мы должны сделать новый шаг—к конституции социалистического творчества. И это придет, когда мы по словам теперешней конституции, доб'емся «полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» (ст. 9).

А тогда, может быть, и конституция станет излишней.

М. Рейснер.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

Поэзия железной расы.

Оглядываясь назад на пути, пройденные после октябрьской революции, мы, несмотря ни на что, можем с спокойной совестью сказать: основы новой жизни заложены.

Но вместе с новой жизнью расцвела ли и новая поэзия? Творец революции, строитель советской республики, пролетариат, выявил ли он свой лик поэта? И куя новую жизнь, подарил ли он миру новые песни?

Для каждого, даже поверхностного, даже предубежденного наблюдателя не может подлежать спору тот факт, что вместе с новым классом, ставшим на авансцене жизни, пришли и новые поэты. Как во всех областях практической и теоретической деятельности — после красного октября—словно откуда-то из неведомых глубин земли вдруг вынырнула на Божий свет целая рать ранее никому неизвестных творцов. Стихи их рассеяны по столичным и провинциальным газетам, журналам, альманахам и сборникам.

Но эти новые поэты сумели ли они в своих творениях выявить дух того нового класса, который пришел на смену буржуазии, сумели ли они воплотить дух той новой жизни, которую, смелыми ударами сплеча, закладывает этот новый класс и, наконец, сумели ли они дух этого нового класса и дух этой новой жизни вправить в новую поэтическую форму, в оправу новых образов, нового стиля?

Или, другими словами: октябрьская революция, начинающая новую страницу в истории страны, открывает ли она и новую эру в развитии нашей поэзии? Вот в чем вопрос.

И на него надо ответить.

Среди поэтов пролетариата, одни из которых выступили на литературное поприще еще до октября, а другие получили свое поэтическое крещение в купели октябрьского переворота, есть, несомненно, не мало свежих и многообещающих талантов, о которых хочется и о которых следует поговорить.

Но если мы ищем материал для ответа на вышепоставленный вопрос и если мы желаем получить на него ответ утвердительный, мы должны остановиться на творческих исканиях и творческих достижениях трех из этих поэтов.

Один из них особенно выпукло выявил революционную психику пролетариата, но выявил он ее в унаследованной от прошлого традиционной поэтической форме *(Кириллов)*. Другой инстинктом понял, что дух новой жизни, творимой рукою рабочего класса, нуждается для адэкватного свого воплощения въ новой художественной оправе, но эту новую художественную форму он не сам выковал, а взял со стороны, у заграничных поэтов, идя по стопам американца Уитмана и бельгийца Верхарна *(Малашкин)*. Накопецъ, третий из них сумел найти для воплощения психики того класса, который вынырнул из недр земли «посланником чудес и катастроф», для воплощения духа этой железной расы образы необычные, свой стиль,

стиль, кованный из железа и стали *(Гастев)*.

Творчество Кириллова *) еще многими нитями связано с уходящим прошлым. Поэт стоит еще поодаль от того класса, выразителем духа которого он является. Он—такая же обособленная личность, как поэты буржуазной эры. Он не сливается еще с тем коллективом, чье могучее обаяние он ощущает всеми фибрами своего существа. Он еще не сама поэзия этого класса, а только—как он и сам выражается—«эхо» этого класса.

Без колебаний, без недоумения, прямо и восторженно, приемлет он пролетариат и в том его—не только буржуазию, но и интеллигенцию ужаснувшем образе, его истинном образе—образе революционера-разрушителя.

Вот он спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических.

. . . .

Думали,—явится в солнечных ризах,
В ореоле божественной тайны.

. . . .

Думали,—явится в блеске и славе,
Кроткий, благостный, нежный,
А он подобно огненной лаве
Пришел многоликий, мятежный.

И между тем, как из черного лагеря контр-революции на «земли властелина» сыпались наветы ярой злобы, поэт-пролетарий, поэт пролетариата слагает свой гимн ему—разрушителю, который вместе с тем творец.

Под темной блузой, в груди суровой
Ты носишь солнце жизни новой,
Ты первый гром весны грядущей.

. . . .

Когда гремит твое восстанье
И меч твой красный,
В дыму сверкая,
Врагов разит,
Он, убивая и разрушая,
Иной, прекрасный мир творит.

. . . .

Иди, греми грозой мятежной,
Весною нежной
Над миром вей,
Святую весть освобожденья,
Цепей паденье
Неси скорей.

В лице пролетариата в мир вступила новая раса, созданная железом, отлитая из стали. В ней «сила паров» и «мощь динамита». Она «породнилась с металлом», «душой с машинами слита». Железной поступью идет она в обетованную страну будущего. Что ей старый мир с его богами и идолами! Перед ней—страна еще неведомых чудес. Вся во власти, «мятежного страстного хмеля», она не остановится ни перед чем. Все, что помешает ей создать пантеон **своей** культуры, будет сломано.

«Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля. Разрушим музеи, растопчем искусства цветы». Пусть старый мир бросает ей в лицо имя «вандала», палача красоты и «хама»,—что ей жалкий лепет умирающего мира!

Мы вольны, мы смелы, мы дышем иной
красотой.

На месте разрушенного расцветает новый мир еще неведомых людям материальных достижений и духовного богатства.

Мускулы рук наших жаждут гигантской
работы,
Творческой мукой горит коллективная
грудь,
Медом чудесным наполним мы до верху
соты
Нашей планете найдем мы иной ослепи-
тельный путь.

Так среди рушащихся обломков прошлого, среди ненависти старого мира, шествует к своей солнечной цели железом повитая, сталью вскормленная раса, вся во власти «мятежного страстного хмеля».

Любим мы жизнь, ее буйный восторг
опьяняющий,
Грозной борьбою, страданьем наш дух
закален.
Все мы, во всем мы, мы пламень и
свет побеждающий:
Сами себе божество, и судья, и закон.

И из груди ее, одетой в железную броню, выливается благодарственный

*) В. Кириллов. Стихотворения. Библиотека Пролеткульта.

гимн тому, кто вдохнул в нее «силу паров», кто наделил ее «мощью динамита»— ему, учителю и вождю, Карлу Марксу:

Твои мечты, как стаи алых птиц,
Дыханьем радости над миром пронеслись.
Навстречу им, как зарево зарниц,
Костры восстаний к небу поднялись.
Пророк грядущих солнечных веков,
Могучей мысли пламенный титан!
Ты бросил в мир великий, властный зов:
Восстаньте, пролетарии всех стран!

Если поэзия Кириллова выявляет ярко и выпукло революционную психику тех, кто

Породнились с металлом, душою с машинами слиты,

то поэзия Малашкина *) пытается облечь духовный мир «властелина земли» в иную, отличную от традиционной, поэтическую форму. Как Кириллов, и он еще не сливается с тем классом, который, создав жизнь, завоевал жизнь. Как Кириллов, он также только еще «эхо» пролетариата, а не сам пролетариат. Но в отличие от Кириллова он судорожно ищет новых поэтических средств для передачи воспринимаемых от творимой пролетариатом жизни впечатлений и—поклонник Уитмана, ученик Верхарна—он, порывая с традиционным стихотворным искусством, выковывает себе форму, для которой французские ученики Верхарна придумали название «пароксистской».

Я вижу: мимо милых сел,
По пажитям земли родной
Гудя, жужжа, как рои пчел,
Бросая радостью, тоской,
Восстанием, ужасом пожара
Во все концы земного шара,
Бегут и дни и ночи
Из жил рабочих
Телеграфов провода.

. . . .

Я вижу: гений предо мной
Луга, леса, поля и степи
Опутал в рельсы, словно цепи.
По этим рельсам взад, вперед
Быстрее все из года в год,
Свистками разрезая тишь,
Бегут в Москву, Берлин, Париж,
Чикаго и другие города
Из мускулов рабочих поезда.
Я вижу: в Лиссабоне, Риме.
Берлине, Вене, Петрограде.
Чикаго, Лондоне, Царьграде.
Кидая к небу клубы дыма,
Буйствуя неудержимо,
Сгустки мускулов рабочих
Дни и ночи
По металлу
По закалу
Молотами бьют,
Солнце новое куют,
Жизнь куют,
Куют.

Когда в октябре пролетариат, творец жизни, выпрямился во весь свой гигантский рост, чтобы стать царем жизни, Малашкин, как Кириллов, приветствовал его гимном, в котором—громче, чем у Кириллова—звучит сознание международного характера пролетарского движения, озаглавив свой гимн словами: «Демократия»:

Ты вышла, как Данте, из адского пламени,
В тужурке рабочей и в шляпе с полями широкими.
С кусочками синего неба и солнца в глазах,
С улыбкой живой на устах,
На улицы Лондона, Рима, Царьграда,
Парижа, Чикаго, Москвы, Петрограда
С словами глубокими
На огненном знамени:
«Свобода народов. Любовь».

При виде тебя и великого знамени.
Зенит и надир стали красны, как кровь.
Дворцы, небоскребы, соборы,
Свои устремляя испуганно взоры,
Встают, ощетинившись вновь,
На дыбы.
И чрез телеграфов столбы
И чрез телефонов столбы
Бросают в лицо твое светлое, злые укоры.

---

*) С. Малашкин. Мускулы. Издание Красного Дома.

Тучи проклятия,
Громы проклятия...

Но громче этих укоров и громче этих проклятий звучит голос певца демократии—

> О светлая, юная,
> Буйная!
> Я твой поэт.
> О лучезарная,
> О несказанная,
> Тебе мой привет!

Если в поисках новой поэтической формы Малашкин—рабочий на Сормовских заводах—пошел на выучку к поэту американской демократии, Уитману, на выучку к автору «Городов-Чудовищ», бельгийцу Верхарну, то Гастев *) сумел уверенною рукою выковать для воплощения психического мира тех, кто «породнился с металлом», кто «душою с машинами слиты», своеобразный стиль, слитый из железа и стали.

«Смотрите: я стою среди них:
станков, молотов, вагранок и горн и среди сотни товарищей.
Вверху железный кованный простор.
По сторонам идут балки и угольники.
Они стремительны, они размашисты, они сильны.
Они требуют еще большей силы.
Гляжу на них и выпрямляюсь.
В жилы льется новая железная кровь.
Я вырос еще.
У меня, у самого выростают стальные плечи и безмерно сильные руки.
Я слился с железом постройки,
Поднялся.
Выпираю плечами стропила, верхние балки, крышу.
Ноги мои еще на земле, но голова выше здания.
Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих усилий, а уже кричу:
— Слова прошу, товарищи, слова.
Железное эхо покрыло мои слова, вся постройка дрожит нетерпением. А я поднялся еще выше, я уже наравне с трубами.
И не рассказ, не речь, а только одно мое желание я прокричал:
— Победим мы...»

Если здесь, в этом первом аккорде поэзии рабочего удара, поэт еще ощущает себя, как самодовлеющее—«я», то в дальнейшем он без остатка растворяется в рабочей массе—сливается с своим классом, становится самим классом.

Он уже не «эхо» пролетариата, как Кириллов, не «певец демократии», как Малашкин—он сама душа, сама поэзия пролетариата.

Он вышел из неведомых глубин земли, этот класс, повитый сталью, вскормленный железом. Он вырвался из недр земного шара в могучем титаническом порыве.

«Мы хотели, чтобы наш выход из земли был чудом.

В подземные ходы мы заложили горы мелинита.

О, мы уверены, что взрыв был слышен на Марсе!

Земной шар застонал и бился в агонии. Весь мир на мгновенье замер. Но через лаву, пепел и дым вырвались мы своим быстрым миллионом из подземелья.

В рабочих куртках, в синих костюмах, в нашем защитном индустриальном цвете. Мы смеемся, мы молодо хохочем. Пусть знают во всей вселенной: на нашей планете едут по миру посланники чудес и катастроф». (Наш праздник).

Вырвавшись из недр земных с силою и быстротой экспресса, словно на экспрессе, она сама—эта неведомая миру раса—становится в своем железном устремлении, железным призраком экспресса, мчащегося к неведомым далям.

«Его дорога безконечна, но и бесстрашие его безгранично. Порой он рушится с мостов в воду на всем ходу. Стоны, крики, смерти... Но снова из глубины бешено вырывается неугомонный поезд, дышет пламенем, поет сталью, колотит и режет камни, врывается прямо в утесы, сверлит их грудью...»

«Он хочет перерезать всю землю, облить ее своим жарким дыханием, отдать ей

*) Гастев. Поэзия рабочего удара. Изд. Пролеткульта.

всю огненную страсть свою. Он хочет утопить человека в металле, расплавить маленькие души и сотворить из них одну большую. Он хочет заразить камни человеческим говором, заставить мерзлую землю петь гимны огню. И потом все смешать, дать волю, неслыханную по безумству и отваге, и самому умчаться дальше.

Дальше. На самые рискованные зыби, на край, на дальний край» (Экспресс).

И слившись с металлом машины, мчится через лаву и пепел, сквозь леса и утесы, вырвавшийся из недр земных железный «посланник чудес и катастроф». Вот вдали мелькнула полоса моря. А экспресс летит и летит.

Он весь изранен. Он полон горя, но, железно суровый, он схоронил в своем сердце, пламенном сердце всю боль этой небывалой дороги и поет мятежный «не о былом», а о «грядущих радостных под'емах», о «полных отваги и риска уклонах». (Экспресс.)

А море все ближе. Уже слышен его сердитый рокот. Всюду на пути, особенно в селах и полях, железному чудовищу выкидывают тревожные сигналы: «Остановитесь. Через океан нет мостов, и туннель еще не прорыт».

Но что может сдержать на ее победном пути железом кованную, сталью вскормленную расу. Одно могучее напряжение воли, и поезд уже несется «железным призраком» по «воздушным рельсам». (Мы всюду.)

Впереди он воздвигает молнии и радуги синего света. Они сплетаются в лучезарный туннель, и все выше и выше летит на воздушных рельсах «железный призрак», своим железным ревом заглушая «гомон ярмарок, заводов и военных сражений», всему «дрожащему», всему «паническому» угрожая «своим железным неумолимым рассчетом».

«Катастрофу я рассчитал до секунды и до миллиметра» (Наш праздник).

Но это еще не все «чудеса», на которые способна вырвавшаяся из недр земли «железная» раса покорителей и строителей мира.

Веками она из камня и стали воздвигала кран, который все рос под ее руками, «все смелел и металлически—шумно дерзил своей растущей силой». Он поднимал из океана затонувшие суда, переносил виадуки с одного берега реки на другой. А он все рос, и порою «из-за плетенных балок и брусьев у него смотрели глаза, полные дальнего замысла». Он становился все дерзостнее и брался за все более гигантские задачи—переносил с материка на материк целые города и государства. В этой непосильной порою, но все вновь преодолеваемой работе он весь спаялся, «нашел в себе новую каменную, металлическую кровь, стал единым чудовищем—с глазами, с сердцем, с душою и помыслами...»

Весь во власти «мятежного страстного хмеля», он—или те, кто его создал—что, впрочем, все одно, ибо они друг с другом неразрывно слились—они задумали нечто небывалое...

«Что нам затонувшие суда, рухнувшие виадуки, вокзалы, города и государства! Что гиганты-горы!»

Когда-то в дни седой старины великий ученый сделал открытие, которое давало возможность придать земле иное положение в мироздании.

Вот задача, достойная тех, кто призван строить новую жизнь.

И вот по земле «загуляли мятежные мысли».

«Мы сдвинем, мы сдвинем нашу родину-землю».

В ужасе мечутся «потребители жизни», привыкшие к ее веками утвердившемуся положению. Но железная раса—это чудище с каленой металлической кровью, не знает пощады.

«Разве, вы не видите, как неудобно посажена земля, как неловко ходит она по орбите. Мы сделаем ее безбоязненно гордой, дадим уверенность, пропитаем новой волей».

Пусть подвиг этот сопряжен с риском. Пусть предстоят жуткие минуты.

«Среди белого дня пройдут страшные ночные тени, рушатся храмы и музеи, раздвинутся горы, пронесутся непережитые ураганы, океаны пойдут на материки,

солнце может показаться на севере, мимо земли помчатся новые светила». Пусть так.

На то железная раса—«посланник чудес и катастроф».

«Риск мы берем на себя. Всем своим миллионом мы верим в удачу.—Мы сдвинем, мы сдвинем нашу родину-землю...»

———

Оглядываясь назад на путь, пройденный после красного октября,—а с той поры прошел лишь один год—мы можем, несмотря ни на что, сказать со спокойной совестью: заложены основы не только новой жизни, но и новой поэзии.

Прошел всего один лишь год, и на сцену истории не только выступила—вышедя из неведомых глубин земли—целая рать ранее никому неведомых поэтов, но среди них уже имеются такие, которые обновили нашу поэзию новым духом—духом революционного класса, разрушителя и строителя в одном лице,—которые вместе с тем проникнуты сознанием необходимости для нового содержания жизни выковать свой, от традиционной поэтической формы отличный, художественный стиль, и которым уже удалось отлить психику пролетариата в грандиозные образы—видения, сотканные, как и сама психика этого класса, из железа и стали. Октябрьская революция не только новая страница в истории страны, но и новый этап в развитии нашей поэзии.

В. Фриче.

Отражения революции 1917 г. в русской литературе.

Год лет между нами и завершительной ступенью русской революции—октябрьским переворотом. Но, измеряя мыслью эту незабываемую годовую полосу, видишь, что свой огромный рост революция отбросит тенью в столетия, в дали мировой истории. И безошибочно можем мы сказать: отражения революции в русской литературе ослепят наблюдателя—грядущего. Пока же перед нами—беглые отклики: приветственные, недоумевающие, проклинающие возгласы, мятежные призывы, крики борьбы, первые слова воспоминаний, повествований, раздумий...

Но уже эти беглые отклики развертывают перед нами картину разнообразную, широкую и значительную; уже стоят перед нами образцы поэзии новой, пролетарской. И, помимо того, есть у этой картины одно великое достоинство: она являет нам ту самую жизнь, в которой мы стоим и которую мы, современники, переживаем,—жизнь настоящего исторического момента, с борющимися в ней силами старого и нового, с ее вихрями, светом и сумраком...

Февральский переворот... Вспоминаются его неопределенно-демократические, народнические устремления, его отвлеченно-восторженное ликование, в котором, казалось многим,—забылось незабываемое, стерлось нестираемое: глубокие противоречия капиталистически-буржуазного строя, непримиримая противоположность классовых интересов. Выразителями этих настроений явились, главным образом, широкие круги интеллигенции: К. Бальмонт славит «чудо-свободу», «весну», «сердце русского народа», ему вторит П. Радимов, в характерно народнической манере, олицетворяя «народ» в традиционном образе былинного пахаря Микулы Селяниновича. Примечательно, однако, что и тот и другой спешат напомнить «народу»—о необходимости продолжать войну с Германией во славу «союзного» империализма («повеленья голос властный, чтоб мрак сожжен был—в быстрый срок»,—у Бальмонта; «Недругу грозно скажи: Не замай!»—у П. Радимова). Отзвуки этого восторженного, неопределенно-народнического настроения есть и в стихотворениях поэтов-крестьян: С. Есенина, П. Орешина. «Железное слово—«республика», «борьба за волю, равенство и труд», «огненный стяг»—в эти опьяняющие их слова еще не влагается у них четкого и продуманного социального содержания. Но все же в их стихах (главным образом, в стихах Орешина) уже звучит та нота социального возмущения и гнева, которая, неудержимо возростая, разразилась впоследствии громами октябрьского переворота.

От революционных мечтаний к трезвой и суровой революционной действительности переводит нас рассказ П. Арского «Кровь рабочего», многозначительно вскрывающий те огромные социальные различия, которые поставили вырванного из темных крестьянских низов солдата Махоточкина, с ружьем в руках,—против непонятных для него «бунтовщиков-рабочих», вышедших на улицу в февральские дни. Набросок В. Кириллова подводит нас, далее, уже к октябрьским событиям, к психологии сознательных революционных рабочих, рисуя тот неудержимо охвативший рабочих под'ем, который бросил их навстречу войскам Керенского. Своеобразную попытку вскрыть эту психологию революционного рабочего, а также очертить огромность октябрьских событий представляет поэма А. Блока «Двенадцать», местами приближающаяся к меткому и язвительному реализму народных часту-

шек, местами — там, где изображается мировой масштаб событий — поднимающаяся до высокого и смелого одушевления (таков, напр., конец поэмы, где рисуется Христос, идущий с красным флагом впереди «двенадцати»). Однако, задача, которую поставил себе А. Блок, разрешена им лишь отчасти: герои его поэмы, лущители подсолнухов, темные гуляки и убийцы, не характерны для революционного пролетариата; они принадлежат не к авангарду революции, а к арьергарду ее, к столичной «голытьбе»,—но тем знаменательней подмеченный в них поэтом неподдельный революционный под'ем. Стихотворения Самобытника и Князева вводят нас в атмосферу активной борьбы, боя с силами отживающего капиталистически-буржуазного мира, в атмосферу новых чаяний и лозунгов, пролетарской «переоценки всех ценностей» прошлого. К ним примыкают, в этом отношении, «Революция духа» поэта-футуриста В. Каменского и стихотворение в прозе А. Гастева.

К. Бальмонт.

Москва, 2-го марта 1917 года.

I.

Душа всегда желает чуда,
И чудо первое — свобода,
А радость первая — весна.
Весною нам любовь дана,
Ей зачарована природа,
А воля к нам идет оттуда,
Где первородна глубина:—
Из сердца русского народа.

2.

Но все высокие слова—
Ничто пред праздником прекрасным:—
Первопрестольная Москва
В своей зиме весной жива
И в единении согласном
Одним цветком сияет красным,
Как будто молний алый цвет
На всех оставил яркий след.
Я вижу в этом голос грома,
Который к мысли говорит,
Что между звезд, меж их орбит,
Одной всего полней знакомо
Пыланье пламеней воины.
И мы узнать еще должны,—
Для достиженья высшей нови,—
Грозу борьбы, пролитье крови,
Удары грома по верхам,
Что солнце заслоняют нам.
Мельканье каждой ленты красной
И каждый алый лоскуток
В себе лелеют не намек,
А повеленья голос властный,
Чтоб мрак сожжен был — в быстрый срок.

(„Утро России“, 3 марта 1917).

П. Радимов.

ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ.

Песня земли и черна, и темна,
Тяги народной и силы полна.
Эй, привалимся всей грудью к сохе!
Солнце блестит на твоем лемехе.

Много работы работал ты встарь,
Вскормлен тобою боярин и царь.
Не удалися питомцы твои,
Нынче без них, не горюя, живи.

Нынче свободы своей не отдай,
Недругу грозно скажи: «не замай».
Любо хозяину землю пахать.
Пахарь Микула, тебе исполать.

(„Русское Богатство“, № 6—7, 1917 г.)

С. Есенин.

ТОВАРИЩ.

Он был сыном простого рабочего.
И повесть о нем очень короткая.
Только и было въ нем, что волосы, как ночь,
Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у Матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.

И только иногда за скудным обедом
Учил его отец распевать Марсельезу.

«Выростешь,— говорил он,—поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насущной пищи.

Но вот под тесовым
Окном —
Два ветра взмахнули
Крылом;
То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся Российский
Народ...

Ревут валы
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
Над трупом труп,
Ломает страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет!
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час..
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он не задаром прожил,
Не даром мял цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты...

Нечаянно, негаданно с родимого крыльца
Донесся до Мартина последний крик отца.

С погасшими глазами, с пугливой синью губ
Упал он на колени, обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови, протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату и стал под образа.

«Исус, Исус, ты слышишь? Ты видишь? Я один!
Тебя зовет и кличет товарищ твой, Мартин...

Отец лежит убитый, но он не пал как трус!
Я слышу, он зовет нас, о верный мой Исус!

Зовет он нас на помощь, где бьется русский люд,
Велит стоять за волю, за равенство, за труд!»

И ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Исус на землю
С неколебимых рук.

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг... огни сверкнули...
Залаял медный груз...
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом Поле.

А там, где осталась Мать,
Где Ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну.

Ползает Мартин по полу:
Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!
Голос его все глуше, глуше.
Кто-то давит его, кто-то душит.
Палит огнем.

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Ре—ес—пуу—блика!»

(Из сборника „Скифы" № 2).

П. Орешин.

АЛЫЙ ХРАМ.

По жарким хлебным перекатам
Несу из солнца Алый Храм.

Свободу хижинам и хатам,
Свободу нищим и рабам?

Не Русь-ли пламенем об'ята,
Не Русь-ли алая до дна?
Не Русь-ли хохотом набата
Со всех сторон озарена?

В огне и золоте сермяга,
В душистом гомоне поля.
Под знаком огненного стяга
Горит российская земля.

В груди мечтам не стало места,
Душа — на крыльях золотых.
Святая Русь—моя невеста,
И я—возлюбленный жених.

Долой — же скорбные морщины.
Отныне светел я и смел.
Все бездны, ямы и пучины
Свободы Ангел пролетел.

Над каждой хатой — Радость-птица,
Над каждой хатой — Жар-Мечта....
И ветер ночи бледнолицей
Целует алые уста.

Светлы дороги перелеска,
Дымятся свечи по буграм.
Горит из солнечного блеска
Свободных граждан Алый Храм!

ДУМЫ МОИ.

Красные зори обняли грешную землю,
Русь подняла свой окровавленный стяг.
Крику набата сердцем надорванным внемлю:
Бедный народ все же по прежнему наг!

Низкие избы смотрят по прежнему жалко.
Крыши раскрыты чьей-то преступной рукой.
Вьются над лесом в небе разорванном галки.
Мечется ветер, плача над хатой пустой,

Шмыгают полем те-же разбитые лапти,
Падает с плеч старый, в заплатах, кафтан.
Вы, фабриканты, что же задумались? —
грабьте,
Грабьте смелее наших голодных сельчан!

Тощие земли в поле измызганы плугом,
Матушка-рожь в рост человеческий — где?
Бродит, гуляет горе по серым лачугам,
В избах худых сладко живется нужде.

В избах родных грамоты даже не знают,
Темень идет, шлепая лаптем худым.
Темные ночи звездами в поле играют,
В поле ночном стелется огненный дым.

Стонет за речкой колокол голосом ржавым,
Тень мужика выросла грозно во мгле.
— Суд беспощадный грозным, царевым оравам
Грабившим нас долго на бедной земле!

Темные избы пламенем алым об'яты,
Жаркая степь запахом сена пьяна.
Где-то с надсадом песню горланят солдаты.
Где-то опять душно хохочет война.

В поле несжатом звезды разбросаны всюду,
Шаткая рожь смотрит на изсы села.
В поле Россия мощно голодному люду—
Миру всему! — огненный стяг подняла.

(Из книги „Зарево“

П. Арский.

КРОВЬ РАБОЧЕГО.

В казармах П...овского полка царило напряженное состояние; люди ждали чего-то необыкновенного.

Действительно, в последние дни на лицах солдат можно было заметить беспокойство. Все ходили, точно к чему-то прислушиваясь. Говорили, что будто бы рабочие, по выражению фельдфебеля учебной команды Жохова-«хотят заварить кашу».

«Только не думаю я, чтобы из этого могло выйти что путное», —говорил он: — «потому что вся сила вот в них“—указывал он на винтовки, стройными рядами стоявшие вдоль грязной, пожелтевшей от сырости, высокой стены.

Но, несмотря на это, в казармах вполголоса начали поговаривать о возможности выступления рабочих.

—А против кого же это они выступать-то собираются?—виновато краснея, спросил безусый и румяный, с голубыми глазами на выкате, добродушный и плутоватый Иван Махоточкин, самый молодой солдат из всей учебной команды.

—А знамо против кого,—загадочно ухмыляясь, ответил Жохов и, осторожно оглядываясь вокруг себя, прибавил:

—Против царизму, дурья ты голова...

—Вот оно что! — озабоченно покачал головой Махоточкин.

—И то — есть, как же это так... Скажем к примеру ежели... Разве это можно?....—спрашивал он, окидывая добродушным взглядом солдат; но их насупленные лица ясно давали ему понять что этот вопрос его останется без ответа.

Каждый сосредоточенно думал про себя и скупо делился словами и мыслями даже с самым закадычным своим приятелем.

Все как-то замкнулись и ушли в себя.

Обедали и ужинали молча, ложились спать также молча, тем более, что в последнее время офицеры, редко вообще заглядывавшие в казарму, стали появляться несколько раз в день, а иногда даже и ночью, нарушая покой спящих «учебников» звоном шпор и сердитыми окриками на дневальных и дежурных взводных.

Наконец, учебной команде был об'явлен приказ быть наготове при полном вооружении, на случай тревоги.

Три дня и три ночи подряд ели и спали не раздеваясь; на четвертый день приказано было выходить из казарм.

Солдатам предварительно выдали сверх установленной нормы по несколько десятков патронов добавочных.

Перед выходом из казарм, в помещение учебной команды, как бомба, влетел командир полка и,не поздоровавшись с «ребятами», начал отчитывать за «все старое, новое и за два года вперед»,—как острили П. . .овцы.

— Как ты стоишь? А ты? Разве так надо держать винтовку?

Полковник рвал и метал. Хотел как можно больше нагнать страху на «баранов», как он всегда называл солдат.

А «бараны» стеклянным немигающим взглядом ели начальство.

—У тебя ремень слаб. Почему не подтянул? Чортова кукла!—ткнул полковник кулаком в живот Махоточкину.

Он свирепел все больше и больше.

На лбу выступили красные пятна. Лицо побагровело.

—И петлицы грязные. Сукин сын. Рохля! Завтра же под арест на пять суток!—обратился он к ад'ютанту.

Распекши всю команду, полковник отчеканивая каждое слово, произнес:

— Помните присягу. Слушать и беспрекословно исполнять то, что прикажет вам начальник. Прикажет, стреляйте. Патронов не жалеть. Те же, которые посмеют ослушаться, будут немедленно расстреляны. Слышите ли вы, болваны?... Ну, а теперь шагом марш!

Солдаты, не глядя на командира полка, начали выходить из казарм.

—Это что такое?—взвизгнул полковник и исступленно начал топать ногами, звеня шпорами.

—Мерзавцы, подлецы! Расстреляю всех —до одного!

Лицо его из багрово-красного сделалось синим.

—Фельдфебель! Каналья! Капитан! обратился он к начальнику команды.—Безобразие. Распущенность. Полное отсутствие дисциплины. Чорт знает, что такое. Примите к сведению,—обратился командир к ад'ютанту:—В завтрашнем приказе об'являю второй выговор командиру учебной команды штабс-капитану Чистякову.

Ад'ютант, стройный блондин, с завитыми в стрелку усиками и тонкой талией, затянутой в дамский корсет, шаркал ногами и, вытягивая нижнюю губу, сюсюкал:

—Слушаюсь, господин полковник.—Будет исполнено.

Учебная команда вышла из казармы, а полковник, в сопровождении ад'ютанта,сошел вниз в офицерское собрание.

Выпив залпом поданный стакан коньяку и пососав кусочек лимона, он приказал подать в биллиардную шары и начал играть сам с собою в «пирамидку». На первом же ударе он скиксовал, зацепил кием за сукно и разорвал последнее сразу в двух местах.

—А, чорт, —выругался полковник.—Маркер... Ты что же это, болван этакий, мне кий дал... не мой? А? Зашивай живо!—ткнул он в разорванное место на биллиарде.

II.

Когда П...овцы пришли на Невский, то им тут же сразу стало ясно, что каша, о которой им говорил в казармах фельдфебель Жохов, уже заварилась.

В душе заныло смутное беспокойство. Чувствовалось, что на улице готовится что-то необычайное—важное и большое.

Толстый и упитанный Жохов, мрачно насупив брови, молча выслушивал приказания начальника команды, который, как ни в чем не бывало, покуривал папиросу в янтарном, отделанном золотом мундштуке.

Поговорив с Жоховым, начальник команды взял бинокль и начал разглядывать окна дома, где, как ему показалось, мелькнула женская фигура.

Подпрапорщик Ковалев метался из стороны в сторону и, видимо, был озабочен тем положением вещей, которое грозило, по его мнению, осложнениями.

—Эх, дьявол меня возьми,—назойливо гвоздила его голову мысль.—Надо было на такой случай заболеть, а то того и гляди, что... Ну, да ладно... Что будет, то будет, —махнул он рукой и, придерживая шашку на ходу, подбежал к Жохову и спросил:—Откуда они должны идти—то?

—А вот от Нарвской што ли, —ответил тот: —не знаю...

По его побледневшему лицу и горящим, сразу впавшим глазам, было видно, что он напряженно о чем-то думал, что-то в душе решая.

Один только Махоточкин был спокоен, беззаботен. Ему казалось, что все так-же, как и он, ничего особенного не думают и смотрят на эту командировку, как на простую обязанность, выполнить которую нужно, потому что так приказано.

Однако, когда солдатам скомандовали рассыпаться цепью и лечь на землю, настроение у Махоточкина упало.

—Батюшки-светы. Что же это такое?— и потом вдруг, как оса, его больно ужалила мысль, показавшаяся ему невероятной: —А вдруг прикажут стрелять... Командир говорил, чтобы, значит, патронов не жалеть. А кто ослушается, того расстреляют... Как же это так.... В кого же стрелять-то буду?...

Его мысль, как раненая птица, беспомощно билась, и он не мог никак понять и ясно представить себе, что же в сущности происходит и что еще может и должно произойти.

Только одно ему было ясно, что как только прикажут стрелять, нужно стрелять, а в кого —неизвестно.

Махоточкин лежал на снегу и не решался спросить об этом соседа, в двух шагах лежавшего от него, ефрейтора Виноградова.

—Да что же это я, дуралей этакий, забыл догадаться! —вдруг вспомнил он. —В казарме говорили... Это рабочие! Ну, да, так оно наверное и есть.

В его мозгу мысли, как жернова, тяжело и неуклюже ворочались.

—Зачем же это мы в рабочих стрелять то будем? Ах, ты елка зеленая! вздыхал он.

—Вот бы спросить кого —либо!

Махоточкин напряженно морщил лоб.

Наконец, в его голове, видимо, наступило просветление.

—Бунт, —чуть слышно прошептали его губы.—Ну, да... Вот оно это самое и есть: взбунтовались и пошли против царизму, как, стало быть, говорил фельдфебель.... А только с чего бы это бунтовать им-то?- продолжал думать Махоточкин.

Но тут в вечернем сумраке при свете фонарей впереди на пустой улице показались черные точки, делаясь все больше и больше. Постепенно они сливались в одно общее темное пятно.

—Рабочие идут, —услышал Махоточкин сдавленный шопот своего соседа по цепи.

—Рабочие идут,—машинально повторил Махоточкин:—вот «сейчас»... Сейчас... начнется...—шептали его побелевшие губы.

Перед глазами у него поплыли красные пятна. В висках сильно стучало. В груди как будто перестало биться сердце. Он слышал, как кто-то леденящим голосом крикнул:

—Пли!

Но он не придал этому никакого значения. Рука его по прежнему крепко держала холодную винтовку.

Заставил его очнуться сильный удар по голове чем-то тяжелым и тупым. Махоточкин обернулся через плечо и увидел, глядевшие в упор на него, злые глаза начальника команды, «бульдога», как его называли солдаты, капитана Рыкова.

—Ты что же это, мерзавец? —прошипел тот сквозь зубы.—Не слышишь команды? Доложу командиру полка, расстреляют! Сукин сын!

Рыков больно ударил Махоточкина носком сапога под левое бедро.

Впереди ничего не было видно, темные точки быстро куда-то расплылись, рассеялись. Ряды домов по обе стороны угрюмо и сумрачно стояли и смотрели кое-где огненными просветами окон, бросая лучи на белый снег, покрывший густой пеленой все здания и улицы и повисший серебром на телеграфных столбах и проволоке.

—Стреляли... и убили там кого-нибудь, или нет?..—напряженно и тяжело думал Махоточкин, ощупывая голову, на которой от удара появилась опухоль.

—Что же это такое.... Не понимаю — беззвучно шептали его губы.—Неужели же еще прикажут... стрелять? Нет.. Нет... наверно больше не пойдут, побоятся...

И неожиданно из боковой улицы появилось несколько фигур близко, близко от солдат, так близко, что Махоточкин мог разглядеть их возбужденные лица и широко открытые, горевшие каким-то особенным огнем, глаза.

—Товарищи! Братья! —громко закричал один из рабочих. —Не стреляйте! Вы, солдаты, наши братья Мы с вами...

—Пли, —услышал Махоточкин короткий крик командира, и опять те же огненные, ярко—красные пятна поплыли перед ним, но тупая боль в голове заставила его судорожно нажать курок.

Раздался сухой треск ружейных выстрелов.

Один из рабочих широко взмахнул руками, закачался и медленно свалился на трамвайном пути, но другие подбежали к упавшему товарищу, подняли и унесли его в боковую улицу.

Махоточкин чувствовал во всем теле озноб. Он дрожал, не отдавая себе ясно отчета в том, что произошло.

Он не слышал новой команды, и только потому, что лежавшие солдаты вскочили и побежали вперед, он догадался, что ему надо сделать то же самое. Вскочил, взял винтовку на перевес и побежал, стараясь не отставать от других.

Когда легли, лег и он.

Положив винтовку на снег, он увидел перед собою темное пятно, которое при свете горевшего электрического фонаря, начало принимать более красный оттенок. Ему даже показалось, что от этого красного пятна исходит запах чего-то крепкого и одуряющего.

—Что это.... Неужели это. . Кровь?..— в ужасе подумал Махоточкин.—Да, да. Кровь... Кровь того убитого. Кровь раненого.... товарища, такого же, как и... я, человека....

Махоточкин не видел и не слышал, что потом было. Глаза заволокло, словно перед ним протянули красное полотно.

Очнулся он только тогда, когда его больно толкнули. Он медленно встал и, тупо уставившись в блестящую трамвайную рельсу, пошел, волоча за собою по снегу холодную винтовку.

Когда солдаты прошли несколько шагов, их остановили. Махоточкин начал понемногу приходить в себя. Лица солдат были суровы и нахмурены. Кто-то кого-то злобно ругал, но по чьему адресу это было, Махоточкин плохо понимал.

—Дьяволы.... проклятые,— услышал он позади себя голос ефрейтора Малыгина.— Пролили братскую кровь... Ни за что, ни про что... Черти.

Махоточкин обернулся и судорожно схватил ефрейтора за рукав шинели.

—Андрей Матвеевич... Как же это мы с вами... Грех-то на душу взяли... А?— чуть не плача проговорил он.

Малыгин резко отдернул руку.

—Ну, чего там... Постой-ка, не мешай, о чем это они там толкуют?—мотнул он головой вперед.

Там, повидимому, шло совещание. Приехавший верхом на лошади капитан Чикулин, жестикулируя, в повышенном тоне об'яснял что-то ротному, князю Чеколдаеву. Князь иронически ухмылялся и недоверчиво покачивал головой.

—Ерунда. Не может быть. Не верю.

—Я передал вам то, что видел, что знаю и что мне приказано,—выкривливая каждое слово, произнес капитан Чикулин и, повернув коня, уехал.

—Подлецы. Мерзавцы!—взвизгнул ротный.—Значит—правда...—и, теребя усы, он обратился к фельдфебелю:—Они идут сюда по Екатерининскому каналу, ты слышал?

—Так точно,—ответил тот,—растерянно забыв козырнуть.

—Веди команду по Садовой. Через Марсово прямо в казармы с главного входа. А я тут по делу в Аничков дворец,— скороговоркой отдал приказ Чеколдаев и быстро пошел в сторону Аничкова.

Фельдфебель ничего ему не ответил, посмотрел на солдат, потер подбородок и скомандовал:

—Трогайся!

Солдаты пошли, плотно сдвинувшись рядами. На их лицах появилось выражение озабоченности и нескрываемого страха.

В особенности осунулся и потерял свой уверенный и спокойный вид фельдфебель Жохов.

—Вот так каша, ребята, заварилась! Ну, ну!—произнес он, кривя рот и ни к кому в частности не обращаясь.

—Это о чем он?—спросил Махоточкин ефрейтора Малыгина, понуро шагавшего с ним рядом.

—А ты не слыхал, что говорили-то?

—А что? спросил Махоточкин.

—А то, что четвертая рота взбунтовалась....

—Да ну?—ахнул Махоточкин.

—Вот те и ну,—злобно усмехнулся Малыгин.—Это, брат, не то, что мы...

—А что же, Андрей Матвеич, мы?... —уныло протянул Махоточкин.

—Балда ты, вот что,—резко оборвал его Малыгин; но у него явилась потребность поделиться новостью с Махоточкиным, и он продолжал:—Ну, вот, когда, стало быть, четвертая рота узнала, что мы это палить начали в рабочих, за винтовки, да на двор... Ну из ворот-то их не выпустили. Они обратно в казармы, да и давай прыгать из окон... Тут на них налетел командир полка с револьвером, ну, а они его-то бац, и готово. Да ты что, аль оглох, что не слыхал, как нашему ротному Чикулин-то рассказывал. Думал о чем, что ли?

—Да, Андрей Матвеич, думал и того... этого не слыхал...,

—Н-да... брат... Вот она катавасия-то какая вышла. Накладут они ужо нам по шеям как следует быть.... Ей Богу.

—Кто?—вздрогнул Махоточкин.

—Да наши же П...овцы... из четвертой роты-то... Чорт непонятливый. Тьфу ты... —выругавшись, плюнул Малыгин.

—Да уж ежели того.... то, действительно... Чай их там восемь тысяч....—услыхал позади себя Махоточкин.

—Сами виноваты,—мрачно и озлобленно заговорил опять Малыгин.—Так нам, чертям, и нужно... Потому, не проливай братской крови... Воины – тоже!

—Да, так вот что.... Кровь... пролили неповинную... А за что? За что, Господи? —тяжело ворочалось в мозгу у Махоточкина. —Что же делать-то было, коли приказ такой...—рассуждал он про себя.— Можно было бы и не стрелять... А только я что-ж... Я вместе со всеми и, кабы ротный не ударил меня револьвертом по голове... Эх, чорт, леший, - вздохнул он.—Надо было бросить винтовку—и вся недолга.. Делай, что хочешь, а стрелять не буду.

Солдат ввели в их помещение, и дан был приказ не раздеваться. Голодные и замерзшие, они разбрелись по казарме. Всех волновала неопределенность их положения и тяготило чувство, чувство совершенного преступления. Никто ничего не говорил, все сторонились друг друга, избегая встречаться взглядами. Не раздеваясь и не выпуская из рук винтовок, люди провели всю ночь.

Когда же утром в окна забрезжил рассвет, за дверями послышались громкие голоса и шум. Солдаты мгновенно встрепенулись и насторожились. Как хищные звери они, вытянув головы, начали прислушиваться к тому, что происходит снаружи. Никто не решался подойти к окну и посмотреть на двор. Шум все усиливался. Наконец, двери широко распахнулись, и на пороге показалась группа в несколько человек солдат четвертой роты.

—Эй, вы, молодчики! Выходи все... Да не бойся... А за вчерашние грехи простим или накажем, потом видно будет...

—Выходи. Ну, живо. С винтовками!

—Как? Зачем? Куда?—послышались удивленные и боязливые вопросы «учебников».

—После об'ясним, некогда.

—Да чего их томить-то?—крикнул высокий рыжебородый солдат по прозванию «Верста».—Вишь, молодцы все измаялись. Надо просветить. Ребята, грянула революция. Слышите? Все заводы, все вышли. Сейчас идем в крепость освобождать наших товарищей из 4 роты, арестованных этой ночью. 19 человек. Может быть, их и живых уже нет. Казнили.... Ну, да там увидим; поняли, ребята?

—Поняли,—живо и весело откликнулись все хором.

—А теперь в крепость, как один, чтобы было дружно,—крикнул во всю мощь своей богатырской груди рыжебородый.

—Ну-ка, кто за революцию, выходи. Вперед! —скомандовал рыжебородый.

Гремя прикладами и громко и возбужденно разговаривая, ринулись к выходу.

—Эх, мы, ротозеи!—с легким укором хлопнул себя по лбу фельдфебель Жохов.

—Давно бы нам следовало начать это дело.

—Что и говорить,—подхватило несколько голосов, и весело улыбались солдаты.

—Ну, да ладно, лучше поздно, чем никогда,—довольным тоном, крутя ус, добавил Жохов.

—Эге,—удивился он, выходя за ворота казармы,—да тут миллион народу.

Действительно, вся площадь перед зданием казарм П...овского полка была запружена людьми. Какой-то странный радостный гул стоял над площадью. В утреннем морозном воздухе глухо трещал вдали пулемет, и гремели ружейные выстрелы.

Подошедшие гренадеры, соединившись с П...овцами, с пением Марсельезы, под музыку двух соединенных оркестров, двинулись к Троицкому мосту. Шли брать Петропавловскую крепость.

В перемежку с солдатами шагали рабочие, вооруженные также винтовками и револьверами, ручными гранатами и бомбами.

— Ишь ты, — удивленно глядя на них, думал Махоточкин: — тоже народ, видно, муштрованный и стрелять, видно, умеют... И бомбы... Ну, ну!

Праздничное настроение охватило его. От шума голосов, от песен с новыми для него словами и от музыки, и от красных знамен, веявших над идущими, с непонятными для него надписями, голова его сладко кружилась, а в груди замирало сердце.

На Троицком мосту, в передних рядах уже стало известно, что в Петропавловской выкинули белый флаг и готовы сдаться.

Стихшая было Марсельеза грянула с новой силой. Могучие звуки бессмертного

еволюционного гимна поплыли над Невой далеко — далеко.

Махоточкин, не знавший песни, тоже пел, и неведомые слова ему казались такими чудесными, близкими и приятными.

Внутри его что-то росло, поднималось и пело, и только в глубине там, в самом тайнике, тихо шевелилось что-то мучительно страшное, чего никогда нельзя уже забыть.

Темно-красное пятно на снегу, воспоминание о котором жгло душу огнем неведомой муки, тоски и страха за содеянное тяжкое и злое дело.

(„Грядущее". № о, 1918 г.)

В. Кириллов.

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

Незабываемая картина. Серый октябрьский день. Угрюмо и низко нависли над городом свинцовые тучи. Моросит мелкий косой дождик. Такой был этот знаменательный день, когда решалась судьба Великой Пролетарской Революции. По Московскому шоссе, шлепая по жидкой осенней грязи, двигается отряд красногвардейцев, направляясь к Пулкову, навстречу войск Керенского. Молчаливо, спокойно, без песен, музыки и алых знамен движется революционный авангард. Нет здесь ни театральности, ни бутафорского эффекта, чем так блистали дни февральской революции, но что-то глубоко потрясающее есть в этих спокойных, сдержанных лицах, в этих полных беззаветной отваги и решимости глазах. Чувствуется, что только через их бездыханные трупы могут пройти враги рабочего класса. Восстание пролетариата, одинокого, покинутого интеллигенцией, предоставленного самому себе—сколько в этом героизма, величественной красоты. По сторонам и позади идущего отряда движутся девушки—работницы. Они бросили фабрики и, перекинув через плечи сумки с медикаментами, идут за своими братьями, чтобы облегчить их страданья и, если понадобится, то вместе и умереть. Невольно вспоминается известная рабочая песня:

«Бросила работу, за ружья взялась
Дружная рабочая семья»....

Действительно, дружная рабочая семья, крепко спаянная непреклонной волей к победе. Какую красоту являла она перед лицом грозной опасности! Начинало темнеть. Издали доносилась орудийная канонада. По шоссе бешено мчались автомобили с вооруженными матросами, солдатами и красногвардейцами, и темной массой двигался вперед отряд красногвардейцев.

(„Грядущее," № 1).

А. Блок.

ДВЕНАДЦАТЬ.

I.

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем Божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко—
Всякий ходок
Скользит—ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате - плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»!
Старушка убивается—плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут.
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий—раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка - Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!
Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? —Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель—
Вития...

А вот и долгополый —
Сторонкой - за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?...

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
—Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И –бац—растянулась!

Ай, Ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад,
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили—
Постановили...
На время—десять, на ночь—двадцать пять..
И меньше—ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи—
Поцелуемся...
Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищ! Гляди
В оба..

II.

Гуляет ветер, порхает снег,
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом—огни, огни, огни....

В зубах—цыгарка, примят картуз,
На спину-б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра—та—та.

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой—в кабаке
— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята—
Кем, чем занята?...
Тра—та—та!

Кругом—огни, огни, огни...
Оплечь—ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем ка пулей в Святую Русь—

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую.
Эх, эх, без креста!

III.

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить—
В красной гвардии служить—
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе—горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко.
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем.
Мировой пожар в крови—
Господи, благослови!

Один из двенадцати красногвардейцев, Петруха, любит упомянутую в их разговоре Катьку. Когда—в один из их следующих обходов—им навстречу попадается лихач, мчащий куда-то Ваньку с Катькой, Петруха с товарищами, не задумываясь, открывают по нему огонь. Лихачу с Ванькой удается спастись, Катька остается на месте, убитая пулей в голову. Петруху вскоре охватывает раскаяние; товарищи с грубой и чуткой суровостью прерывают его покаянные речи.

—Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба что-ль?

Поддержи свою осанку!
Над собой держи контроль!

Не такое нынче время,
Чтобы няньчиться с тобой!

Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги,

Он головку вскидавает,
Он опять повеселел...

Горька его веселость, на дне его души шевелится мучительная тоска,—но и его вина, и угрызения его совести, и он сам— все это, малое и личное, на миг выдвинувшееся на первый план повествования, снова—и для самого Петрухи, и для поэта— поглощается мощным, непреоборимым величием развертывающейся кругом революции.

IX.

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городового—
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмется шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес, голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

X.

И идут без имени святого
Все двенадцать—вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга....
Да в сугробы пуховые—
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот проснется
Лютый враг....

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ.

XII.

....Вдаль идут державным шагом....
— Кто еще там? выходи!
Это—ветер с красным флагом
Разыгрался впереди....

Впереди—сугроб холодный,
— Кто в сугробе—выходи!...
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади..
— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались—поколочу!

....Скалит зубы—волк голодный—
Хвост поджал—не отстает—
Пес холодный—пес безродный....
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах—тах—тах!—И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах.

Трах—тах—тах!
Трах—тах—тах!...

....Так идут державным шагом—
Позади—голодный пес,
Впереди—с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз—
Впереди—Исус Христос.

(А. Блок.—Двенадцать. Скифы.)

Самобытник.

ПРИЗЫВ.

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу, в час битвы роковой:
Откликнитесь на призыв мой мятежный
Вы, с детства обожженные грозой....

Я младше всех, но в пламени пожара
Окреп мой дух для новых битв и ран.
Для грозного, последнего удара
Сбирайтесь, угнетенные всех стран!

Горит весь мир в об'ятиях железных,
А новый мир—в восстании труда.
Всех ваших сил, всех ваших душ мятежных
Смыкайте огневые провода.

О, если молот ваш в тревоге повседневной
Заставил шар земной испуганно дрожать,
Ужель у вас не хватит силы гневной,
Чтоб рабские оковы разорвать....

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу, сжимая свой клинок:
К восстанию! И в стан ваш зарубежный
Бросаю рая моих пылающий венок!

(„Грядущее", № 3).

В. Князев.

ВЕЛИКОЕ ЗАКЛИНАНИЕ.

Кто за Красный Шар Земной?—
За мной!
Кто проклятья шлет войне?—
Ко мне!
Не трепещет в черный год?—
Вперед!
Неизбежной бури ждет?—
Вперед!
Дети воли и труда—
Сюда!

Тот, первый, царствием небесным
Вас поманил, и вы.... пошли,
Как гурт овец, по тропам тесным,
Забыв о Царствии Земли.
И вот, земля тысячелетья
Томилась в пусте и во мгле,
Как сень без стения—поветья....
Второго царства—на земле!

Ко мне пришел ты издалече,
Но не твори молитвы мне:
Я не Христос, а лишь предтеча
Христа, грядущего в огне.
Крещу—огнем свободной песни.
Склони к источнику уста,
Очисти душу и—воскресни
Во имя Красного Христа!

Таков завет Христа Второго:
„Погибель тем, кто духом нищ—
Их буря выметет сурово
Из их пылающих жилищ.
И не утешится смиренный,
Точащий рабскую слезу,
И—не наследует вселенной,
Кто кроток в красную грозу!

Не нам дрожать пред черной бездной:
Воскреснет всяк, кто был убит—
Наш гордый шаг, наш шаг железный
В веках грядущих прогремит.
И внук, ловя громов раскаты
И видя молний письмена,
Помянет, трепетом об'ятый,
Бессмертных дедов имена!

(Из книги „Красное Евангелие.")

Василий Каменский.

Поэма революции духа.

Взметайте миры
Осужденные вечностью
Свой искрометный огонь—
Взлетайте орлы
Увлеченные млечностью
Ко мне на ладонь.

Я горю неизбывным пожаром
Мирового строительства,
Во славу престольности—
Пора владеть Земным Шаром
Революционного Правительства
Единой раздольности.

Разве дело скрывается в том,
Чтоб поэмы писать на бумаге
Или чтоб Бог был один и был горд.
Я кричу и стучу в человеческий дом
Ради вольной отваги—
Эй бунтуй солнцевеющий Город.

Настало чудесное.
Первый празднуем Праздник
И каждый поет: Мира часть я.
Земное—небесное—
Сегодня все эшафоты—казни
Украшены цветами счастья.

Мы боги—мы люди,—а не консервы,
Бросайте огонь в агонию—
Ткните в один канат нервы,
Влейте души в одну симфонию.

Сбылась красота барюзовая
Есть на небо лестница —
Вы слышите — как ради зова я
Весь стал Истина-Провозвестница.

Дух могуч — непреложен и дюж,
Ищите у него милосердия —
Семья пролетарская — Фабрика Душ —
Дорога Бессмертия.
Довольно от гнета ухать —
Долой барское тупорылье —
(Дайте купцам пол места).
Восславляйте силу великого Духа —
Надо всенародное вольнокрылье
Вознести. Вознести. Вознести.

(«Явь». Альманах)

А. Гастев.

„МЫ ПОСЯГНУЛИ."—

Кончено! Довольно с нас песен благочестия. Смело поднимем свой занавес. И пусть играет наша музыка.

Шеренги и толпы станков, подземные клокоты огненной печи, под'емы и спуски нагруженных кранов, дыхание прокованных крепких цилиндров, рокоты газовых взрывов и мощь молчаливая пресса, вот наши песни, религия, музыка.

Нам когда-то дали вместо хлеба молот и заставили работать. Нас мучили... Но, сжимая молот, мы назвали его другом, каждый удар прибавлял нам в мускулы железо, энергия стали проникала в душу, и мы, когда-то рабы, теперь посягнули на мир.

Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом. Небо — создание праздных, лежачих, ленивых и робких людей.

Ринемся вниз!

Вместе с огнем, и металлом, и газом, и паром, нароем шахт, пробурим величайшие в мире туннели, взрывами газа опустошим в недрах земли непробитые страшные толщи. О, мы уйдем, мы зароемся в глуби, прорежем их тысячью стальных линий, мы осветим и обнажим подземные пропасти каскадами света и наполним их ревом металла. На многие годы уйдем от неба, от солнца, мерцания звезд, сольемся с землей: она в нас, и мы в ней.

Мы войдем в землю тысячами, мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей. Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда.... Мы погибнем, мы схороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе.

Землею рожденные, мы в нее возвратимся, как сказано древним, но земля преобразится: запертая со всех сторон — без входов и выходов! — она будет полна несмолкаемой бури труда; кругом закованный сталью земной шар будет котлом вселенной, и когда, в исступлении трудового порыва, земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек.

Новорожденные не заметят маленького низкого неба, потерявшегося во взрыве их рождения, и сразу двинут всю землю на новую орбиту, перемешают карту солнца и планет, создадут новые этажи над мирами.

Сам мир будет новой машиной, где космос впервые найдет свое собственное сердце, свое биенье.

Он несется....

Кто остановит пламя тысячи печей — солнц? Кто ослабит напор и взрывы раскаленных атмосфер? Кто умерит быстроту маховиков — сатурнов?

Планеты бешено крутятся на своих осях, как моторные якоря — гиганты. Их бег не прервать, их огненные искры не залить!

Космос несется....

Он не может стоять, он родится и умирает и снова родится, растет, болеет и опять воскресает и гонится дальше...

Он достигает, он торжествует!...

—Упал, упал!

Тонет... Отчаялся...

Но огонь плавит все, даже тоску, даже сомнение, даже неверие..

И снова жизнь, клокотанье, работа!

Будет время — одним нажимом мы оборвем работу во всем мире, усмирим машины. Вселенная наполнится тогда радостным эхом труда, и неизвестно где рожденные аккорды зазвучат еще о больших, незримо и немыслимо далеких горизонтах.

И в эту минуту, когда, холодея, будут отдыхать от стального бега машины, мы все мировым миллиардом еще раз, не то божески, не то демонски, еще сильнее, еще безумнее посягнем!

(Из книги „Поэзия рабочего удара").

ИСКУССТВО

На путях к новому искусству.

Миновал первый год пролетарской диктатуры.

За это время—короткое—заложены ли основы нового искусства? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вспомнить, чем отличается искусство коммунистического общества от искусства буржуазно-капиталистического строя.

В коммунистическом обществе искусство, как и все явления общественной жизни, покоится на трех основных принципах: национализации, демократизации и социализации.

Все сокровища искусства, значительная часть которых при господстве частной собственности находилась во владении частных лиц, должны стать в условиях коммунистического уклада жизни собственностью государства (или местных советов): они должны быть национализированы (или муниципализированы). Художественное образование, возможность творить, в буржуазном мире доступные лишь части граждан, должны стать доступными всем и каждому: профессионально - художественное образование должно быть демократизировано. Наконец, искусство, служившее в царстве частной собственности украшением салонов богачей—капиталистов, должно стать достоянием всех, а для этого оно должно выйти из четырех стен буржуазных дворцов на площади, оно должно быть социализировано.

В этих трех направлениях за истекший год пролетарской диктатуры сделано ли что-нибудь?

О первых двух пунктах достаточно двух слов. Хранилища произведений искусства, как общественные, так и частные провозглашены в самом деле собственностью государства (некоторые частные также собственностью советов), а доступ в училища живописи, ваяния и зодчества, переименованные в свободные народные мастерские, теперь широко открыт всем желающим подобно тому, как любой рабочий может ныне обучаться художественному мастерству в рабочих студиях—мастерских.

Благодетельные последствия этой национализации художественных сокровищ и в особенности этой демократизации художественного образования скажутся, естественно, лишь в более или менее отдаленном будущем в форме с одной стороны общего под'ема в массах эстетической культуры, а с другой—выступления на арену творчества новых поколений художников—мастеров из среды рабочего класса.

Но не заметны ли уже теперь—хотя после красного октября прошел всего один год—проблески нового искусства, искусства, соответствующего духу коммунистического строя, искусства, несущего радость всем, красотою пропитывающего жизнь коллектива? Или иначе: имеются ли на лицо уже теперь ростки нового грядущего «социализированного» искусства?

На этот вопрос мы можем с чувством удовлетворения ответить положительно.

На наших глазах искусство в самом деле выходит из тесной частной квартиры на широкий простор общественной жизни. На наших глазах повторяется история—как в древней Элладе, как в средневековых городах, расцветает архитектурно-скульптурное искусство, находившееся в упадке в буржуазном обществе, искусство, приспособленное к потребностям коллективной жизни.

В голове художников невольно, стихийно зарождаются планы грандиозных скульптурно - архитектурных сооружений, долженствующих воплотить дух новой жизни, идеалы победоносного пролетариата.

Правда, один из этих памятников задуман был еще до революции, еще в годы войны, и вырос из существенно иного настроения. Это «Памятник мировому страданию», работы художника Иванова—Шад-

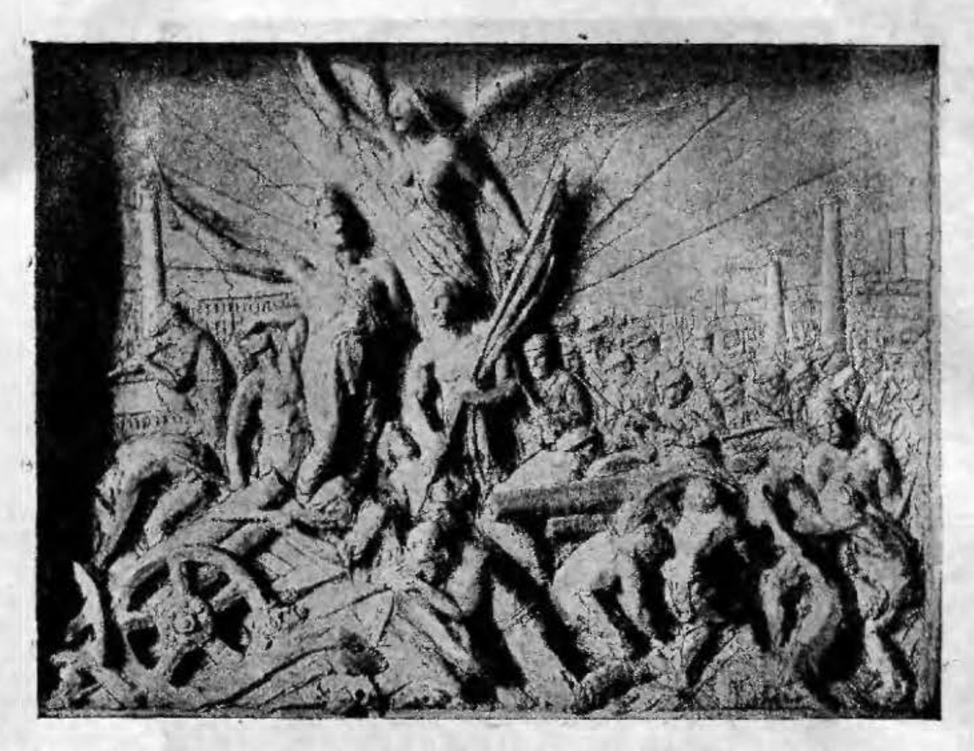

Проект памятника Ж. Ж. Руссо, работы скульпт. Мануйлова.

ра. Мысль о нем явилась у художника под влиянием конкурса для увековечения памяти погибших на госпитальном судне «Портюгаль», а Московская городская дума, об'явившая конкурс, требовала религиозно-церковной трактовки сюжета: в силу указанного «Памятник мировому страданию» получил в воображении художника окраску религиозную, христианскую. Представляя огромное сооружение из гранита, памятник должен был вместе с тем сочетать во всеоб'емлющем эстетическом синтезе природу и искусство, архитектуру и скульптуру, живопись и слово. Ворота, по бокам которых подымаются гигантские аллегорические фигуры, вводят нас в сад страданий, окаймляющий озеро слез, а барельефы на колоннах, расставленные всюду группы и статуи воплощают отдельные этапы шествия человека по Голгофе жизни, пока он не дойдет до новых ворот, ведущих в пирамидальное здание, в царство света и блаженства, где утихает всякая скорбь и душа обретает вечный покой. [1])

Для нас в этом памятнике ценна не религиозная трактовка сюжета, а грандиозный замысел, облеченный в грандиозные формы. Если принять во внимание, что художник намерен переработать свой первоначальный эскиз в духе нашего времени, как апофеоз человечества, шед-

[1]) Подробное описание и воспроизведение этого памятника см. в журнале „Творчество“, № 5

Проект мемориальной доски в память павших в октябре борцов, работы художника Гюрджана.

шего через море ужасов и крови, эксплуатации и насилия, поднимая все новые восстания, к пирамиде равенства, братства и свободы, то надо признать, что именно в таких монументальных памятниках, проникнутых *таким* духом, искусство коммунистического общества нашло бы свое истинное выражение.

Если художник Иванов-Шадр задумал свой «Памятник мировому страданию» еще до революции и только приспособляет его—сам перерожденный духом красного октября—к идеалам и думам нашего времени, то другой художник—Пациорковский—приступил к разработке такого же величавого архитектурно-скульптурного сооружения непосредственно под влиянием пролетарской революции:—то «Памятник мировой революции».

Художник *словно* вдохновлялся в своей работе одним из лирических гимнов поэта Гастева («Кран»), где рабочие, создав огромный рычаг, слившись с его металлом, в безумном дерзновении задаются планом сдвинуть землю с того места, которое она занимает во вселенной, дабы придать ей иной вид, более гордый, и иное положение, более удобное.

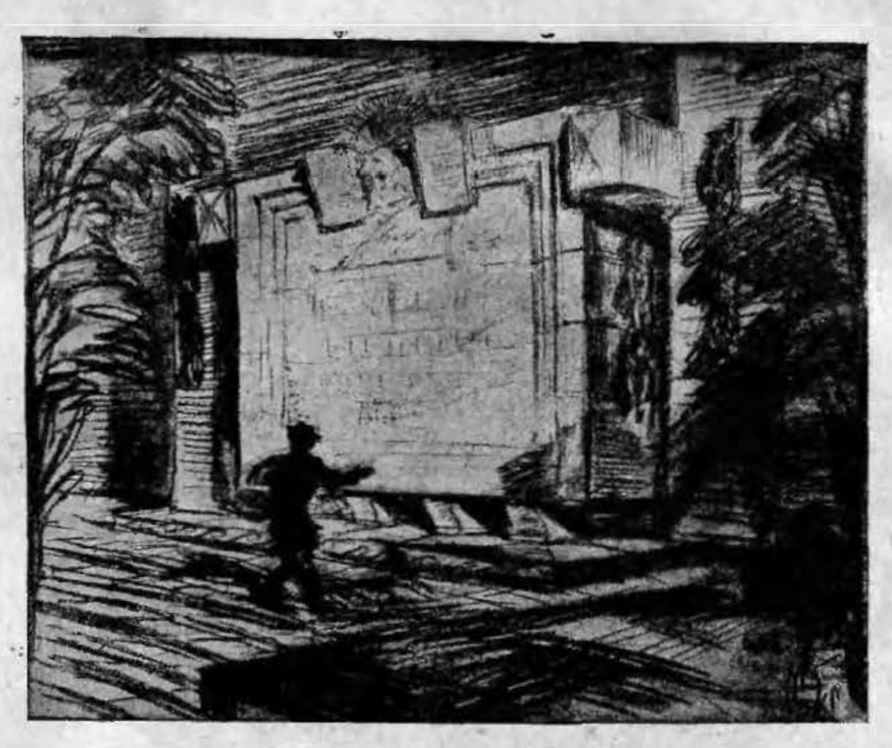
«Мы сдвинем, мы сдвинем нашу родину—землю»—несется над миром победно-уверенный клич пролетариата.

«Мы тронем землю
Мы испытаем».

Из недр того же революционного пролетарского духа, который породил гимн поэта Гастева, вылился и замысел художника Пациорковского. Напрягаясь в сверхчеловеческом усилии, рабочие сдвигают землю с ее места—прекрасный символ с одной стороны гигантски—тяжелой, новые ценности производящей работы пролетариата, а с другой—того грандиозного революционного порыва, который воодушевляет его в стремлении низвергнуть старый мир, создать новую жизнь, придать земной планете новый вид и иное лучшее положение **во** вселенной.

А из преобразованного до неузнаваемости земного шара выростает фигура нового человека, сына коммунистической трудовой общины, словно невольная иллюстрация к словам другого гимна Гастева («Рельсы»):

«То-то родится в усилиях железных, то-то над миром взовьется, выростет новое, сегодня незнаемое, краса-восхищение,

Проект мемориальной доски, работы архитектора Дубенецкаго.

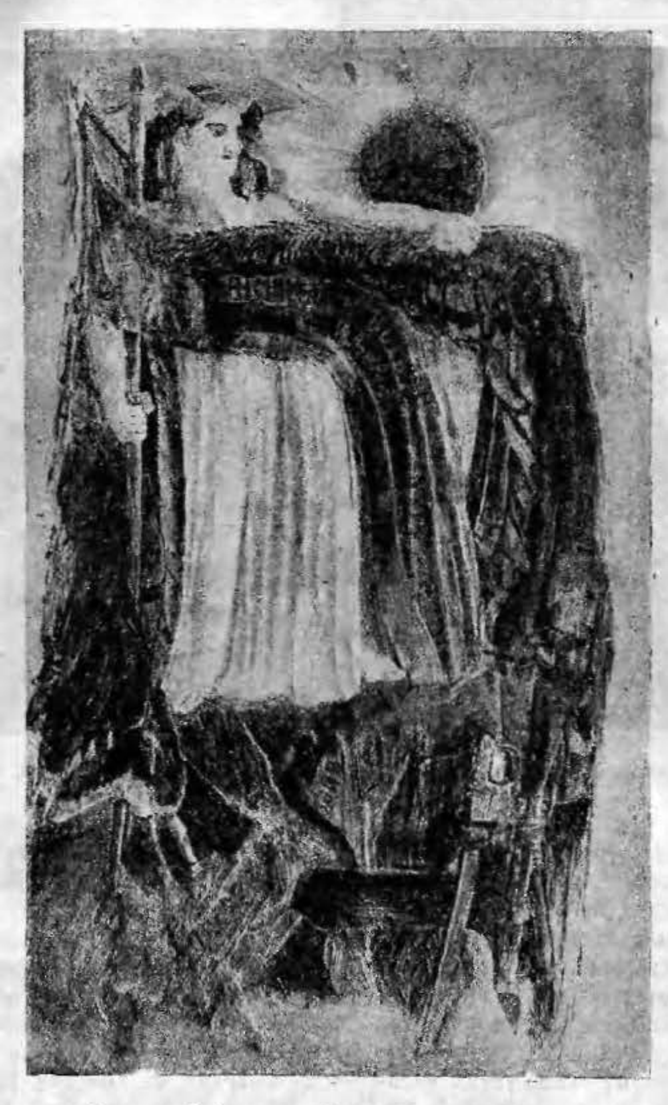
первое чудо вселенной, бессмертный работник—творец—человек».

Художник, вероятно, не читал этих гимнов поэта: тем более заслуживает внимания, что дух пролетарской революции, нисходя на сердце своих избранников, зажигая воображение отдельных творцов, рождает в их душе одни и те же образы.

Оба эти произведения—«Памятник человечеству» (второй вариант «Памятника мировому страданию») Иванова-Шадра и «Памятник мировой революции» Пацпорковского, задуманные в грандиозных архитектурно-скульптурных формах, еще не выполняемые, существующие пока только в идее, в виде модели—вот прекрасные образцы того монументального по своим заданиям, революционно-пролетарского по духу искусства, которое в коммунистическом обществе займет место прежнего «домашнего», буржуазного по настроению искусства капиталистической эры.

Если в области грандиозно-монументального искусства пока имеются лишь замыслы, лишь планы, то благодаря инициативе советской власти уже заложено крепкое основание для монументального искусства более скромного типа.

По постановлению Совета Народных Комиссаров, предположено площади и скверы городов (и прежде всего, конечно, столиц) украсить памятниками великих деятелей революции и социализма, науки и искусства. В Москве таких памятников воздвигнуто будет более восьмидесяти. Тут и революционеры седой древности—Спартак и Тиберий Гракх, и деятели Великой Французской Революции—Робеспьер, Марат, и наши декабристы—Пестель и Рылеев, и утопические социалисты—Оуен и Фурье, и наши «народовольцы»—Перовская и Желябов, и пионеры рабочего класса России, П. Алексеев и Халтурин, и великие вожди международного пролетариата, Маркс и Энгельс, и мн. др. А среди теоретиков и практиков революции и коммунизма мелькают образы писателей и поэтов, ученых и художников всего мира. Правда, советская власть руководилась в данном случае соображениями прежде всего политическими. Ей было важно с одной стороны провести в массы путем скульптурных образов идеи революции и социализма, а с другой—показать и подчеркнуть всю вздорность буржуазного навета на пролетариат, как «варвара», отрицающего всю старую культуру. Были

Мемориальная доска на Сенатской башне на Красной площади, работы скульптора Коненкова.

однако приняты меры, дабы агитационный замысел всего предприятия не понизил художественной ценности памятников, были привлечены к работе все скульпторы России и если тем не менее художественное значение этих памятников не всегда вне сомнения, то это результат общего состояния скульптурного искусства, обреченного в буржуазном обществе на прозябание и потому неспособного выделить для новой эры первоклассных мастеров.

Но и в данном случае перед нами зародыши все того же желанного искусства, предпочитающего тесной квартире богача—широкий простор общественной арены. Великие деятели революции и науки, коммунизма и искусства, жившие дотоле лишь в сердцах немногих, они оживают в виде художественных образов, и, выйдя на площадь, где шумит обыденная жизнь, обступают нас со всех сторон своими благородными и мужественными ликами, создавая кругом своеобразную художественно-героическую атмосферу, превращая вместе с тем город в пантеон культуры и в музей искусства.

Если указанные памятники не имеют непосредственного отношения к октябрьской революции, то другое художественное начинание находится с ней в тесной связи,

Так как предполагаемый к открытию на Красной Площади памятник павшим в октябре борцам еще не скоро будет готов, то по постановлению Совета Народных Ко-

миссаров решено временно заменить его мемориальной доской на Сенатской башне на Красной Площади. Эскизы доски были заказаны шести художникам. Перед ними стояла задача изобразить или идею или дух пролетарской революции. Такую задачу выполнить хорошо сумеет лишь такой художник, который всем существом своим сросся с сердцем и волей пролетариата. К сожалению, наши художники—питомцы буржуазной культуры, всю жизнь свою дышавшие ее воздухом, и поэтому ни один из них не оказался на высоте задачи. Тем не менее многие из представленных заказов имеют значительную ценность, как образцы искусства революционной эпохи. Ближе всего подошел к поставленной задаче художник Гюрджан, воспользовавшийся для своего заказа уже ранее им созданным барельефом «Путь к свободе». На фоне фабрик, осиянных лучами солнца, воспроизведена борьба революционных солдат с угнетателями народа—в картине, полной массового движения, местами дышащей большим под'емом. В центре борьбы стоит пролетарий воин, ободряя товарищей к последнему бою, а над морем фигур и пушек носится образ богини революции—богини смерти и жизни. Барельеф Гюрджана был бы безукоризненным воплощением идеи красного октября, если бы не чрезмерная иллюстративность исполнения и чрезмерный уклон в сторону батальной живописи. Художник Бабичев воплотил предложенную задачу в виде эскиза мавзолея, на пьедестале которого стоит в мощной позе юноша с мечом, оберегая покой погибших борцов и добытую ими своей кровью свободу труда. Скульптор Мезенцев больше подчеркнул похоронный мотив задания—к убитым в бою героям, над которыми товарищ рабочий произносит надгробную речь, об'ясняя смысл и значение их подвига, подходят мужчины и женщины с венками в руках. Архитектор Дубенецкий дал огромную каменную глыбу с порванными по краям железными цепями—символ той каменно-железной тяжести векового гнета, которую пролетариат взорвал в дни красного октября и которая под своими обломками похоронила трупы погибших за рабочее дело борцов.

Премированным оказался эскиз скульптора Коненкова:—белая женщина стоит в гордой позе с древком знамени в одной руке, другую простирая вперед, а вниз на могилы падает красное полотнище с надписью «слава павшим за мир и братство народов». И если бы не эта надпись, то белая женщина в царственной позе могла бы быть истолкована, как символ «Государства Российского» и как олицетворение победоносного империализма—так мало в ней от духа революции и от духа пролетариата.

Если к вышеуказанным памятникам на площадях и скверах города, к мемориальной доске на Сенатской Башне на Красной Площади присоединить еще воздвигаемый на Советской Площади перед домом, где заседает президиум Совета, огромный обелиск с текстом конституции Советской Республики, на том самом месте, где так недавно еще гарцовал на коне царский генерал, гнавший солдат в кровавый бой во славу царизма, то ясно, что за короткий промежуток одного года мы сделали значительный шаг вперед на пути к искусству, которое, разрушив стены частных квартир богачей—капиталистов, выйдя на широкую улицу общественности, становится составною частью жизни коллектива, и которое—отныне достояние всех и каждого—вместе с тем проникнуто духом новой жизни, идеалами пролетариата.

А пролетариат?

Он—творец революции, творец советской конституции, он—творец этой новой жизни, проявлял ли он себя в искусстве? Мы счастливы, что и на этот вопрос можем ответить утвердительно.

На устроенной пролеткультом во время всероссийской конференции выставке были собраны первые произведения первых мастеров-рабочих. Творчество иных из них хранит печать некоторой неотмирности. Точно жили они на другой далекой планете. Таковы «яблоки на фарфоре» швейцара Галкина и залитый солнцем луг маляра Сонацкого—технически прекрасно выполненные. Творчество других расцвело под кровавым дождем мировой войны, как творчество латыша Боднек, по профессии отмывщика днищ судов, переносящего нас в город Ригу, где латышские стрелки пытаются удержать германских завоевателей, или в окопы, над которыми рвется, рассыпаясь разноцветными огнями, ракета. А потом мы видим, как из кровавого горнила войны родится революция. Солдат Алексеев в своих лубках воспроизводит красные дни в красном Петрограде, а

эстонец Эмсен рисует в аллегорических тонах борьбу революции с кошмарными силами старого порядка на узких улицах старинного городка.

Все это многообещающие всходы нового искусства—пролетарского—если не всегда по духу, то по своему происхождению. *А сколько их еще томится в безвестности* и в бедности, таких еще не открытых, еще миру неведомых творцов... Один из таких художников-самоучек, художников ныне раскрепощенных народных масс, сумел найти прекрасный символ, выражающий не только сущность происшедшего после октября обновления жизни, но итог того, что сделано в области искусства.

В Радищевском музее в Саратове хранится картина художника Бирюкова, как видно из надписи не вполне владеющего грамотной речью, следовательно мастера, вышедшего из самой гущи народной. [1]

Над морем мрачных туч, наверху светлеющих и переходящих в розово-багровый цвет, поднимается в пламенеющих лучах победное солнце...

Так над уходящими в прошлое *тенями* старой жизни встает заря нового искусства, первые ростки которого уже на лицо, искусства, которое, став достоянием всех, станет составной частью каждодневной жизни коллектива, того искусства, в котором английский эстет и социалист В. Моррис глубоко основательно видел цель эволюции художества—искусства, творимого самим народом для народа.

В. Фриче.

[1]) Репродукцию картины и данные о художнике см. в № 1 Саратовского журнала „Горнило“

Революционный театр.

Будем искренни: в области театра за истекший год диктатуры пролетариата сделано немного. Меньше чем хотелось-бы! И это вполне понятно и легко об'яснимо. Перед пролетариатом стояли более важные непосредственные задачи в сфере политического и экономического строительства, куда он и направил свое главное внимание и энергию. Работу над новыми достижениями в области искусства рабочий класс смог предпринять лишь мало-по-малу, по мере укрепления Советской России. Поэтому, как после Февральской, так и после Октябрьской революции, театры и театральное творчество,—остались в сущности в руках старых театральных деятелей. И только в текущем году, пролетариат и Советские организации—смогли хоть отчасти вмешаться в театральную работу и повлиять на нее. Только во вторую половину революционного года—стало сказываться это влияние нового класса на театр.

В этом запоздании нового театрального творчества — повинно также отсутствие опытных работников, знающих театр, и подходящих к нему, как революционеры. Виноваты также и общие условия театральной жизни, при которых труппа и репертуар создаются с весны. Коммунисты, став у власти поздней осенью, встретились уже со сформированным театром, и подготовленным репертуаром. Советской власти пришлось, поэтому, на первых порах—бороться с саботажем в артистической среде и предпринять ряд мер, главным образом, чисто-административного характера.

Какое театральное наследие получила Советская власть? Прежде всего—государственные, быв. императорские театры: два оперных, два драматических, один французский. В столицах имелось несколько выдающихся театров высокой буржуазной культуры, имевших имя даже заграницей. В провинции было немало хороших трупп, налаженных театральных механизмов.

Но на всех театрах, частных и государственных, лежала печать какой то усталости, изжитости, какие-то морщины увядания. Определенно замечался переход самого прославленного театра (Художественного) из стадии исканий в период классической, спокойной уравновешенности. Свежие начинания (студия Комиссаржевского, театр Камерный, опыты Евреинова, постановки Мейерхольда) обнаруживали определенный уклон в сторону увлечения формой, «театральностью». В то же время, более чем когда-либо чувствовалась—полная оторванность лучших театров и всей театральной творческой работы от широкой массы. Театральная аудитория замкнулась в тесном кругу «верхних десяти тысяч», посещение оперы, студий Художественного театра и любых интересных постановок—стало редкой привилегией особо богатых или особо избранных.

Русский театр, одно время блеснувший перед всем миром своими достижениями, стал перед тупиком, из которого не виднелось выхода. Снова начали раздаваться толки о «кризисе театра», о том, что «театр, как таковой», умер и т. д.

В этих условиях кризиса, имея перед собой артистическую среду, органически чуждую пролетариату и саботирующую, не обладая кадром умелых и опытных работников, Советская власть должна была приступить к строительству нового театра.

Три задачи поставили советские деятели в первую очередь: бережное сохранение тех театральных предприятий и достижений, какие уже зарекомендовали себя, поощрение новых исканий и начинаний и приобщение широких масс к театральному искусству.

В своем стремлении оберечь от разрушения лучшие образцы буржуазного театра, рабоче-крестьянская власть, на мой взгляд, пошла даже черезчур далеко. Словно желая отпарировать ходячее обвинение в «варварстве большевиков» и их ненависти к культуре, театральные Советские работники проявили часто совсем неуместный пиетет, напр., к государственным театрам. Правда, ненужная французская труппа была ликвидирована, но реорганизация остальных государственных театров—

в сущности свелась лишь к административной реорганизации управления, повышению окладов низших служащих и артистов, да к частному обновлению труппы.

Провинциальные Совдепы и столичные художественно-просветительные отделы Советов—первое время были заняты таким же административным делом и обереганием имеющихся театральных начинаний.

Думается, в этом случае надо было бы проявить больше «непочтительности», ибо по существу—большая часть даже прославленных театров представляла из себя ворох шелухи, которая должна была развеяться от порыва революционного ветра.

Но охраняя то театральное искусство, которое досталось ей по наследству, Советская власть сейчас же попыталась дать дорогу всем свежим новым стремлениям и исканиям.

Впервые все искренние театральные реформаторы--получили возможность проявить себя, при поддержке и содействии государственной власти. Вторгаясь в систему частной коммерческой антрепризы и разрушая капиталистический гнет, тяготевший над театром, новая власть тем самым создавала более нормальные условия для художественной творческой работы.

Наконец, много внимания было уделено демократизации театра, в смысле приближения его к широким массам. Впервые двери государственных театров раскрылись для пролетариата, а спектакли Художественного и др. лучших театров—стали даваться в районах или, оставаясь в центре, специально для рабочей аудитории.

Сами артисты, первое время часто скептически относившиеся к новой аудитории, быстро убедились, что новая публика гораздо более благодарна, гораздо более трепетно и искренно относится к театру, чем прежние, буржуазные зрители.

В некоторых городах Советской России были сделаны попытки—передать театры в руки культурно-просветительных отделов Советов. При этом, Советы постарались освежить общую атмосферу театра не только в смысле внутренней их реорганизации, привлечения новых зрителей и т. д., но и в смысле обновления репертуара.

В Москве, в наступающем сезоне, впервые было создано несколько Советских районных драматических трупп, с избранным репертуаром. Так, истинный театр впервые приблизился к рабочим и крестьянским массам.

Однако, в этом приобщении широких масс населения к театру—еще не было залога того, что революция создаст свой новый особый театр. Важно было увидеть творческое выявление в театре нового класса, новых социальных групп.

Эта тяга рабочих и крестьян к самостоятельному творчеству в области театра—проявилась после октября с поразительной силой. Всякий наблюдавший крестьянскую и рабочую жизнь за истекшее время, сможет рассказать о десятках драматических кружков, самостоятельно, часто без всякого руководства, работавших над театральными постановками. Характерно, что очень охотно эти кружки занимались импровизациями или постановкой пьес, ими самими созданных и написанных.

В этом сказывалась их инстинктивная неудовлетворенность как формой, так и содержанием буржуазного театра.

Оформленная работа по созданию нового театра велась Московским и Петроградским Пролеткультами. При этом, наметились два основных подхода к разрешению проблемы пролетарского театра. Московский пролеткульт—считал основной задачей: создание кадров новых пролетарских актеров, при помощи которых только и возможно осуществить выявление на сцене новых задач, новой психологии, новых исканий рабочего класса. Поэтому, москвичи создали в короткий срок (5 месяца) пятнадцать районных драматических студий. В этих студиях шла не только педагогическая работа над выработкой артистической техники, но и готовились новые постановки.

Петроградский пролеткульт попытался создать одну центральную труппу с новым образцовым репертуаром (инсценировки стихов Гастева, Уитмэна) и показать своего рода образцовый театр нового рода. Питерцы—главное внимание обратили на новый репертуар, пренебрегая и техникой выполнения и работой над пролетарскими актерами; москвичи первые месяцы своей деятельности отдали преимущественно работе в районах над группировкой и обучением наиболее одаренных и любящих театр пролетариев.

Второй год Советской власти застает работу над новым театром в самом разгаре. Хотя за первый год—не удалось сделать многого, зато наметилась вполне опреде-

ленная работа на ближайшее время, сгруппировались силы для осуществления новых планов, расчистилась широкая дорога для театрального творчества.

Ближайшее будущее нам принесет интересные достижения в области пролетарского театра, созидаемого силами самих рабочих. Эта пока еще малозаметная, но серьезная работа—привлекает к себе все больше внимания. Несомненно, что именно из этого источника театр почерпнет для себя новые силы, которые в корне революционизируют буржуазное сценическое творчество.

В сфере общей театральной политики наметилась тоже достаточно ясная программа того, что предстоит в том или ином об'еме осуществить в первую очередь. Необходимо провести полную национализацию театров, т. е. устранить коммерческую антрепризу и своеобразно синдицировать все театры. Эта мера поможет правильно наладить административно-технический и художественный аппарат, ведающий театрами, и, в то же время, ни в чем не нарушит самостоятельной и оригинальной физиономии отдельных театральных предприятий.

При помощи национализации, можно будет урегулировать и вопрос о новом репертуаре.

В связи с национализацией, будет стоять и вопрос об учете артистических сил Советской республики и более целесообразном распределении их по стране. Как в отдельных городах забытые окраины стали обслуживаться театральными силами, дотоле работавшими исключительно в центре, точно также неведавшие до сего дня театра крестьянские села и фабричные поселки—должны будут увидеть теперь лучшие постановки, услыхать лучших артистов.

Советской власти предстоит кроме того—создать истинные государственные театры, или отдельные театральные постановки, которые отразили бы героический, революционный дух переживаемой эпохи.

Но главное внимание и главные надежды приходится возлагать на ту свежую театральную поросль, которая сейчас виднеется в рабочих окраинах и в деревнях. Именно эти самостоятельные пролетарские начинания в области театра сулят нам наибольшие достижения.

Уже ближайший год покажет всю мощь нового, только что зарождающегося социалистического театра. Русский пролетариат уже нащупал себе верную дорогу среди извилистых путей художественного творчества.

Он пойдет по ней твердо и уверенно, но в то же время не переставая критиковать себя и строго оценивать свои достижения.

В России зародились новые формы социально-политических отношений, здесь же будет и колыбель нового театра.

В. Керженцев.

Революция и музыка.

Буржуазная культура—в частности различные виды искусства, просачиваясь сверху в толщи народных слоев, осаждается там своей накипью, дрянной, безвкусной, но разлитой по всей поверхности стихией. Пролетариат—класс городской, физически находящийся в ближайшем соседстве с буржуазией и ее культурой, и в то же время, почти лишенный возможности создавать свою, не мог не испытать на себе этих посторонних влияний.

В музыкальное сознание пролетариата с большим удобством и легкостью внедрялись элементы искусства звуков, пения и музыки самого распространенного и, следовательно, худшего сорта. Дешевые и бессмысленные развлечения, вроде опереток и кафе-шантанов, ойры, пупсики, шарманки, граммофоны с пошлым репертуаром—проделывали свою губительную работу быстрым, городским темпом.

Внутреннего противодействия со стороны пролетариата не было и быть не могло: старое, крестьянское наследие—песня, пошло прахом, не устояло против грохота машин и каторжных условий труда; культурные ценности, в силу политического режима, были недоступны, а немногие часы отдыха и досуга породили сморщенного урода—частушку, однословную песенку, признак упадка эстетического чувства.

Сильный и давно организованный пролетариат запада, до сих пор, не имел своей бытовой песни; боевая же музыка принадлежит не ему, не он ее автор. Молодой, неокрепший пролетариат России также ее не имел; хуже, в массе своей он был музыкально испорчен. Революция застала его неподготовленным для выполнения огромных художественно-боевых задач, возложенных всецело на его плечи, как передового бойца.

Всем памятен ошеломляющий контраст—между небывалой грандиозностью шествий стройных масс, с тысячами знамен, в первые недели после февральского переворота, и той звуковой пустотой или немощью, которая эти манифестации сопровождала. Не говоря о трудном «Интернационале»,—Марсельеза, Варшавянка, совсем примитивный марш «Смело, товарищи!» исполнялись в самых фальшивых тонах, со сбивчивыми вариациями и часто без ритма. Иногда, в виде приятного, неожиданного исключения, проходил хорик, стройно певший «Дубинушку»—отголосок старого народничества. Пролетарских оркестров на первых манифестациях не было совершенно.

Лишь только создались, по инициативе Советов, в крупнейших центрах коллективы и секции разных искусств, и в том числе и музыкального, тотчас же поднялись давние, но в обстановке революции, чрезвычайно жгучие вопросы о направлении, в каком надо вести массовую работу.

Из двух тактических линий—«чистого искусства» и искусства гражданского, более того революционного—одержала верх первая линия, причем «внепартийность» в Москве—проводилась строже и настойчивее, чем в Петрограде. Концерты—митинги, например, в первые месяцы революции в Москве были редкостью. Такая же цель, как—«поднятие музыкального уровня народа», «знакомство с классическими образцами музыкального искусства», преобладала в деятельности лишь мелких кружков, как в столицах, так и в провинции. Масса, аудитория трактовалась исключительно, как пассивный об'ект эстетизирующего воздействия, и программы рабочих концертов почти ничем не отличались от программ «популярных» концертов дореволюционного времени. Этот период, охвативший про-

межуток с марта по сентябрь, носит интеллигентский отпечаток и может быть обозначен, как период музыкального культуртрегерства.

Пролетариат ценил эти искренние попытки завязать с ним дружбу. Пользовались большим вниманием, подчас энтузиазмом, как выступления знаменитостей и симфонические концерты, так и скромные клубные вечера рядовых артистов, которые в кипящих, революционных котлах провинции—Иванове, Орехове-Зуеве—превращались в события крупного, социально-художественного значения.

Конечно, массы особенно тепло отзывались на вокальное исполнение: человеческий голос и слово легче проникали и глубже захватывали... От чистого инструментального звука хотели того же, поэтому всюду настаивали на необходимости «раз'яснений» исполняемого.

Но дальнейшее развитие революции и обострявшаяся борьба классов—пред'являли требования иного рода. Отвлеченная музыка слушалась массами неохотно—лишь небольшие камерные вечера, с аудиторией уже несколько искушенной в звуках, имели надлежащий успех. В октябре, в дни усиленной агитации, перед выборами в Учредительное Собрание, массы диктовали свою волю: «желаем и требуем звуков, но не таких созерцательных, а сильных, призывных, боевых. Пусть спаянный со словом звук дает нужные силы для действительной, реальной борьбы. Митинг-концерт—таков музыкальный лозунг дня».

Большинству артистов-культуртрегеров, революционизирование программ было не под силу—отчасти из-за отсутствия репертуара, отчасти по психологическим причинам. Меньшинство охотно шло навстречу требованиям жизни.

Эта полоса была очень кратковременна. Октябрьский переворот прервал на несколько недель организованную работу, распылив интеллигентные музыкальные силы. Саботантов среди артистов, надо заметить, оказалось весьма немного, и деятельность секций возобновилась. Однако, назревшие экстраординарные события внешней политики—Брест, немецкое наступление и т. д.—не могли не действовать отрицательно на музыкальную жизнь. Значительно уменьшился спрос на музыку, хотя в то же время с успехом проходили серьезные программы «чистой» музыки, даже без вступительных слов и бесед.

К после-октябрьским же дням относятся и первые проявления самодеятельности пролетариата: попытки устроить собственные хоровые и оркестровые единицы. Открылась нужда в опытных инструкторах, для руководства зарождавшимися музыкальными коллективами, тяготевшими по старине—к мнимо-народному творчеству и к инструментам дурного вкуса—особенно к татарской балалайке. Эти пробивавшиеся ручейки самодеятельности нашли себе признание и поддержку в резолюциях пролетарских культурно-просветительных конференций, признававших важнейшей задачей будущего: «выявление творческих сил пролетариата в области музыкального искусства», через углубление самостоятельной работы пролетарских, музыкально-певческих кружков и организацию пролетарской школы музыки (Конференция в Москве, в феврале 1918 года). 1-го мая, на открытии в Петрограде дворца пролетарской культуры, едва ли не впервые в истории—исполнялись новые гимны, авторами которых были рабочие—поэт и композитор.

Летний сезон не принес ничего нового, кроме (в Москве) очищения программы бульварных концертов от прежней банальщины, и (в Нижнем) открытия (1-го сентября) народной консерватории.

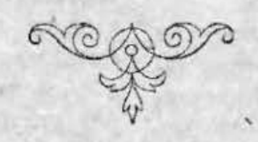
Только несколько недель назад началась та подлинная революционно-творческая деятельность, о которой мечтали еще весной. Систематически, широко и основательно—включительно до оборудования фабрик инструментами для оркестров—приступили к насаждению классовой музыкальной культуры пролетариата.

Основной принцип—коллективизм, хоровое начало в разных проявлениях: вокальном, оркестровом, декламационном.

Подход правильный, если признать, что «мелкобуржуазность» крестьянской песни выражается в запевах, подголосках и частом употреблении совершенных консонансов. Быстрым темпом идет основание районных студий хорового пения, оркестровой игры на хроматических домрах (где-то возникают и «великорусские» оркестры), курсов музыкальной грамоты и слушания музыки.

Мы не упомянули еще о самом сложном, дорогом и эффектном виде искусства звуков—опере. Меньше всего революция сказалась именно здесь. Тому есть много причин: технические, репертуарные, финансовые и др. Частичное обновление репертуара («Лоэнгрин» в «Советской» опере и др.), перевес балета и т. п. — не открывают новой творческой страницы в жизни оперы. Исполнение не сопровождается словесным истолкованием, что сильно повысило бы интенсивность восприятия; отсутствуют также печатные толкования либретто с необходимым минимумом специальных раз'яснений и примеров. Быть может отсутствие соответствующих специалистов служит оправданием этого. Но, во всяком случае, Республике и победившему пролетариату нужна и мощная симфония, и музыкальная драма с героическим и этическим репертуаром, ибо жизнь — борьба не полна без жизни—созерцания.

А. У.

Художественные достижения в кинематографии.

Каковы могут быть художественные достижения в Кинематографии?

Есть ли предел им?

Использованы ли в Кинематографии эти достижения?

Для того, чтобы лучше уяснить и определить возможные художественные достижения в кинематографии, необходимо выяснить зависимость кинематографического искусства от следующих основных причин:

Первая причина—умение составить сценарий, или иначе—план кинематографической с'емки картин по какому либо рассказу или литературному произведению. Талантливый «автор сценария», обладающий художественным чутьем и богатой фантазией, и знакомый с «возможностями» кинематографического искусства может из очень слабого рассказа или заурядного литературного произведения—создать яркую, художественную картину, умело подчеркнув наиболее яркие моменты и умело воспользовавшись техническими приемами самой с'емки.

Но может быть и обратно. Очень художественные произведения могут быть так неумело использованы, что вещь потеряет всю свою яркость и красоту. Умение «говорить живой картиной»—это особый вид изобразительного искусства. «Искусство экрана» так же своеобразно, как искусство речи, письма, живописи, музыки и т. п. Точно так же, как хороший рассказчик может из простой сценки, обыкновенного рассказа — сделать занимательный смешной анекдот или сильный переживаниями рассказ и, обратно, неумелый рассказчик очень смешного анекдота принужден первый смеяться, чтобы показать, где именно смешное,—так и автор сценария.

Как и всякое искусство—умение составить сценарий может быть развито, может быть разучено и усвоено, но... как и во всяком искусстве, природный талант всегда будет выделяться и сверкать своим природным блеском.

Не надо думать, что сценарий необходимо непременно письменно изложить и во всех деталях разработать. Хороший, талантливый художник — автор сценария обыкновенно бывает и лучшим режиссером и руководителем с'емки. Как по французской пословице «аппетит приходит во время еды», так и у художника—автора сценария и режиссера—во время самой уже с'емки выявляются подробности и лучшие приемы, тем более, что многое зависит от условий с'емки.

Как и во всяком изобразительном искусстве—художественность изображения зависит от склонности таланта. Одним лучше дается инсценировать драмы, повести, комедии и т. п., выявляя психологические моменты жизни героев. Другим легче удается дать сценарий какой либо научно-педагогической с'емки; третьи более склонны инсценировать шаржи, каррикатуры, а четвертые талантливо передают сказки, феерии и т. п.

Еще раз подчеркиваю, что уметь составить сценарий это еще не значит уметь его письменно изложить. Очень часто авторы сценария—режиссеры—только в самом процессе творчества с'емки выявляют сценарий. И поэтому я не мыслю себе талантливого режиссера, который не мог бы составить сценария.

Вторая причина, от которой зависит художественность кинематографической картины—это умение снять картину, произвести самый процесс с'емки. Тут мало быть только фотографом, тут надо быть оператором. Как в медицине и технике далеко не всякий из окончивших медиков, изучивших опытным путем медицину, делается хирургом и техник—строитель делается архитектором, так и не всякий фотограф становится художником—оператором. Сам процесс фотографирования далеко не совершенный процесс. Ведь аппарат, снабженный об'ективом, не улавливает всего, что мы видим нашим глазом. Фотография слепа к краскам, хотя умение пользоваться «светофильтрами» несколько эту слепоту исправляет. До сих пор попытки дать фотографическую с'емку на ленте кинематографа нельзя считать разрешенным вопросом, хотя опыты цветной фотографии приблизили нас к очень близкому практическому ее осуществлению. Умение пользо-

ваться светом и тенями—при освещении об'екта с'емки до сего времени еще не изучено вполне, хотя достигнутые успехи позволяют использовать вполне приемы освещения. Сами источники света «Юпитера» — слишком неусовершенствованные аппараты. Поэтому-то картины, снятые в местностях с ярким солнечным освещением, так выделяются среди других.

Декоративное искусство в кинематографии совершенно отличается от театрального искусства, именно, благодаря слепоте об'ектива аппарата к краскам, перспективе, свету и теням. Но ко всему этому чисто фотографическому искусству надо добавить умение снять движение об'екта. Это, на первый взгляд простое, явление, далеко еще не изучено, а главное не использовано кинематографией. Скорость вращения ручки аппарата и, в зависимости от этого, скорость движения пленки, на которой запечетлеваются отдельные моменты движения—еще не исследована и не использована для придания художественности кинематографическим картинам. Правда, часто механик, пропускающий в кинематографе художественно снятую пленку, в угоду предпринимателям, стремящимся провести побольше сеансов, так не соразмеряет движение картины со скоростью передвижения изображения в природе, что из торжественного шествия устраивает опереточный «канкан» каких-то суетливых плясунов. Как для граммофона скорость вращения пластинки может Шаляпина заставить петь тенором, а Нежданову — басом, так и движение пленки в аппарате изменяет весь характер картины. Но для талантливого оператора-художника всегда есть возможность использовать целый ряд, как чисто-фотографических приемов пользования светом, тенями, перспективой, диафрагмой, удачной окраской и декорациями,—так и наиболее выгодное местоположение аппарата — для с'емки передвижения об'екта или воспользоваться соответствующей скоростью передвижения пленки в аппарате.

Игра артиста экрана—это все. Зритель не слышит слов, не видит красок, не отвлекается красивой мелодией звуков—все внимание зрителя сосредоточено на игре артиста. Он напряженно следит за движением каждого мускула лица, выражающего духовную жизнь героя. Согласованность движений всего тела и правильное передвижение и изменение положения группы артистов—все это центр напряженного внимания зрителя. Кинематограф это «Великий Немой», у которого движение—это единственное средство передачи мысли, настроения, переживания. Но мимика, пластика движений и умение пользоваться пространством сцены—для артиста Кинематографа несколько иные чем для театрального артиста. С одной стороны, очень ограниченное поле зрения об'ектива часто не захватывает всей мимики и жестикуляции артиста. Конечно, тут должно одновременно выявляться искусство трех лиц—артиста, режиссера и оператора, и художественность картины зависит от согласованности работы всех трех. Далее, артисту необходимо считаться с обостренным чутьем об'ектива к перспективе: приближение к аппарату артиста позволяет зрителю рассматривать артиста прямо, точно в микроскоп, и обратно—малейшее отклонение (по сравнению с игрой на сцене) делает артиста на экране для зрителя прямо карликом. Художественность достижения зависит—от умения пользоваться достоинствами об'ектива и избегать его недостатков. Я, конечно, не говорю здесь о тех приемах игры артистов Кинематографа, которые общи с игрою артистов театра.

На «слепоте об'ектива» построен также и целый ряд «трюковых» приемов постановок, когда снимая мертвую природу, можно передать ее живой на экране. Так, обыкновенная с'емка игрушечных моделей судов в тарелке с водой—может дать на экране бурное море с грозной флотилией. Мир грез, фантазий, весь сказочный эпос—может быть передан Кинематографом в целом ряде художественных картин волшебного мира. К сожалению, именно эта область художественной кинематографии слишком мало использована, а то, что сделано—сделано в интересах предпринимательского аппетита заработать на низменных, животных инстинктах посетителя, жадного до всякого рода приключений криминального, уголовного характера.

Что касается научно-педагогической с'емки, то и тут художественность зависит не только от художественного вкуса оператора в умении подчеркнуть при с'емке главное и второстепенное и уловить наиболее удачные моменты, но и от умелого пользования вышеперечисленными особенностями аппарата.

Наконец третья причина художественного достижения кинематографической с'емки—зависит от умелого пользования надписями (титрами) в картинах и подходящей музыкальной иллюстрацией. Как то, так и другое заслуживает особого внимания, но, вследствие коммерческих аппетитов предпринимателя, до сего времени или было в загоне, или было использовано только в целях наживы; надписи для предпринимателя—это чистый источник дохода. В редких случаях надписи предназначались для прямой своей цели—добавить к картине пояснение, не поддающееся передаче самой картиной; передать это пояснение ясно, кратко и ярко. Обыкновенно, предприниматель старается увеличить общую длину (метраж) картины именно надписями, как наиболее дешевой с'емкой, не требующей затрат на артистов, декораций и т. п.

Очень часто, можно встретить на рынке особого рода картины, вырезанные из различных вещей, но связанные кое-как общей мыслью, излагаемой исключительно надписями. В Америке, где искусство кинематографии стоит много выше других государств—там избегают в хороших картинах надписей, заменяя их быстро-меняющимися отдельными моментами яркой игры артистов, при чем игра их особенно резко подчеркивается так называемым «первым планом», т. е. несколько приближенной к зрителю игрой артиста, вдобавок еще выделенного особой рамкой от фона декораций. Правда, там этим часто злоупотребляют, но в общем такой прием во многом заменяет простую надпись. Вообще же, надписи бывают часто незаменимы и до известного предела успокаивают напряженное внимание зрителя за игрой артиста. Что касается научно-педагогических картин, то для тех случаев, когда такие картины демонстрируются без особого об'яснения—надписи необходимы, но должны быть ясны, кратки и отчетливо выполнены, чтобы не нарушать художественности самой ленты.

Но вот музыкальная иллюстрация—эта попытка оживить и вложить дар слова «Великому Немому»—до сего времени была в полном загоне. Предприниматели пробовали пользоваться граммофонами, и Эдиссон дал особый способ нанесения на пленку картины граммофонной записи, но все это до сего времени не достигало своей цели, главным образом из-за отсутствия пока способа связать точно («синхронично») игру на экране с самими звуками. Усовершенствование Эдиссона не достигло цели, благодаря несовершенству способа передвижения пленки—скачками, причем при каждом разрыве пленки и вырезки «окошечка», т. е. хотя бы одного снимка на пленку—нарушается согласованность движения игры со звуком. Замена же передачи звуков просто музыкой не представляла особого интереса для предпринимателей, и «дешевый» пианист, подгоняющий ко всяким сюжетам перетасованные мелодии танцев или искаженные до неузнаваемости избитые мотивы произведений классиков—вполне удовлетворял вкус, как самого предпринимателя, так и слух посетителя, жадно следящего за кровавой драмой какой нибудь картины, вроде «Так вот тебе коршун награда за жизнь роковую твою».

В то же время, хорошо продуманная и подобранная (а может быть и специально написанная) музыкальная иллюстрация могла бы на половину дополнить художественное впечатление, производимое кинематографической картиной. Хорошо выполненная мелодия, согласованная с содержанием картины, создавала бы настроение, дополняла переживание и смягчала бы зрительную напряженность посетителя.

Последней главной причиной достижения художественности кинематографии является зависимость от чисто внешних причин, технических недостатков самой пленки, с'емочных и проекционных аппаратов и очень низкой ступени развития самих работников кинематографии.

Как неприятно слышать рассказ из уст заики или слушать повесть, когда все время перебивают, так внешние условия обстановки, в которой смотрят картину: мигание и шум аппарата, плохое освещение картины или ее частный разрыв, «дождь» и полосы на плохо обработанной или старой картине—все это сразу роняет художественную ценность картины. Этим отличаются картины Европы от Америки.

Собственное производство пленок в Германии, Англии и особенно Америке—позволяет им производить с'емку на свежей, не завуалированной пленке, без малейшего брака — царапины да еще при более ярком солнечном освещении. Все это только улучшает техническое качество с'емки. Отсутствие длинных периодов непогоды — позволяет этим странам на открытом воздухе воздвигать колоссаль-

ные декорации, устраивать массовые сцены в несколько тысяч и десятков тысяч участников, как например в Америке. Все это придает картинам грандиозность и чистоту выполнения. Колоссальное количество кинематографов—в странах с высоким техническим развитием и большим использованием даже в глуши электрической энергии—все это, помимо большого спроса на лучшие аппараты, лучшие картины, воспитывает вкус для определения художественности картин.

У нас, до момента перехода всей власти к трудовому населению, до момента укрепления власти рабоче-крестьянского правительства—всех перечисленных возможностей не было. Кинематографическая промышленность находилась в руках частных предпринимателей, которые вместо того, чтобы использовать это орудие пропаганды знания, просвещения и художественного развлечения, использовали его исключительно для корыстных целей наживы. Кинематография—это было золотое дно, привлекавшее всех спекулянтов, любителей легкой наживы. Единственная цель кинематографической промышленности—была нажива. Кто только не вложил в нее своего «труда» и капитала; начиная от колбасных дел мастеров и кончая учеными профессорами. Все кричали о просвещении, занимаясь развращением. Рабоче-крестьянское правительство обратило особое внимание и выделило эту промышленность, для использования ее с целью просвещения. Государством отпущены громадные средства на то, чтобы оздоровить кино-промышленность, выявить это новое искусство—искусство экрана. И тут, как во всяком новом деле, специально организованному Кинематографическому Комитету пришлось выдержать напор со всех сторон. Предприниматели, лишающиеся золотого тельца, кричали о гибели, разрушении. Новаторы искусства—стремились наложить свою специфическую печать,—печать нового вкуса. Провинциальный потребитель, в лице тех же предпринимателей, пытался сорвать коммерческое дело. А новые лица, вставшие у кормила правления, совершая целый ряд ошибок, продолжали вести свое новое дело, при поддержке заинтересованных трудовых масс—укрепляющегося рабоче-крестьянского правительства. Стремясь к служению искусству и пропаганде просвещения, вдохновляемые Народным Комиссаром Просвещения А. В. Луначарским—они творили свое дело, строя заново и исправляя ошибки и недочеты прошлого. Теперь можно говорить о художественных достижениях в Кинематографии. Для этого теперь созданы и создаются новые условия, новые возможности. Принятая государством и открывающаяся государственная народная кинематографическая школа для обучения всех видов работников кинематографии, начиная с простого механика, монтажера и кончая операторами-художниками, режиссерами и артистами экрана даст реальную возможность художественных достижений. Производящиеся исследования законов кинематографического искусства и опытные постановки Академии кинематографической школы дают и дадут ряд новых возможностей.

Исследования, изобретения, уже сданные в производство и, среди них, патенты на аппараты с новым способом непрерывно двигающейся пленки, передвижные модели аппаратов, налаженное собственное производство,—дают возможность шире использовать кинематографию в деле художественного просвещения, пропаганды и развлечения народных масс.

Привлечение к работам широких масс трудового населения, среди которых, несомненно, много будет талантливых инициаторов новых исследований, применений и усовершенствований, и, наконец, общее стремление воспользоваться художественными ценностями старой буржуазной культуры и, использовав ее, создать новую, с новыми художественными ценностями и даже новыми понятиями об искусстве—все это служит лучшим залогом новых близких художественных достижений в области Кинематографии — искусства экрана.

Н. Преображенский.

Революционное искусство и книга.

Революция в октябре 1917 года произошла под лозунгом: «вся власть советам». Советы разумелись, как классовая организация рабочих. Правда, в состав Советов того времени входили и деклассированная солдатская масса и представители крестьянства. Но вряд ли подлежит какому либо сомнению, что в лозунг «вся власть Советам» деятели октябрьской революции вкладывали мысль о полной гегемонии пролетариата.

С демобилизацией старой армии и с созданием вместо нее классовой Красной Армии, прежний лозунг постепенно заменился другим: «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства». Для всех, однако, было ясно, что беднейшее крестьянство является лишь попутчиком пролетариата, правда весьма заинтересованным в развитии и осуществлении всех возможностей заложенных в революции.

Многознаменательные слова товарища Ленина о «мелкобуржуазной стихии», об опасности быть захваченным ею, призывали советских работников к сугубой внимательности и к неоходимости проведения чистой пролетарской линии. Это определяло характер деятельности решительно во всех областях жизни.

Вся последующая деятельность в послеоктябрьский период шла под знаком пролетарской революции и была направлена к осуществлению идеалов международного пролетариата. Перестройка общественных отношений, перестройка всего уклада жизни на коллективистских началах стала очередной задачей дня. Социальной базой этого социалистического творчества является промышленный пролетариат, и только он один.

Рабочий класс по своей психологии, формировавшейся в атмосфере общественного труда и для наиболее сознательной части класса, организующей партийной дисциплины, является классом по преимуществу активным и творческим. Это можно видеть во всем, даже в мелочах. И, быть может, в мелочах это является особенно заметным.

Товарищеское сотрудничество, лежащее в основе коллективистических устремлений пролетариата, подразумевает общее использование коллективного опыта, совместное обсуждение как уже сделанного, так и намеченного к осуществлению, и самокритику. Это и есть та побудительная причина, которая вызвала к жизни огромное количество периодических и непериодических изданий и книг. Каждая общественная организация, всякий более или менее крупный, работающий коллектив—имеет или стремится иметь свой печатный орган. И это, конечно, не «мода», конечно, не простое искание точки приложения своих сил. Это - безусловно желание поделиться своим опытом с товарищами, подвергнуть свою работу обсуждению и товарищеской критике.

Не лишено интереса проследить, как зачинались эти рабочие органы печати, как развивались и видоизменялись они в процессе рабочей революции и чем они стали в конце первого года пролетарской диктатуры. Из огромного материала, имеющегося в этой области, мы остановимся лишь на изданиях посвященных искуству и творчеству пролетариата в художесгвенной области.

Весьма естественно, что издания, посвященные вопросам пролетарской культуры в области искусства, возникали главным образом в столицах—Москве и Петрограде, где сосредоточены наиболее видные деятели в этой области. Но и провинцией, как это увидим ниже, здесь тоже кое-что сделано.

Едва ли не первым изданием этого рода явились «Известия Художественно-Просветительного Отдела Московского Совета Р., С., и Кр. Депутатов», первый номер которых вышел в Марте 1918 года. Журнал ставил себе целью:

1) Информировать о деятельности художественно-просветительных организаций, возникших при Московском Совете;

2) Давать в ряде популярных статей сведения по истории искусства;

3) Разрабатывать вопросы о «путях и целях искусства в связи с новыми формами, в которые облекается жизнь под организующей и направляющей рукой революции», и

4) Разрешать вопросы практического художественного воспитания масс.

С пятого номера «Известия» стали выходить под названием «Искусство», изменив и свою внешность в направлении большего приближения к типу художественного издания.

До последнего времени, в семи вышедших номерах, кроме статей теоретического характера т. т. Фриче, Малинина, Бебутова, Садко, Кашинцева, Керженцева, Станевич, трактовавших вопросы искусства с пролетарской точки зрения, дан ряд очерков по истории искусства: статьи о Кэта Колльвиц, С. Т. Коненкове, «Могучей кучке» (т. е. о коллективном творчестве композиторов Балакирева, Кюи, Римского-Корсакова, Мусоргского и Бородина), К. Менье, Домье, В. Моррисе, О. Родене, С. Иванове. Очерки эти иллюстрировались репродукциями с произведений художников и скульпторов.

Перечень художников, о которых даны были статьи в «Искусстве», говорит о том, что внимание редакции преимущественно останавливалось на тех из них, кто посвящал свое творчество изображению быта или борьбы трудовых классов, или в творчестве которых наблюдалось сотрудничество (Напр., коллективное творчество «Могучей Кучки»). Подчеркнуть последнее на ярком примере было особенно интересно потому, что буржуазная мысль считает художественное творчество индивидуальным по преимуществу, если не исключительно.

Уделяя внимание наиболее ярким явлениям текущей художественной жизни и состоянию книжного рынка, редакция «Искусства» в отделе «Хроники» любовно собирала и тщательно регистрировала все проявления творческих начинаний в области искусства.

«Искусство» в круге своего внимания имеет театр, музыку, живопись и скульптуру. Художественная литература, творчество в области поэзии оставались вне этого журнала. Этот пробел был восполнен другим московским изданием — журналом «Творчество».

Издание Московского Совета — «Творчество», посвящено вопросам литературы, искусства, науки и жизни. Целью своей журнал ставит творческое «заражение» читателя. «Раз проявленное творчество вовсе не застывает мертвым, оно заражает, оно в свою очередь вызывает творчество. Помочь читателю в этом творческом заражении,—вот задача».

Свои страницы «Творчество» предоставляет преимущественно поэтическим произведениям пролетарских писателей. Здесь мы находим стихотворения т. т. В. Александровского, Петра Бунакова, С. Божайской—Слуцкой, Ивана Ерошина, Б. Николаева, Леонтия Котомки, М. Герасимова; рассказы т. т. А. Серафимовича, Виктора, писателей—рабочих—Головина, Б. Николаева, Ивана Ерошина.

Вопросы искусства также нашли свое освещение в «Творчестве». В журнале были помещены статьи о Коненкове, К. Менье, теоретические статьи по искусству т. т. Фриче и Керженцева.

Рассказы, даваемые в «Творчестве», иллюстрируются оригинальными рисунками художников пролетариев. Статьи, посвященные вопросам искусства, сопровождаются репродукциями созданий тех или иных художников. Наконец, на обложке журнала нашла себе место политическая сатира.

Московский советский журнал, таким образом, на своих страницах собирает творческие начинания и творческие проявления художников—рабочих.

Специально вопросам пролетарского творчества посвящены издания «Пролеткульта»: Петербургское «Грядущее» и Московский журнал «Пролетарская культура».

«Грядущее» начало выходить с апреля 1918 года. Наряду с теоретическими статьями т. т. Полянского, Маширова и др., статьями, пропагандирующими идею самостоятельного культурного движения пролетариата и намечающими пути творчества рабочих, журнал дает много образцов пролетарского творчества в области изящной литературы. Здесь мы находим рассказы т. т. Грошика, Лаптина, Арского, Тулина, стихотворения т. т. Кириллова, Самобытника, Гастева и др. Характерною особенностью журнала является то, что он ведется рабочими, и сотрудниками его являются почти исключительно рабочие. Все это люди большой талантливости и высокой интеллектуальности и вместе с тем это — чистые пролетарии, из которых многие до сих пор остаются в производстве. Таким образом, «Грядущее» не только по своим заданиям, но и по составу своих ответственных руководителей и рядовых сотрудников является пролетарским журналом.

Иной характер носит журнал «Пролетарская культура». Журнал этот преимущественно теоретического характера. Журнал посвящен исканиям путей намечающейся пролетарской культуры, обоснованию самостоятельного творчества пролетариата в области науки, искусства, воспитания, быта, критической переработке буржуазной науки и буржуазного искусства. В вышедших четырех номерах журнала мы находим чрезвычайно обильный материал. В статьях т. Богданова устанавливается пролетарское понимание искусства, в статьях его же и т. Калинина закладываются основы пролетарской критики художественных произведений; в статьях т. т.

Полянского, Калинина, Керженцева, Малинина намечаются те пути, какими может пойти пролетарское творчество.

Уделяет часть своего внимания «Пролетарская Культура» и явлениям этого творчества. На страницах журнала помещены стихотворения т. т. Кириллова, Поморского, Гастева, Герасимова и др.

Особняком несколько стоит журнал «Пламя». Здесь мало теории, но много места и внимания уделено ознакомлению широких масс с достижениями современной культуры, главным образом, в области искусства. Из этих достижений берется то, что наиболее близко пролетариату.

«Пламя»—самый дешевый и самый налаженный в техническом отношении из всех художественных изданий. Это делает его пропаганду знаний в области искусства—важным фактором в растущем и крепнущем культурном движении рабочего класса.

Возникнув в красный праздник 1-го мая, журнал в вышедших номерах дал чрезвычайно обильный материал. Не говоря уже о снимках, иллюстрирующих текущую художественную жизнь, мы в «Пламени» находим воспроизведения картин таких художников, как Уотс, Микель-Анджело, Делакруа, Пикассо, Тропинин и др., а также целый ряд оригинальных рисунков молодых художников, представителей нового искусства: Кирсанова, Чехонина, Витберга и др. Чрезвычайно интересны воспроизведения иллюстраций с изданий времен Коммуны и Великой Французской Революции.

На страницах этого журнала нашли себе место и статьи, посвященные вопросам искусства. Так, в «Пламени» мы находим очерки об Уот Уитмане, А. Родене, Гойе, Вольтере, Курбэ и несколько теоретических статей по вопросам искусства.

Быть может «Пламя» самое показательное из всех начинаний этого рода, подтверждающее те наши общие положения, которые были развиты в начале статьи. Первые номера журнала носили очень сильный привкус интеллигентщины и какого-то неуместного, на страницах рабочего журнала, футуристического юмора. Казалось совершенно лишним и ненужным издание такого еженедельника, ничего не вносящего в дело пролетарской культуры и могущего лишь замутить чистый родник непосредственного пролетарского творчества. Первые шаги „Пламени“ вызвали должные критические указания, появившиеся на страницах других журналов, и „Пламя“ мало по малу стало высвобождаться от этого интеллигентского уклона, превращаясь постепенно в орган, имеющий художественно-просветительное значение.

Вопросам искусства уделяет внимание и „Вестник Народного Просвещения Союза Коммун Северной Области“. По крайней мере в первом номере этого журнала мы находим весьма интересную статью А. В. Луначарского о задачах высшего института искусств, который должен стать центром научно-художественных исследований. Создание такого центра, очевидно, явится об'единением всех начинаний рабочего класса в области искусства.

Журнально-издательская волна захватила и кинематографию. Кинематографический Комитет Комиссариата Народного Просвещения также приступил к изданию своего журнала «Хроника». Журнал посвящен исключительно воспроизведению тех с'емок, которые производит Комитет, давая, таким образом, живую и беспристрастную летопись событий. Пока вышел только один номер журнала. Орган, посвященный разработке театральных вопросов кинематографии, только обещан Комитетом.

Все рассмотренные до сих пор журналы принадлежат столицам. Из провинциальных журналов такого же типа нам известны только два: Кронштадтские «Новые Силы» и Саратовское «Горнило».

«Новые Силы»—орган Кронштадтского Союза Деятелей Пролетарского Искусства. Первый номер журнала вышел во второй половине апреля текущего года, выходил ли журнал и дальше, нам, к сожалению, не известно. Журнал этот ясно и определенно ставит вопрос о неизбежности для пролетариата создать свое искусство, «свободное от принципов феодально-буржуазного общества». Для работы в этой области создался и самый Союз, появился и самый журнал. Необыкновенно точно и четко определяет журнал и взаимоотношения между деятелями пролетарского искусства и художниками старого мира.

В первом номере, кроме теоретической программной статьи, обусловливающей принципы и пути нового искусства, дано несколько стихотворений.

Издание Саратовского Совета «Горнило» по типу ближе всего подходит к Московскому «Творчеству». Уделяя преимущественное внимание изящной литературе, «Горнило» дает и общие статьи по вопросам искусства. По всему характеру журнал еще не определился вполне; он стоит как бы на перепутьи: есть в нем достаточно и от народничества, и от

интеллигентщины. Но уже в первом номере чувствуется крепнущий дух подлинно пролетарской идеологии.

Перечисленные здесь периодические издания—все или почти все, насколько нам известно, посвящены вопросам художественной культуры. Но стремления пролетариата к красоте, к воплощениям ее в художественных образах, к осознанию путей, ведущих к пониманию красоты, настолько велики, что проявления этих стремлений мы находим там, где меньше всего могли ожидать.

В самом деле существует журнал с довольно таки неуклюжим заглавием «Продпуть», оффициальный орган Центрального Продовольственного Бюро Всероссийского Железнодорожного Союза. И само название журнала, и то дело, которое этот журнал призван обслуживать, повидимому мало имеют общего с искусством. Но и в этом журнале мы находим статьи и по литературе, и по театру. Другой железнодорожный журнал—орган Всероссийского Совета Железнодорожных Профессиональных Союзов—«Путь» имеет целый отдел, посвященный изящной литературе.

Такой же отдел художественной литературы имеет и еженедельник «Всходы»—орган Московского Уездного Совета, и «Вестник Путей Сообщения»—издание соответствующего Комиссариата.

Нет никакого сомнения в том, что, если такие специальные организации, как Комиссариат Путей Сообщения, как Продовольственное Бюро и т. п., отводят место в своих оффициальных органах вопросам и явлениям искусства, то это вызвано жизнью, то это есть отклик на живые потребности масс. В этом есть что-то необыкновенно знаменательное и величественное. Это и есть то проникновение красоты во все области жизни, которого ждал от социализма В. Моррис.

Несколько большее внимание вопросам искусства уделяет орган Центрального Совета Культурно-Просветительных железнодорожных учреждений (Цекульт)—«Знание—сила». Но там превалируют вопросы общего просвещения.

Значительное место—как изящной литературе, так и общим вопросам всех областей художественного творчества, отводит орган Центрального Рабочего Кооператива—«Рабочий Мир», начавший выходить с апреля месяца текущего года.

Необходимо отметить, что как указанные выше журналы железнодорожных организаций («Продпуть,» «Путь», «Знание—сила»), так и кооперативный «Рабочий Мир» не носят определенно выраженного классового пролетарского характера. В них чрезвычайно сильна интеллигентская точка зрения, являющаяся отголоском в сущности буржуазной психологии, что искусство по своей природе внеклассово. Предоставление своих страниц разным направлениям мысли, желание сохранить видимость беспристрастия превращением журнала, хотя бы в художественных вопросах, в свободную трибуну—затемняют чистоту классовой идеологии.

Все эти журнальные начинания, вся эта интенсивная работа по обслуживанию принципов и путей пролетарского искусства, все это целиком—создание октябрьской революции. Февральская революция в этом отношении не дала ничего. Только с того момента, когда рабочий класс, завоевав власть, приступил к строительству нового здания социализма, он развязал все возможности, дал исход накопившейся энергии и художественному творчеству и, что особо важно, наложил на все печать своей классовой психологии. Не случайность, а вполне закономерное явление, что до октябрьского переворота мы не имели ни одного пролетарского журнала, и за год рабочей революции мы имеем такую большую творческую работу. Только с победой рабочего класса стало возможно такое мощное культурное движение, которое об'единяется сейчас в «Пролеткульте». В центре художественно-издательской деятельности стоят «Пролетарская Культура», «Грядущее» и близко примыкающее к ним «Искусство»; в сферу этого же идейного течения постепенно втягивается и «Пламя», отводя все больше и больше места освещению работы «Пролеткульта». Четыре наиболее оборудованные и наиболее жизнеспособные журнала возникли, как результат рабочей революции и продолжают дело этой революции в области художественной культуры.

Переходя к изданиям непериодическим и к книгам, мы на первом месте должны поставить только что вышедший альманах «Игра» (№ 1). Альманах этот, являющийся результатом работы Педагогической Секции и Подотдела Детского Труда Театрального Отдела Комиссариата Просвещения, посвящен вопросам воспитания посредством игры. «Игра—дитя труда», но в то же время и «искусство игра». Воспитание посредством игры должно вернуть искусство к его первоначальному источнику, восстановить в общественном сознании ту связь искусства с трудом, которая окончательно была затушована в мире бур-

жуазных отношений. Альманах «Игра» обещает быть, судя по первому выпуску, чрезвычайно интересным как по теоретической разработке вопроса, так и по литературно-художественному материалу. Центральный пункт внимания альманаха «Игра» — детский театр.

Говоря о журнальной литературе, мы отметили стремление к красоте, так неудержимо проявляющееся в пролетариате. Это стремление может быть отмечено и в заботливости пролетарских изданий о внешности книги.

Присматриваясь к внешнему облику различных изданий, особенно в областях, относящихся к искусству, нельзя не отметить двух характерных черт: стремления к изящной простоте и к соответствию как обложек, так виньеток и заставок с той величавостью и какой то суровой красотой, которые присущи рабочей революции. Взгляните, например, на эти резкие, четкие линии обложки «Еженедельника Чрезвычайных Комиссий». Ни одного лишнего штриха, суровая простота и какая-то убедительная необходимость. Возьмите рисунки обложек «Творчества», «Грядущего», «Вестника Путей Сообщения». Везде — одно: эмблема труда, везде она выражена по—разному, но везде одинаково графически просто и серьезно. Простота и величие идеи социализма, одушевляющей революцию, находит свое воплощение не в крикливых мазках, не в изломанных штрихах, а в выразительно выпуклых, простых, но и изящных в этой простоте линиях.

Минувший год революции вызвал из глубины творящий дух класса. Многое начато, многое делается, но неизмеримо большее предстоит сделать. В напряженной активности пролетариата — класса творца, — лежит залог того, что начатое им дело социалистического строительства будет сделано.

К. Малихин.

НОВОЕ В ЖИЗНИ

Экономическая Диктатура Пролетариата.

Приход Российской революции ускорила война. Если бы не война, может быть, царское правительство долгое время держалось бы еще, пользуясь косностью населения, темнотою его и инерцией жизни. Вступив в войну, потребовавшую огромной затраты сил и средств, оно предрешило свою судьбу.

В 1905 году неудачная война также вызвала революционную бурю, подготовленную предыдущей политикой правительства. События нынешней войны всколыхнули народное море гораздо глубже. Тогда оказался возможным компромисс, теперь в 1917 году это было уже немыслимо.

В процессе войны и первых месяцев революции обострились все классовые противоречия, и класс определенно выступил против класса.

Класс рабочих и беднейших крестьян вел борьбу с помещиками, мелкой буржуазией (городской и сельской) за свои потребности и нужды.

Пролетариат выставил определенные политические требования и прежде всего прекращение войны. Ясно, что правительство не склонно было удовлетворить эти требования и их пришлось завоевывать.

После периода колебаний и попыток соглашательства (февраль-октябрь 1917 г.) пролетариат взял политическую власть в свои руки, образовав Советское Правительство.

Благодаря этому он получил возможность разрешить наиболее острые политические вопросы, требующие немедленного ответа. Но сразу же встала перед ним необходимость решить и целый ряд других столь же серьезных вопросов, лежащих в области экономической жизни. Необходимо было дать землю крестьянам не в виде обещаний, дававшихся коалиционным правительством, а передав ее действительно в руки крестьянства.

Эсеры, всегда считавшиеся крестьянской партией, не сумели в течение восьми месяцев ничего предпринять для реализации заветной мечты русского крестьянства о земле.

Передачу земли крестьянам они предполагали совершить за солидный выкуп помещикам, не уничтожая таким образом э к о н о м и ч е с к о й   в л а с т и   э т о г о   к л а с с а в течение веков правившего Россией.

Между тем требование земли без выкупа об'единяло самые широкие слои крестьянства и служило боевым знаменем еще в 1905 году.

Не предрешая форм землевладения, необходимо было дать крестьянам всю землю немедленно, так как напрасные ожидания волновали крестьянские массы и толкали их на путь безцельного и опасного аграрного террора.

Конфискация земли, проведенная Советским Правительством, нанесла смертельный удар помещичьему землевладению, которое никогда уже не вернется. В деревне начнется новая жизнь. Там должна укрепиться социальная власть нового класса—крестьянства.

Эта коренная ломка старых устоев абсолютно неизбежна, и естественно она могла произойти лишь при политической диктатуре пролетариата.

Сама по себе она является уже социальной революцией, имеющей громадные последствия для всей России.

Она разрушает старую основу экономического быта, и не дает места для создания мелко-буржуазных отношений, намечавшихся после февральской революции.

Конфискация земли без выкупа расшатывает в корне основы частной собственности и подрывает возможность ее существования.

При конфискации земли пролетарским государством, является нелогичным сохранение частной собственности на банки, фабрики, железные дороги и пр.

Сама частная собственность, являющаяся основой буржуазного быта становится чем-то нереальным: сегодня она уничтожена на землю — завтра может быть уничтожена на дома, на фабрики и пр.

Собственность становится неустойчивой, а в таких условиях подрывается пресловутая частная инициатива.

Конфискация земли, разрушающая основы буржуазного уклада жизни, могла произойти только при условии сосредоточения власти в руках пролетариата и его союзников.

Не даром же социал-революционеры и меньшевики колебались так долго в разрешении этого коренного вопроса, отлагая ликвидацию полуфеодальных, полукрепостнических отношений — до Учредительного Собрания или еще дольше.

Они не решались нанести этого удара буржуазному строю, держащемуся на возвеличении принципа «священной частной собственности».

Разрешение земельного вопроса конфискацией земли без выкупа и передачей ее крестьянам — явилось одним из этапов социальной революции.

Без разрешения этого коренного вопроса революция не могла пойти вперед и вглубь.

То же самое повторилось и в городах. Во время выборов в городские районные думы в Петербурге и Москве социал-революционеры старались уловить доверчивых избирателей подсчетами доходов домовладельцев, говоря, что эти незаконные доходы, называемые земельной рентой, должны быть уничтожены, но сами для этого ничего не сделали. И опять только пролетарская революция подошла вплотную к этому вопросу и решительно разрубила его **муниципализацией крупных домов в городах**, т. е. передачей их в руки городских советов депутатов.

Это был новый удар по буржуазному строю частной собственности, снова вырывающий кое-что из под ее ног и уничтожающий принцип незыблемости прав собственности. Опять таки этот удар по буржуазии, лишающий ее ренты и квартирной платы, был мыслим лишь при условии неограниченной власти пролетариата в политическом и экономическом отношениях.

Это снова один из этапов диктатуры пролетариата.

Советская власть, вырвавшись из войны, должна была каким-либо путем уничтожить ее тяжелое наследие, в том числе громадную финансовую задолженность.

Война вызвала необычайные расходы, которые тяжелым бременем легли на Россию. И довоенные годы не были легкими, так как ежегодно приходилось закрывать бюджеты с известным дефицитом, но за время войны он колоссально возрос. Так, например, 1914 год закончился дефицитом в 10.488.000.000 рублей, а 1915 г. уже—18.876.000.000 рублей

1916 и 1917 годы еще ухудшили наше финансовое положение. По самым скромным подсчетам долги России составляют 50-60 миллиардов рублей, т. е. почти половину ее национального богатства. Таким образом, на каждого гражданина долг падает приблизительно в размере четырехсот с лишним рублей.

Ежегодная сумма, которую России пришлось бы платить по долговым обязательствам в виде процентов составляет около 4 миллиардов.

Следовательно, проценты по внешним долгам поглотили бы все довоенные доходы полностью и еще получился бы недобор в 500 миллионов рублей ежегодно. Однако, этим дело не ограничивается. Кроме внешних займов, были заключены внутренние, были выпущены всевозможные кратко и долгосрочные обязательства. Общая сумма всех наших долгов сгруппирована М. Павловичем в его интересной книжке: «Итоги мировой войны», следующим образом (в миллиардах рублей).

1) Внешние долги	
Англии	7.500
Франции	5.500
Германии	1.250
Голландии	750
С.-Ам. С. Штатам	500
Японии	200
Швейцарии	200
Италии	100
	16.000
2) Прямые внутренние долги.	
Долгосрочный долг...	25.000
Краткосрочный:	
а) 4% серия....	1.000
б) 5% обязательства...	18.000
	44.000
3) Косвенные внутренние долги.	
Свидетельства Крестьянск. банка	1.400
Закладные листы Дворянск. банка	960
Гарантир. жел. дор. облигаций	2.440
	4.800
Итого долгов	64.800
4) Платежи по непред'явленным купонам и тиражным облигациям за предыдущие годы....	15.200
Итого обязательств по системе русского государственного кредита...	80.000

Война пожрала около 2/3 национального богатства и требовала бы еще уплаты колоссальных сумм, чуть ли не вдвое превышающих доходы, в оплату процентов.

Ясно, что платить этих миллиардов обнищавшая страна не может, что необходимо вырваться из той паутины, в которую ее бросило царское правительство.

Ни одно правительство, ни буржуазно-помещичье, ни буржуазное с примесью социал-патриотов не рискнуло бы отказаться от этого бремени, абсолютно непосильного для России.

И только Советское Правительство, являющееся органом диктатуры пролетариата, нашло достаточно смелости, чтобы отказаться от платежей по старым займам и обязательствам. Это был новый удар по буржуазии всех стран, соответственным образом котированный на общемировой бирже.

Конфискация земли и муниципализация домов—были актами, имеющими внутреннее значение для одной России, аннулирование займов имело более широкий—уже международный характер.

С первых дней революции Советское Правительство взяло на себя руководство экономической жизнью и направление ее по определенному плану, регулируя ее по своему, сообразно с видами и запросами страны. Правительству, составленному из представителей рабочих организаций, достался чрезвычайно разбитый и износившийся экономический аппарат, полезное действие которого было крайне ничтожно.

Промышленность с 1915 года работала исключительно для войны, для чего промышленные предприятия были снабжены специальными станками и приспособлениями.

Запросы и потребности страны на 80-90% были аннулированы: прекратился почти ремонт паровозов и вагонов, сельско-хозяйственное машиностроение, ремонт заводского и фабричного оборудования и пр. Все было принесено в жертву Молоху войны, и он все беспощадно пожирал.

Сдвинуть хозяйственную жизнь обратно, поставить ее на новые рельсы—очень трудно.

В 1915 г. промышленность пошла на мобилизацию под влиянием жажды легкой наживы. К тому же переход облегчался казенными авансами.

Американские миллиардеры, английские хищники и французские банкиры давали тогда промышленности все: сталь, металлы, станки, требуя взамен лишь снарядов.

В таких условиях нетрудно было мобилизоваться, особенно когда русское правительство обещало покрыть все затраты и сторицей вознаградить за труд.

Демобилизацию пришлось проводить при совершенно новых условиях: внешний рынок был закрыт, машины и станки износились до невозможности; в стране недостаток всех продуктов, голод и разруха.

Капиталисты и промышленники активно, по мере сил и возможностей, противодействовали демобилизации, мечтая все еще возвратиться к войне и работе на истребление миллионов.

В силу этого демобилизацию приходилось проводить самим рабочим, при незнакомстве с рынком, с его спросом, с его насыщенностью и пр.

Пришлось итти по новому пути, поставив интересы Советской Республики выше интересов отдельных групп населения.

За время войны открылась масса предприятий, которые для мирной жизни страны не имеют абсолютно никакого значения, которые вели и отчасти ведут еще и поныне паразитическое существование.

Первая полоса демобилизации смела уже значительную часть из них, но часть еще продолжает тянуть соки из Советской России.

В этом отношении необходимо поступать решительно и закрывать те предприятия, которые не могут развиваться с пользой для страны.

В прежнем капиталистическом обществе их очень скоро убила бы конкуренция, теперь, при переходе к социализму, такие предприятия могут еще долго существовать, поддерживаемые патриотизмом «своей колокольни» местных рабочих и их чисто шкурными интересами. Между тем то регулирование промышленности, какое проводит Советское Правительство и пролетарские организации, направлено исключительно к тому, чтобы поддержать и развивать только то, что имеет действительные шансы на развитие.

Внешние условия таковы, что необходимо максимальное напряжение всех живых сил страны. Оно достигается проведением в жизнь максимальной концентрации производства, синдицированием ее и трестированием ее предприятий в национальном масштабе. В этой работе неизбежно приходится пренебрегать интересами частных предпринимателей и нарушать их.

До октябрьского переворота это было невозможно уже потому, что сами капиталисты были призваны регулировать промышленность,

вырабатывать планы ее развития, а план этот был—нажива.

Если некоторые рабочие грешат иногда слишком большой привязанностью к «своей» фабрике или заводу, то этим во стократ в большей степени грешили капиталисты. Регулировать промышленность они были согласны лишь в свою пользу.

В силу этого пролетариату пришлось сначала учредить над ними бдительный надзор—контроль, проникающий во все поры их деятельности, а затем и активно устранять капиталистов от предприятий и работы в них.

Логически и контроль над промышленностью и национализация главнейших отраслей ее были неизбежны в тех условиях, в которых находилась Советская Россия.

Воссоздать промышленность из послевоенного развала можно было лишь при условии полной возможности распоряжаться ею всецело, при условии полной ликвидации саботажа и внутреннего сопротивления.

В связи с воссозданием промышленности необходимо устранение с заводов мелко-буржуазных элементов с собственнической психологией, проникших туда во время войны.

С ними невозможна была на заводах трудовая дисциплина и повышение производительности труда: для них чуждыми были эти лозунги. Они им не подчинялись, и этим разлагающе действовали на подлинный пролетариат.

Однако «пролетаризация» заводов была возможна лишь в том случае, когда они попадали всецело в руки рабочих. Иначе нельзя было бы справиться с враждебно-косной и жадной стихией.

В западной Европе правительства создали во время войны определенное принуждение, которое обеспечивало нормальную работу предприятий. Эта система дала возможность справиться с трудностями войны. Россия переживает сейчас еще более тяжелый экономический развал, чем какая-либо другая страна в начале войны, и опасности ей грозят гораздо больше. Для того, чтобы справиться с ними необходима еще большая экономическая власть, чем в Германии, Англии и Франции.

Она достигается уничтожением частно-владельческой промышленности и сосредоточением ее в руках государства — национализацией. Больше даже, часто необходима полная монополизация уже произведенных продуктов. Так например была монополизована вся кожа, введена монополия на хлеб и продукты сельского хозяйства, причем распределение их поставлено таким образом, что больше всего получают трудовые слои и меньше всего—нетрудовые паразитические группы населения. Эта система проводится гораздо более последовательно и неуклонно, чем где бы то ни было в воюющих странах. Полная монополия хлеба и классовый паек — результаты этой политики. Вопрос только в том, чтобы проводить это в жизнь в еще более широких размерах (распределение тканей, обуви и пр.).

В то же время это подготовительная мера для натурализации заработной платы.

С несомненностью выясняется, что никакие прибавки к заработкам не помогут, что все оне будут лиш паллиативами, пока мы не перейдем к трудовым эквивалентам, к оплате заработков натурой, соответственным количеством хлеба, мяса, жиров, яиц, тканей и пр.

Это новый шаг к социализму, который необходимо сделать в настоящее время.

Благодаря этой мере удастся значительно сократить выпуск бумажных денег, что поведет к повышению их стоимости, а затем к постепенному вытеснению их и аннулированию того мертвого капитала, который лежит в различных «кубышках» и укромных местечках.

Диктатура пролетариата в экономических отношениях диктовалась всем комплексом очерченных фактов.

Почва была подготовлена для нее войной и, сопряженным с ней, хозяйственным развалом.

Россия вступила на этот путь, и была об'ективно вынуждена внешними причинами предпринять в этом направлении целый ряд экономически необходимых шагов, в виде национализации земли, банков, промышленных предприятий, торговли и пр. — приближающих ее к социализму.

Р. Арский.

Деятельность Народного Комиссариата Труда.

Деятельность Комиссариата Труда наладилась значительно скорее и раньше, чем других Комиссариатов.

Он начал свою работу с последних чисел октября, немедленно после перехода власти в руки пролетариата.

Это совершенно понятно, так как в его распоряжении оказался готовый аппарат в лице представителей всевозможных рабочих организаций. Профессиональные союзы прислали своих представителей; то же сделали больничные кассы и Советы Рабочих Депутатов.

Все эти три организации ко времени октябрьского переворота достаточно окрепли и представляли из себя мощную основу, на которую мог опереться Комиссариат в своей работе.

Каждая из этих организаций могла проводить в своей политике ту программу, которая сложилась у нее в течение предшествующих месяцев и даже лет.

Например, представители страховой группы и больничных касс пришли с готовой программой полного социального страхования, которая давно была уже формулирована и обоснована рабочими, пролетарскими организациями.

Еще в 1911—1912 году лозунг страхования от болезни, безработицы и инвалидности за счет предпринимателей был выдвинут представителями пролетариата в Государственной Думе, в агитации, в прессе и пр. Лозунг этот был усвоен большинством российского пролетариата и выдвигался, как боевое знамя, во все предшествующие годы.

Теоретики партии и деятели страховых организаций вкладывали конкретное содержание в этот лозунг, разрабатывая детали закона и противопоставляя его буржуазному творчеству.

Комиссариат Труда начал свою деятельность в области социального страхования с опубликования 30 октября правительственного сообщения о том, что в ближайшем будущем будут декретированы законы о полном социальном страховании.

И действительно, к половине декабря были приняты и опубликованы законы: 13 декабря о страховании от безработицы и 22 декабря о страховании от болезни. Оба эти закона являются серьезным завоеванием рабочего класса, обеспечивая рабочих за счет предпринимателей в наиболее тяжелых обстоятельствах жизни.

В то же время они являются и серьезными ударами по капитализму, избавляя, во первых, рабочий класс от конкуренции резервной армии безработных, являющейся серьезной угрозой всем завоеваніям пролетаріата, и, во вторых, заставляя капиталистов нести расходы по лечению больных рабочих.

В то же время были опубликованы декреты о повышении на 100% пенсии пострадавшим от несчастных случаев и о передаче больничным кассам всех лечебных учреждений, предприятий или о компенсации таковых соответственными денежными взносами.

Эти декреты значительно улучшают положение пролетариата, как класса, давая ему в руки реальные завоевания.

Эти законы не завершают всего, что было нужно и необходимо в этой области рабочему классу в его движении вперед, но все же они являются первыми шагами по пути к социализму.

После опубликования законодательных актов рабочий класс России приступил к осуществлению их, и таким образом, практически, стал закреплять за собою взятые позиции.

Представители профессиональных и рабочих организаций пришли тоже с готовой программой работы, которая, впрочем, не была так определенна, как у деятелей больничных касс и страховиков.

Это вполне понятно: программа и задания профессиональных союзов не вылились к тому времени в определенные формы.

В связи с изменением политических и экономических отношений изменялась сама программа профессиональных союзов и их задания.

Непосредственно после февральской революции выдвинуто было пролетариатом требование восьмичасового рабочего дня.

Это требование было осуществлено рабочими революционным порядком, но оно не было зафиксировано и закреплено законодательным актом.

Социал-соглашатели в течение восьми месяцев не удосужились разработать и декретировать этот закон и таким образом закрепить завоевания рабочего класса в этой области.

Представителям рабочих организаций в Комиссариате Труда пришлось восполнить этот пробел, декретировав 29-го октября закон о восьмичасовом рабочем дне.

Следующей очередной работой была разработка и декретирование закона о рабочем контроле, дающем возможность представителям рабочих организаций войти во все детали промышленной жизни, и взять под действительный контроль деятельность промышленников.

В значительной части капиталистических предприятий рабочий контроль осуществлялся революционным порядком, но, после принятия декрета о рабочем контроле, 14-го ноября он стал обязательным, и неподчинение ему грозило серьезными последствиями.

Деятельное участие в разработке этого закона принимали профессиональные союзы, заводские комитеты, Ц. И. К.

Рабочий контроль резко видоизменил взаимоотношения на заводах: он положил предел самодержавию хозяев на фабриках и, в противовес ему, выдвинул диктатуру пролетариата в экономической жизни.

Главное его значение было то, что он дал возможность рабочим подойти к промышленной жизни и научил рабочих управлять ею.

Практически рабочий контроль являлся серьезнейшим шагом при устранении капиталистов и замене их пролетарским правлением предприятий.

Рабочий контроль встретил решительный отпор со стороны капиталистов, промышленников и промежуточных слоев мелкой буржуазии, справедливо увидевших в нем серьезную угрозу своей власти.

Началась организованная кампания против рабочего контроля, завершившаяся национализацией целого ряда промышленных предприятий, главным образом Уральских.

На Урале промышленники решили дать отпор наступлению пролетариата, надеясь отстоять свои позиции.

Эти попытки не увенчались успехом, и в течение двух-трех следующих месяцев было национализовано, в виде кары за нежелание подчиниться рабочему контролю и за саботаж:

Горных округов	7.
Металлургических зав.	2.
Металлообрабатывающих	12.
Текстильных фабр.	4.
Электрических предпр.	2.
Типографий и литогр.	2.
Изготовл. одежды	1.

Эти меры всецело проводил Комиссариат Труда, так как он один являлся в это время достаточно организованной единицей, способной отстаивать осуществление рабочих требований и стремлений.

Позже Комиссариат Труда выделил из себя Совет Рабочего контроля, состоявший из представителей профессиональных союзов. Эта организация послужила впоследствии основой для создания Совета Народного Хозяйства.

Следует отметить, что Комиссариат Труда первый применил «Экспроприацию экспроприаторов», принявшую определенные формы классовой революционной борьбы и постепенного вытеснения капиталистов из всех областей жизни.

Главной задачей рабочего класса в то время было улучшение материального положения трудящихся и приведение его в соответствие с изменившейся экономической и политической конъюнктурой.

Необходимо было повысить заработки в связи с возросшей дороговизной жизни. Комиссариат Труда приложил все усилия для того, чтобы провести это организованным путем, что и удалось ему при содействии профессиональных союзов, стремившихся к заключению тарифных договоров.

До этого они охватывали лишь наиболее передовые силы рабочего класса и были сравнительно немногочисленны. После октябрьского переворота, число их значительно возросло, и круг лиц, подлежащих их действию, значительно увеличился.

Советское Правительство предоставляло рабочим возможность самостоятельно бороться с капиталистами, вызывая у них известные уступки, и лишь в крайних случаях приходило на помощь, декретируя тарифы.

Так было, например, при заключении второго тарифа металлистов, увеличившего низшие ставки приблизительно на 40—50%, тарифа текстильщиков, химиков и пр.

Кроме этих тарифов были декретированы ставки для профессиональных союзов дворников, швейцаров, домашней прислуги, фельдшеров и младшего медицинского персонала, т. е. для наиболее распыленных, менее всего организованных элементов пролетарской среды.

Эти элементы находили наиболее открытую поддержку со стороны Правительства.

При переходе власти в руки пролетариата, приходится учитывать то, что Правительство становится наиболее крупным работодателем.

Устанавливая заработки, оно должно создать наиболее удобные условия жизни пролетариата, отвечающие его запросам и потребностям. Таким образом, правительству, кроме профессиональных рабочих различных отраслей промышленности, пришлось установить заработки железнодорожников, почтово-телеграфных служащих, служащих городских предприятий и пр.

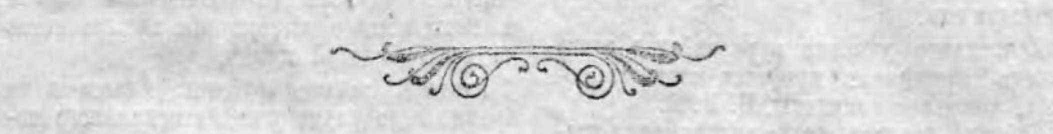
При фиксации этих ставок принимали самое деятельное и непосредственное участие представители профессиональных союзов, которые фактически диктовали свою волю.

Содействие профессиональных союзов, *работавших в теснейшем контакте* с Комиссариатом Труда,—дало возможность провести демобилизацию промышленности и разгрузку ее от непролетарских элементов, втянутых на фабрики во время войны.

Таковы были первые шаги Народного Комиссариата Труда, опиравшегося в своей деятельности на организованный пролетариат, в его пути к социализации общества.

Дальнейшая деятельность его была направлена к углублению и укреплению завоеваний первого периода. Работа эта не закончена и поныне. Она требует упорного труда, так как старого уклада жизни нельзя сразу видоизменить.

А. Ф. Р.

Народный суд.

Первый декрет о суде, упразднивший старые буржуазные суды одним революционным актом, фактически упразднил их без остатка. В то же время этот декрет давал лишь самые общие основания пролетарской юридической надстройки. Он намечал организацию местных судов взамен прежнего цензового мирового суда, и особых органов борьбы с контр-революцией—революционных трибуналов,—а для ликвидации окружных судов и других общих судов создавал особых комиссаров, функции которых по декрету сводились к заботам об архивах и имуществах упраздненных судов и выдаче справок. Комиссары, введенные указанным декретом, фактически явились ответственными организаторами прежде всего местных народных судов и революционных трибуналов.

Первые моменты революционного переворота в области судоустройства отмечены организацией Революционных Трибуналов. Созданные, как органы борьбы с контр-революцией и спекуляцией, т. е. по существу, как организации не суда, в подлинном смысле слова, а политической борьбы, революционные трибуналы в городах, а нередко в волостях первое время оказались почти что фундаментом юридической надстройки пролетарской революции, так как до образования местных судов взяли на себя и функции этих судов.

Так, в Московский Революционный Трибунал за время с 21-го декабря 1917 г. по 1-ое Июля 1918 г поступило 2022 дела. Из них им прекращено 222 дела и передано в Народные Суды и другие учреждения 740 дел. Окончательно решено в публичных заседаниях с обвинительными приговорами 76 дел следующих категорий: о печати—15, контр-революции—4, саботаже—3, преступления по должности—21, спекуляции—14, взяточничестве—7 и общеуголовных—12. Таким образом даже в Москве, где местный народный суд организован был в самом широком масштабе уже к февралю, Революционный Трибунал решал и обще-уголовные дела.

Понятно, что в более глухих и отдаленных от центра пунктах Революционные Трибуналы на первых порах были завалены всякого рода делами имеющими весьма отдаленное отношение к контр-революции. Так Уфимским Революционным Трибуналом за три месяца было принято 379 дел, из коих решено 255, причем по родам преступлений они распадаются так:

Роды преступления	всего поступило дел.	решено	Прекращено	Осталось нерешенными
Варение и продажа самогонки	82	59	2	21
Спекуляция	66	48	4	14
Контр-революция . .	10	9	—	1
Проч. проступки уголовные, главным образом нарушающие обязательное пост. Совдепа по очистке улиц	221	139	32	50
Итого. .	379	255	38	86

Таким образом подавляющее большинство дел обще-уголовных.

Усманский Революционный Трибунал (Тамбовской губ.) за тот же период времени рассмотрел такие категории дел:

НАЗВАНИЯ ДЕЛ.	
Контр-революция.	29
Против Местн. Совета.	3
Самовольные обыски.	3
Взяточничество.	1
Обложение сбором капиталистов.	1
Подлоги.	1
Неправильное польз. сов. документами.	—
Личная обида.	5
Продажа пригульной лошади.	1
Винокурение самогона.	31
Торговля вином.	5
Кража частного имущества	8
Появления в пьяном виде.	4
Кража и порубка казен. леса.	84
Грабежи.	3
Нанесение ран.	2
Нарушение Декрета о Бирже Труда.	2
Бегство военнопленн.	1
Убийства	7
Самовольная пастьба скота в каз. лес.	6
Саботаж.	2
Всего решен. дел.	254

В докладе Воронежского Комиссариата Юстиции 4-му Губернскому С'езду Советов приводятся еще более красноречивые факты. В Задонском Революционном Трибунале существовало даже особое «Гражданское Отделение», которое разрешало гражданские дела и вело бракоразводные процессы. Бутурлинский Трибунал рассматривал общеуголовные и гражданские дела при «широком участии публики»: из публики не только выступали отдельные ораторы, но она решала голосованием судьбу дела.

От таких наносных временных отступлений Революционные Трибуналы очищались прежде всего там, где проводились в жизнь Местные Суды: в первую голову, в таких центрах, как Москва, Петроград или Омск (до занятия чехо-словаками).

К марту 1917 года декрет проводится уже на местах в жизнь в общегосударственном маштабе. На первом месте шли, конечно, крупные центры—Петроград, Москва, Западная Сибирь. В Петрограде и Москве Местный Суд по Декрету № 1 организован в полном об'еме. Некоторые отступления от Декрета № 1 в Петрограде с тенденцией расширить подсудность Местного Суда и создать уже теперь Единый Народный Суд (проявившаяся также на Областном С'езде К. Ю. Зап. Сибири и Урала в конце мая этого года) выделяют Местный Суд Петроградской Коммуны в ряде других городов. Наиболее близко к декрету о суде организован Местный Суд в г. Москве; в настоящее время деятельность его характеризуется следующими данными:

1918 г. Месяцы	Число участков	Количество заседаний	Поступило за мес. Уголовн.	Гражд.	ВСЕГО	Рассмотрено (окончено) за месяц. Уголовн.	Гражданских: Исковых	Охран.	Бракоразвод.	Всего гражд.	ВСЕГО рассмотр.
Январь . . .	29	164	3.030	663	3.693	1.423	272	113	14	399	1.642
Февраль . .	38	200	2.201	883	3.084	1.572	429	117	137	683	2.255
Март . . .	48	539	5.869	2.652	8.521	5.350	1.313	346	524	2.183	7.533
Апрель. . .	55	668	7.978	3.761	11.739	8.614	2.299	631	952	3.882	12.496
Май. . . .	56	614	6.054	3.982	10.036	7.549	2.002	572	765	3.339	10.888
Июнь . . .	57	624	6.348	3.293	9.641	6.717	1.935	611	847	3.393	10.110
ВСЕГО с 1 янв. по 1 июля 1918 г		2.809	31.480	15.234	46.714	31.045	8.250	2.390	3.239	13.879	44.924
%%			67%	33%	100%	69%	19%	5%	7%	31%	100%

Рассматривая в отдельности рост чисел гражданских и уголовных дел, мы прежде всего, из данных таблицы видим, что за 6 м-цев уголовных дел поступило в Местные Народные Суды в 2 раза больше, чем гражданских (67% и 33%). Далее мы сможем отметить характерное явление: количество тех и других быстро увеличивается, но возрастание это далеко не одинаково. Если принять число поступивших в январе м-це дел каждой категории равным 100 и найти соответствующие числа для остальных месяцев, то мы увидим, что гражданские дела возрастают по численности гораздо быстрее уголовных: в то время, как первые в мае увеличились по сравнению с январем в шесть раз, число уголовных только удвоилось.

Этот факт наглядно показывает растущее доверие населения к Народному Суду, ибо в гражданских делах обращение к Суду имеет место исключительно по свободной инициативе сторон.

Местный Суд не только вошел в жизнь, но с каждым месяцем охватывает новые круги юридических взаимоотношений широких масс населения. Ближайший руководящий орган Московского Местного Суда общее собрание всех постоянных судей и членов совета московских народных судей—

выработал уже инструкцию местному суду, которая получила широкое распространение и за пределами Москвы. Все это говорит за то, что Местный Суд в Москве стал значительным фактором правосознания.

Изъ докладов с мест на Всероссийском с'езде и данных произведенной Н. К. Ю. в мае анкеты с несомненностью выяснилось, что Местные Суды на Урале, во всех крупных заводских центрах, в центральных и приволжских губерниях в большей части уездов были организованы уже к концу марта. К концу мая стали поступать сведения о введении местных судов в Степном крае и Ташкенте.

На с'езде Комиссаров Юстиции, а отчасти из сообщений с мест в Н. К. Ю. обнаружилось, что в некоторых уездах местные суды приурочивались к волостям, доходя до 50 участков на уезд, а заседатели избирались не для сессий, а на более или менее продолжительный срок (до года). Народный Комиссариат Юстиции, считая такое дробление судов, в особенности, при отсутствии земельных дел, излишним и дающим все основания превратить местный суд при постоянных заседателях в старый волостной суд, давал всегда указания на недопустимость таких отступлений.

В Н. К. Ю. на 15 сентября имелись сведения об организации въ пределах Советской Республики 3267 Местных Народных Судов. Структура Местных Народных Судов проведена во всех районах с соблюдением основного принципа, т. е. в составе постоянного судьи и двух очередных заседателей. При избрании Народных Судей от них требовалось:

1) иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов;

2) иметь политический опыт работы в пролетарских организациях, как-то: политических партиях, поддерживающих Советскую власть, профессиональных союзах, классовых рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах или в Советских организациях, как-то: Советских Комиссариатах, Исполнительных Комитетах и Отделах Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов,

3) иметь теоретическую или практическую подготовку для должности Советского судьи.

Судья должен безусловно удовлетворять первому условию и хотя бы одному из последних двух условий. Судьи избираются в городах Исполнительным Комитетом городского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов; в уездах — Исполнительными Комитетами уездных С'ездов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, которые в списки кандидатов включают кандидатов сельских и волостных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Судьи могут быть отозваны Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов, их избравшими, в любое время.

Очередные судьи — заседатели должны удовлетворять первому из условий, обязательных для постоянного местного судьи, т. е. иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов. Заседатели предварительно вносятся в списки заседателей; в городах к составлению предварительных кандидатских списков заседателей привлекаются все организации, стоящие на платформе Советской власти, как-то: политические партии. профессиональные рабочие союзы, классовые рабочие кооперативы, фабрично-заводские комитеты и т. д., которые при составлении списков включают одного кандидата в заседатели на каждые 50 избирателей своей организации; собирание же всех отдельных списков и утверждение кандидатов возлагается на Исполнительные Комитеты Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. В уездах предварительные списки составляются и утверждаются: для фабричных районов—Исполнительными Комитетами районных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, для земледельческих — Исполнительными Комитетами волостных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, при чем каждое сельское общество намечает одного кандидата на каждых 50 Советских избирателей, а где их меньше, одного на каждое селение: окончательные списки составляются Исполнительными Комитетами уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Из утвержденных списков заседателей избираются по жребию по три заседателя (два очередных и один запасный) для каждой сессии участкового Местного Народного Суда — Президиумом Исполнительных Комитетов городских, а где их нет—уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов совместно с представителями Местного Народного Суда или Совета Местных Народных судей.

Что касается профессионального состава постоянных судей, то отчеты дают самые общие данные, которые позволяют отметить два факта: 1) профессиональные юристы составляют сравнительно ничтожный процент

постоянных судей, которые так же, как и очередные заседатели избираются главным образом из рабочих и крестьян, 2) после небольшого стажа такие судьи успешно справляются с выпавшей на их долю задачей. Об этом свидетельствуют не только абсолютные данные о числе рассмотренных дел местными судами, но красноречиво говорят самые решения таких судов, опубликованные в органах печати (см., напр., № 2 журнала «Пролетарская Революция и Право»), незначительное число обжалованных решений и прямые отзывы организаторов судов на местах. Так, Витебский Комиссар Юстиции, сообщая данные о местном суде Городокского уезда, пишет: «Все местные судьи Городокского уезда—крестьяне, без специальных юридических знаний и опыта, но несмотря на это вполне удовлетворительно справляются со своей работой.» Такие судьи встречают затруднения главным образом в кассационной инстанции — Советах (С'ездах) местных Народных Судей, в виду чисто процессуального характера рассмотрения дел в такой инстанции. Правда, советам местных народных судей предоставлено право отменять явно несправедливые решения, но на практике такие случаи единичны.

Среди рабочих в крупных центрах уже наметился кадр вполне подготовленных для своей роли судей. Главное же не нужно забывать, что местный Народный Суд рассматривает дела при участии очередных заседателей: и решения его являются результатом коллективного творчества представителей рабочего населения.

Подсудность местных Народных Судов первоначально была определена декретом о суде № 1: для гражданских дел ценою иска до 3.000 руб. и для уголовных дел тяжестью угрожаемого наказания до 2 лет лишения свободы. Остальные дела Декретом о Суде № 2 были отнесены к ведению окружных Народных Судов.

Практика местных судов двух крупных центров Петрограда и Москвы с первых же шагов столкнулась с явным противоречием между буквой дореволюционного уложения о наказаниях и революционным правосознанием, прежде всего, в области норм наказания. Уложение заранее, по-аптекарски скрупулезно, отмеряло дозы возмездия за те или иные деяния: — кражи свыше 300 руб., рецидивные и квалифицированные кражи и т. д. большей частью свыше 2 лет лишения свободы, а потому определяло подсудность таких дел окружным судам, а между тем революционная совесть и революционное правосознание, которыми прежде всего должны руководствоваться в своих решениях местные суды, подсказывали и могли подсказывать единственный вывод: суд свободен в выборе наказания в зависимости от обстоятельств дела, и сказать заранее, что подсудимому угрожает лишение свободы свыше 2 лет возможно, в лучшем случае, только относительно таких деяний, как: умышленное убийство, разбой, бандитизм. Этот вывод Петроградским местным судом был доведен до его логического конца, и местный суд стал принимать к своему производству все уголовные дела, определяя подсудность в самом процессе; в Московском же местном суде в компетенцию его были отнесены все дела, кроме убийства, разбоя, грабежа с насилием. Практику Московского Суда усвоили в целом ряде центральных губерний и, таким образом, подсудность местному суду определялась на практике, санкционированной с'ездами и центром, не по наказанию (2 года), которое угрожает по «законам свергнутых правительств», т. е. уложению, а по наказанию, которое предполагает революционное правосознание судьи.

Вопрос был разрешен более определенно и точно декретом о Суде № 3, принятом Сов. Нар. Ком 18 июля, который возложил на местные Народные Суды рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое, бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции, рассмотрение которых было отнесено к ведению Окружных Народных Судов, по гражданским же делам всех дел до 10.000 рублей.

По данным, которые собраны Н. К. Ю., Окружные Народные Суды уже сорганизованы и приступили к разбору дела на месте или в выездных сессиях в следующих городах: Рязани, Твери, Орле, Костроме, Новгороде, Вятке, Витебске, Нижнем-Новгороде, Саратове, Петрограде, Москве, Владимире, Тамбове, Великом Устюге, Курске, Воронеже, Вологде, Череповце, Перми, Пензе, Ельце.

При комплектовании Народных Окружных Судов местные совдепы стремились привлечь, главным образом, юристов (бывших судей, присяжных поверенных и вообще лиц с юридической подготовкой), и в Окружных Народных Судах процент профессиональных юристов подавляющий. Это об'ясняется тем, что в центре и на местах преобладал при самом образовании окружных народных судов

взгляд на их роль, как судов временных, призванных главным образом ликвидировать наследие прежней юстиции. И действительно, организованные позже местных народных судов (в середине года) Окружные Народные Суды свою работу сконцентрировали на уголовных делах, до издания декрета о Суде № 3, даже мелких, и на классификации старых дел, направляя их в местные Народные Суды, земельные отделы, страховые присутствия («увечьи» дела) или административные учреждения. Для характеристики приводим данные о деятельности одного из наиболее активных народных окружных судов—Витебского, который был открыт 10-го апреля. В течения 2 месяцев в Суде шла исключительно канцелярская работа по классификации старых дел и подготовке новых. Разбор дел с участием Народных заседателей (12 для уголовных и 4 для гражданских) начался по Уголовному Отделению 10-го, а по гражданскому 20 июля. В первую очередь к слушанию назначались так называемые «арестантские дела» возникшие за последние месяцы; из старых дел выбирались наиболее серьезные дела о самогонщиках. С 10 июля до сентября было рассмотрено около 120 уголовных дел, из них самогонных было 80, имущественных преступлений (кражи, грабежи, подлоги, вымогательства)—25 и посягательств на жизнь и телесную неприкосновенность 15. Почти по всем делам о самогонщиках вынесены обвинительные приговоры, наибольший процен оправданий дали дела о преступлениях имущественных. Народными заседателями были преимущественно рабочие местных фабрик и заводов, главным образом, коммунисты. В гражданском Отделении Суда с 20 июля до сентября с участием Народных заседателей рассмотрено около 30 дел, крупных истцов на сумму свыше 10.000 рублей было всего два. Из этих сведений видно, что гражданских дел в окружном суде возникает чрезвычайно мало, теперь же с расширением подсудности местных судей (по декрету № 3) число гражданских дел еще более уменьшилось. В общем, работа Окружного Народного Суда по количеству разобранных уголовных и особенно гражданских дел невелика. (Отчет Витебского Комиссара Юстиции от 4-го сентября).

Аналогичные сведения получены из Твери, Вятки, Новгорода и ряда других городов.

Таким образом, основной организацией Народного Суда стали уже в настоящее время фактически местные народные суды: они наиболее близки рабочему населению и по своему составу и территориально, они наиболее приспособлены для разбора уголовных дел, которые составляют подавляющую массу всех вообще дел, поступающих на рассмотрение суда (до 75%), тогда как круг гражданских дел суживается по мере проведения в жизнь коммунистического строя (национализация промышленности, социализация земли, отмена права наследования и т. д.)

Д. Курский.

Работница за год революции.

Год революции, великой пролетарской революции сделал громадное творческое дело: он взрыхлил почву для посева здоровых и крепких принципов и идей коммунизма, даже среди наиболее отсталых частей пролетариата—женщин городской и деревенской бедноты.

Женщина неимущего класса, эта первая раба, по выражению Бебеля, начинает выпрямляться и внимательно, вдумчиво, ищущими глазами, всматриваться в жизнь со всеми ее новшествами, изменениями, с ее разрушением и созиданием—результатом глубокого социального переворота. Еще дрожит земля от внутреннего грохота, порождаемого революционным сдвигом вековых социальных пластов, еще клубятся столбы горячего пара над вулканом неостывшего и далеко еще не улегшегося народного гнева, но на склоне холмов, под живительными лучами солнца уже ярко и сочно зеленеет молодая и крепкая растительность и на кустах бутонятся уже весенние цветки. Эти цветы, эти сочные здоровые побеги весны—это те попытки к социальному, новому строительству, которые пробиваются повсеместно в еще боевой атмосфере Советской России. В это строительство женщины незаметно, но упорно, с нарастающей настойчивостью несут свою лепту.

Революция русская не застала женщину врасплох, напротив, можно с уверенностью сказать, опираясь на факты, что именно женщины—крестьянки в селах, работницы в городах—явились одним из многочисленных и деятельных факторов, ускоривших трагическую для царизма развязку...

Три года войны, хозяйственной разрухи, три года чудовищно возрастающей дороговизны сделали свое дело. Война с одной стороны поставила громадное количество женщин лицом к лицу с жизнью, с необходимостью, без заступничества и посредничанья мужа, бороться за свое существование, за хлеб насущный, с другой стороны война революционизировала ум и сердце женщины. Тот процесс разрушения семейного очага и втягивания женских трудовых сил в водоворот народного хозяйства, который отмечал собой одну из характерных черт капиталистического производства, за время войны удвоил, утроил, удесятерил свой темп, свою скорость. Число самодеятельных женщин, т.-е. женщин, принужденных трудиться, чтобы существовать, увеличилось во всех странах на полтора, два и более миллионов. Отсутствие точной трудовой статистики в России (пробел, который Советская Россия должна возможно скорей пополнить) не дает возможности установить с точностью рост женского труда в России за годы войны. Но неоспоримым остается факт, что число работниц в целом ряде крупнейших отраслей народного хозяйства (металлообрабатывающей промышленности, пищевых продуктов, обмундировочных заводах, на путях сообщения, наконец, в области интеллигентского труда, в конторах и канцеляриях) увеличилось на 30—35% и более.

Женщина в городе замещала солдата, ушедшего на фронт; женщина солдатка несла в деревне не только его работу, но и его общественные обязанности, занимала в волости ряд ответственных выборных постов. Без радости, без энтузиазма, вступила женщина на эту новую ступень по трудному, тернистому пути своего освобождения и уравнения с мужчиной в правах. Пока это «уравнение» давало работнице и крестьянке одно горе, одни новые, подчас, непосильные заботы. Ведь, старое бремя, ржавые, но еще нераскованные цепи—семьи, домашнего хо-

зяйства, креста-материнства—продолжали волочиться за женщиной, пригибали ее к земле, задерживали ее порыв к истинному равенству и полной всесторонней свободе. Женщина шла на работу в мастерскую по изготовлению снарядов, садилась за канцелярский труд, бралась за плуг, с затаенным проклятием к войне, к всесильной причине, лишившей ее кормильца, навязавшей ей несладкую долю «солдатки». Моральные муки за участь близкого на фронте, отца, мужа, брата, заботы материальные, неустанная борьба с растущей дороговизной, призрак голода, становящийся навязчивей с каждым новым месяцем войны, создавали в широких женских массах, особенно, среди неимущих сельских слоев, особое критическое отношение к факту войны. Патриотизма не было ни среди широких слоев работниц, ни среди крестьянок. Война был крест, который приходилось нести, сдерживая с трудом нарастающий ропот. Но ропот этот, задушенный царско-полицейским режимом, все еще стелился по низам, пробегал как огненная струйка по хворосту, все ближе и ближе подбираясь к костру недовольства, сложенному руками обездоленных, озлобленных, потерявших терпение рабочих масс и измученных затяжной войной солдат. В феврале 1917 года ропот женщин, солдаток, работниц дошел до самого костра и зажег пожар революции. «Женский день» 23 февраля 1917 г. был той искрой, которой только и ждал готовый костер. Зима 1916—1917 г. была суровая, холодная. Цены на продукты росли с еще непривычной быстротой... Продукты стали исчезать с прилавка... Хвосты в очередях увеличивались с каждым днем, истощали долготерпение даже русской женщины. С лозунгом: «Хлеба! Мира! Верните мужей из окопов!», высыпали петроградские работницы на улицу... Демонстрации голодных, измученных войной женщин, нанесли первый пробный удар царскому самовластию. Бой стал неизбежен. На улицах, в перестрелке, в огне, на баррикадах в исторические февральские—мартовские дни повсюду женщина работница—деятельная единица. С винтовкой в руках, рядом с солдатом, отражает она нападение царских охранников, в карете скорой помощи мчится на помощь первым жертвам революции, на заводах она в числе бастующих, «на пунктах» она в числе активных работниц революции.

Миновали бурные, яркие дни борьбы. Царизм пал. Победил народ. Революция вступила в новую фазу, более мирную на поверхности. Начался период борьбы между торжествующей буржуазией и еще не познавшими своей силы и своего великого исторического значения Советами. В эти дни женщина снова стушовывается. Как исключение, ее увидишь среди членов Советов. Она, та кто зажгла факел восстания, снова в тени. Торжествующая буржуазия, стремящаяся выкроить из России типичное буржуазное государство, естественно, скептически относится к женским правам, забывая о том, что женщина перестала быть единицей непроизводительной, с точки зрения народного хозяйства, что война приобщила ее ко всем сторонам экономической и государственной жизни страны. Двадцатого марта 1917 г., женщины Петрограда, еще смешанная не расслоившаяся масса, где рядом с типичной буржуазкой еще марширует фабричная работница, и рядом с «ученой женщиной» идет солдатка в платочке, направились к Таврическому дворцу требовать от Временного Правительства ответа: признает оно или нет полное гражданское равноправие женщин? Родзянко медлил с ответом, Чхеидзе отделывался общими фразами и говорил больше о победах революции и о необходимости наладить «оборону» свободной России от нашествия «варваров»-немцев... Женщины терпеливо слушали... Вера Фигнер и несколько дам-кадеток, сидя в своих автомобилях, рукоплескали Чхеидзе и Скобелевым. Только что прибывшая из эмиграции большевичка попробовала обратиться с речью к этой пестрой толпе, где все же глядели на нее, измученные нуждой, войной, голодом, сотни глаз пролетарок.

Из автомобиля Фигнер послышались возмущенные крики протеста, чьи-то услужливые руки стащили ораторшу со ступенек Таврического дворца...

Но брошенные слова о международном братстве народов рабочих, о необходимости бороться за скорейшее прекращение кровавой бойни—запали в душу части женщин в платках, тех, что по наивности шли к Родзянко за ответом.

Возле большевички образовалось тесное кольцо... «Запишите меня в партию большевиков. И меня!.. И меня!..» неслось дружно от тех, кто в душе давно ненавидел войну и виновников ее породивших — от работниц, от неимущих солдаток... Через месяц приблизительно, снова потянулась вереница женщин к историческому зданию на Шпалерной. На этот раз шли одни солдатки. Они требовали увеличения пайка, они взывали к государству, к коллективу, как матери, которым не под силу было нести бремя семьи и детей, одним без мужей... Условия жизни уже переросли буржуазно-капиталистический уклад, разрушающаяся семья требовала вмешательства государства, коллектива. Но близорукие социал-патриоты-соглашатели, ослепленные манящим видением «буржуазно-демократического строя», где потихонечку, полегонечку рабочие будут добиваться у буржуазии мелких уступок-реформ, а буржуазия будет потирать руки от удовольствия, что так ловко надула рабочих и под флагом свободы забрала всю власть себе, безпомощно бормотали мало-убедительные обещания солдаткам. Солдатки ушли не солоно хлебавши, но уже по низам, в массах творилась работа просветления умов. Массы трезвели. Соглашательство и оборончество начинало находить среди рабочих должную оценку и осуждение. Клич большевиков: хлеба, мира и землю народу!—нашел живой отклик у рабочих, в усталых сердцах солдаток. Женщинами, неимущими женщинами, пестрит цирк Модерн на митингах, женщин много среди аудитории, собирающейся возле дома Кшесинской... Первую экономическую забастовку «Свободной России» подымают женщины. И кто же? Самые обездоленные, обойденные кадры работниц — прачки. Свыше 4.000 прачек бастуют, быстро на глазах крепнет их сознательность, организованность. Работницы прачечных заведений выставляют требования—реквизиции частных прачечных, организации городских районных прачечных заведений. Временное правительство, с министром Труда, рабочим Гвоздевым во главе, скептически отклоняет подобные, «несвоевременные затеи»... Прачки, с помощью местных Советов, явочным порядком проводят в жизнь свое требование. Но помощи нет от правительства. Соглашательское министерство занято не вопросами улучшения положения рабочих, не коренным преобразованием уклада жизни, а игрой в дипломатию с державами-союзниками, заботами о развитии дальнейшей империалистической войны... 6 недель бастуют прачки. Забастовка заканчивается частичной победой. Морально— этап в истории революционного рабочего движения в России. Забастовка прачек наглядно показывает, что нет и не может быть «гражданского мира» в свободной, но буржуазной по типу хозяйства России.

Одновременно с забастовкой прачек идет организация наиболее сознательных работниц Петрограда вокруг большевистского знамени. С мая 1917 г. возобновляется прерванный войной центральный орган работниц партии большевиков. Группа большевичек, сплачивая свои силы вокруг журнала «Работница», приступает к изданию листовок «Война и дороговизна» и др. Журнал расходится по Петрограду и провинции в количестве 50.000 экземпляров. В Москве большевички также приступают к изданию своего журнала «Жизнь работницы». В ответ на революционные лозунги большевичек из лагеря меньшевичек несутся примирительные речи в защиту интернационала «Мартовско-Мартыновского толка». Большевички организуют митинги, налаживают работу агитации и пропаганды на фабриках. Вся их деятельность, все статьи журнала «Работница», все ли-

стовки проникнуты духом революционного интернационализма.

Они непримиримые противницы «соглашательской политики» и открытые противницы войны. В момент наибольшего расцвета шовинизма, когда Керенский собирается сыграть ва-банк и готовит наступление, почти накануне 18 июня, большевички организуют грандиозный митинг в цирке Чинизелли под лозунгом «долой империалистическую войну, да здравствует революционный интернационал». Больше чем десятитысячная толпа заполняет цирк и площадь перед ним. Митинг носит подчеркнуто интернациональный характер—на нем выступают представители рабочих различных стран. Буржуазная и меньшевистско-эсеровская пресса злобствует и шипит на большевичек... Пускаются под шумок намеки о «германских деньгах»... Но такими гнусными наветами работниц не смутить. Что говорят, что защищают большевики— это именно то, что давно наболело на сердце у работниц: слепая, стихийная ненависть к войне и к тем, кто ее вызвал, находит теперь разумное ясное обоснование, выливается в формы политического credo, политической платформы. Работницы, вместе с солдатами и наиболее сознательными рабочими, тянутся к большевикам.

Число большевичек растет с каждым днем... Июльские дни нанесли временный удар большевизму, рассеяли сорганизованные кадры, но зато вогнали внутрь те идеи и принципы, которые легко и свободно схватывались в праздничной атмосфере до июльских митингов. Брожение умов пошло вширь и вглубь. Вместе с рабочими переживали серьезный, глубокий, внутренний перелом и массы работниц. Отмирали последние иллюзии, связанные с «керенщиной» и соглашателями, крепла вера большевиков и надежда своими силами справиться с международными задачами, вставшими перед рабочим классом. Идея перехода власти к Советам претворяется в умах, как способ прикончить войну немедленно, справиться с дороговизной, с голодом, побороть безработицу. От безработицы, усиливающейся двойственной шаткой политикой Временного Правительства, боящегося всякой коренной меры в области изменения основ народного хозяйства, больше всего страдали работницы. Чем острее становилась безработица, тем громче становился ропот женщин в рабочих кварталах. Опасливое отношение к большевикам сменялось стихийным тяготением к защитникам лозунгов: «Долой войну» и «Вся власть Советам». В решительные корниловские дни женщина-работница вновь на посту, на боевых позициях, при рытье окопов в качестве разведчика, вестового, организатора, агитатора, всюду мелькают серьезные, решительные лица пролетарок. Они сознают, что вопрос идет о будущности революции, о том, быть или не быть следующей ее ступени, добьется или не добьется народ полноты власти. В Петрограде, Москве и ряде др. городов идут перевыборы городского самоуправления. Голос пролетария ясно и недвусмысленно выражает, в чем воля народа; пролетарии подавляющим большинством голосов проводят большевиков. Среди избирателей голос работниц играл немаловажную роль. Но, если еще в мае именно женщины колебались, за кого голосовать, то в августе они твердо и непоколебимо стояли за список № 4 в Петрограде и список № 5 в Москве. Голосами рабочих и работниц в городские думы проходят большевики. Но не настал еще час заниматься строительной работой. Буря, борьба, вторая великая пролетарская революция еще впереди.

Необходимо собрать силы, укрепить организацию, крепче спаять рабочих и работниц вокруг большевистского знамени... Пахнет порохом. Бой между пролетариатом, между молодым, бодрым творческим классом, полным сил и созидательной энергии, и дряблой трусливой буржуазией и ее приспешниками неизбежен. В конце сентября среди большевичек возникает мысль о созыве первой конференции работниц Петрограда. Редакция журнала «Работница» энергично берется за осуществление этой идеи. Что из того, что большинство органи-

заторш конференции отвлекаются другими более широкими и общими задачами дня? Именно к моменту боя тыл должен быть обеспечен. В гражданской войне тыл. это—сырые, еще политически не сознательные массы, среди которых женщины играют видную роль. В Смольном идет лихорадочно-спешная подготовка к назревающему неизбежному вооруженному столкновению с буржуазией. У Литейного моста большевички заняты мобилизацией отсталых женских масс, подготовкой их сил к моменту боя, вооружением женщин работниц острым оружием—классовой сознательностью. По фабрикам, заводам и мастерским идут собрания и митинги. Не столько подготовка конференции, сколько углубление боевого клича: «Всю власть Советам». Конференция назначена на 27 октября, но великие события назревают с головокружительной быстротой. То, что еще два дня тому назад было лишь боевым кличем, стало сегодня фактом-действительностью. Власть в руках трудового народа, рабочих и крестьян. Власть—в руках Советов. И вместе с товарищами празднуют работницы это великое событие, отмечая его тем, что сейчас же пытаются связать теорию с практикой. «Мы—хозяева. Так давайте же строить жизнь по новому, по светлому». Несостоявшаяся конференция работниц спешно созывается в начале ноября. В порядке дня не только «Текущий момент» с его мировым значением, но и ряд жизненных, назревших, наболевших вопросов: безработица, охрана и обеспечение материнства и детства, борьба с дороговизной, с голодом, тут же вопрос о том, как дальше планомерно вести работу среди женщин, чтобы приумножить кадры борцов за только что отвоеванную Советскую власть. Юная, еще не окрепшая власть Народных Комиссаров переживает, в момент конференции работниц, первую трещину, идущую изнутри: расхождение вождей большевизма, по вопросам тактики и общей линии политики. Конференция работниц настроена страстно и непримиримо; она становится всецело на сторону противников всяких уступок, всякого примирения с оборонческими партиями. Работницы образуют левый фланг большевизма. И эту позицию они закрепляют не только на бумаге в резолюциях, но и на деле, спеша повсюду, где на боевом посту требуется самоотверженная, добросовестная работа, безименная жертва... Наступает новая полоса—«Другой день» первой пролетарской революции в государственном масштабе. Вместе с товарищами большевиками, работницы пытаются удержать государственный аппарат от развала, после бегства социал-патриотов и саботажа буржуазии. Теперь большевичкам приходится нести ответственные должности комиссаров во всех областях государственной жизни, до военной области включительно. Это еще не строительство жизни на новых началах, а лишь трудный, неблагодарный период организации власти, налаживания нового по форме и по духу государственного аппарата. Работа требует громадной затраты сил, особенно перед лицом все еще не уничтоженной опасности—натиска со стороны отечественных и иностранных империалистов. Мобилизованы все наиболее деятельные большевистские трудовые силы. Привлечены к государственной работе и все активные большевички, но это поглощение наиболее деятельных работниц обще-государственными, часто технически-канцелярскими и узко комиссариатскими делами создает известную брешь между недавно активными работниками партии и массами. Массовая работница, наивно ждавшая резкой перемены в ее жизни и положении на другой же день после октябрьского переворота, теряет терпение ждать улучшений и скептически покачивает головой... Те, кто бы мог ей об'яснить положение вещей, кто бы поддержал ее в минуту маловерия—отвлечены другой работой: они налаживают государственный аппарат. Но работа идет туго, и результаты, особенно в первые месяцы переворота, для широких масс мало ощутимы. А тут еще голод. И какой голод! Народ не запомнит подобного. Не учитываются причины голода, забывается факт, что

при царском режиме ежегодно вымирали от голода целые села, целые волости, почти уезды... Ощущают лишь то, что хлеба нет, и нет... Кто виноват? Не все ли равно. Массовая работница еще бессильна разобраться в сложных сплетениях политических и социальных сил, в их взаимной борьбе... Вместе с голодом, усиливающимся к лету, растет и ропот, всего чаще исходящий из уст работницы, от женщин городской и сельской бедноты. Опасный момент, чреватый последствиями... В такой момент отсталость, темнота женских масс, могла сыграть гибельную для великой пролетарской революции роль. Но, очевидно, «социалистический бог» стоит на страже интересов первой коммунистической республики мира: наступает решительный момент—перед всем трудовым народом России встает выбор: либо чехословаки и, значит, власть белогвардейцев и восстановление господства капитала, либо отчаянная борьба за Советы.

Народ, пролетарии города и деревни, следуя здоровому классовому инстинкту избирает последнее. Выстрел, произведенный рукой женщины в вождя рабочих на фабрике Михельсона, довершает дело спешного сплочения масс вокруг старого, истинно большевистского знамени. Ропот смолкает. Опасный момент позади. Из летнего кризиса к годовщине революции Советская власть выходит окрепшая, самоутвердившаяся. Начинается новая полоса: полоса спешного строительства самой жизни на новых началах. Коммунизм переходит из области бумажных декретов в практику жизни. К этому строительству сама жизнь властно призывает женщин.

Не единицы, не верхи, как было в первые месяцы по октябрьской революции, пока налаживался сам государственный аппарат, а массы, широкие, живые, творческие массы, с их еще молодой, неизрасходованной энергией привлекаются к этому строительству. И женщина, женщина-работница, пробуждается. Она обращает свои взоры на нашу партию, она протягивает нам руки: научите нас, практически, на деле, строить новую коммунистическую жизнь. Она начинает понемногу верить в свои собственные творческие силы. Поддержать эту веру в свои собственные творческие силы, научить широкие слои пролетарок города и деревни строить эту новую жизнь,—такова задача первого Всероссийского Совещания Работниц, созываемого партией коммунистов.

Идея созыва Всероссийского Совещания Работниц зародилась еще в феврале 1918 г., но тогда положение вещей отнюдь не благоприятствовало такому Совещанию. Это был момент, когда все силы партии были отвлечены двойной борьбой: внутри страны с еще несдававшейся отечественной буржуазией, на фронте с нагло наступавшим империализмом германским. Это были трудные месяцы, когда брешь между верхами, активными работниками в комиссариатах и Советах—и пассивными массами, стала особенно ощутима. Созыв Совещания Работниц совпал с Брестскими событиями, и с'езд не состоялся. Позднее, в апреле, московские большевички собрали первую обще-городскую конференцию работниц, в июле собрались представительницы и московского округа, а в августе состоялась вторая петроградская конференция работниц. Несмотря на то, что на конференциях в Москве и Петрограде поставлен был ряд жизненных злободневных вопросов (вопрос продовольствия, отделения церкви от государства и т. д.), еще не настал момент, когда бы решения принятые на конференции, могли перейти из области резолютивной в непосредственную практику жизни. Сейчас этот момент на лицо. Сейчас жизнь властно и настойчиво зовет работницу на живую, широкую и плодотворную практическую работу. Сейчас перед работницей открывается заманчивое, широкое поле для проявления себя, как строительницы будущего. И женщины готовы работать, надо только помочь им поверить в свои силы, надо только, чтобы более опытные в деле строительства жизни товарищи поспешили им навстречу, делясь опытом, знанием. Эту зада-

чу должно выполнить Всероссийское Совещание Работниц. Мы вступаем в новую, светлую полосу весны коммунистического строительства, и в день годовщины Октябрьской Великой Революции пролетариат всего мира, должен вместе с русскими рабочими праздновать еще одну победу: победу над косностью, равнодушием, бездеятельностью былого; женщины—работницы вступают в активную армию строителей новой, коммунистической действительности. Греза, мечта, идеал—стала действительностью. Слава великой октябрьской революции! Слава пролетариату и совершившемуся!

А. Коллонтай.

Наука, университет и профессора*).

Причина, почему я решил выступить с такого рода темою, как сейчас, заключается в том, что мне хотелось где-нибудь и как-нибудь публично высказаться по поводу одного очень печального факта, особенно печального для всякого любящего науку, любящего просвещение и университет. Время наших летних совещаний представителей Народного Комиссариата Просвещения с деятелями высшей школы оставило не только неизгладимое и скорбное впечатление у многих из участников этих совещаний, но, как вы видите, у меня оно вызвало прямо неудержимую потребность обратиться к более широкой публике путем публичной лекции, и поделиться теми впечатлениями, которые были вынесены из этих совещаний, с более широкой аудиторией. Впечатления эти необычайно тягостны. По существу,—об этом было очень мало сказано в печати,—совещания представителей Народного Комиссариата Просвещения с деятелями высшей школы кончились полным крахом.

Да оно и не могло так не кончиться, при том что делалось в наших университетах в течение последних десятилетий, а может быть и последнего века. Как подбирался состав профессоров, что делалось с высшей русской школой в период нашего самодержавного старого режима? На нее старое правительство смотрело, как на лабораторию взрывчатых веществ, где самое высшее знание в процессе своего развития каждую минуту готовит этому самому самодержавному правительству гибель и революцию. Оно установило, как вы помните, цензуру для мысли человеческой. Оно прямо вычеркивало целые разряды, целые области наук, как опасные, из программ наших высших школ, наших университетов. Прежде всего особенному гонению подвергалась политическая экономия и социология. Политика, как наука, была выброшена из русских университетов. Государственное право было сведено к минимуму, и больше скажу, его предписывалось преподавать в духе абсолютного оправдания существующей государственной системы, т. е. нашего черного отвратительного абсолютизма. Для того, чтобы все-таки чем-то забить мозги, чем-то заполнить пустоту, которая образовывалась, у нас было прибегнуто к преподаванию так называемой догмы юридических наук в неслыханных размерах, к изучению статей гражданского права, гражданского процесса, статей уголовного права, уголовного процесса. Заучивались колоссальнейшие томы в тысячу и более страниц наизусть, и знание этих томов с беспощадной строгостью требовалось на экзаменах, где сажались правительством особые присланные им наблюдатели и контролеры, которые очень часто носили название председателей испытательных комиссий на государственных экзаменах. Это было нечто невероятное. Наши университеты были осуждены на форменное преднамеренное невежество. Нашу русскую молодежь должны были заколотить этою системою.

Как подбирались профессора? О, это время слишком всем нам хорошо памятно. Это было время действия разных Боголеповых и Деляновых, Шварцев и Кассо. Это была система издевательства, система надругательства, система мелочных преследований, при чем выбивались на дорогу те холопы мысли, те лакеи, я бы сказал, научного подхалимства, которые были угодны министрам, которые пресмыкались перед ними в их передних и которые из министерских рук получали соответственные назначения, награды и т. п. Вот система, которая была у нас при нашем старом режиме.

Когда представители Советской власти подходили к университетской реформе, они отдавали себе совершенно ясно отчет во всех язвах русского просвещения и русского университетского устройства. Ждать с реформой было нельзя по весьма понятным причинам. Социализм не су-

*) Извлечения из лекции: „Профессора против науки", читанной проф. Рейснером в Политехническом музее 6-го октября с. г. Воспроизводится по стенограмме.

ществует, если нет науки. Это наше основное требование, без которого социалистическое общество жить не может. Если наука нужна буржуазии для ее классовых целей и т. п., то она нам нужна, как воздух, как пища, ибо мы без науки и просвещения жить не можем, потому что та колоссальная организационная работа, то необходимое усиление производства, которое есть наша задача, немыслимы без них. Если мы не увеличим наше производство, не усовершенствуем нашу технику так, что она будет работать в тысячу раз лучше, чем при старом строе, мы не выполним нашей задачи и погибнем. Если мы науку не призовем к просвещению масс, то мы не сможем довести до конца наше дело. Наука для нас все. Мы должны были, не медля поставить вопрос о том, чтобы наша наука, наш университет были освобождены от тех язв, от того наследства, которое им оставлено. Мы должны были науку призвать к новой деятельности, свободной, автономной, широкой. Мы должны были предложить этой науке и мы предложили все средства, все, что имеется в распоряжении у Советской республики, все ее финансы, поскольку они существуют, поскольку они сейчас идут на дело продовольствия, производства и т. д. Мы сказали профессорам: в такой же мере будет дано и вам, ибо, если мы здесь должны творить, то без науки, без знания, мы творить не можем. И мы дадим все, что только возможно дать, работайте, идите вперед, и мы предложим вам такое устройство, такую реформу, при которой нашей науке будет обеспечен неслыханный подъем.

Здесь, в этом отношении, должен я сказать, было очень мало специально социалистического и коммунистического. Нам тут была важна только наука. Поэтому мы сделали следующее. Мы не разрушили эту науку, а могли ее 20 тысяч раз разрушить, прекратить всю механику, чтобы создать снова. Нет, мы этого не сделали, мы пришли к этим самым университетам, мы их не тронули за немногими исключениями, неожиданными и печальными, против которых борется как раз Комиссариат Народного Просвещения и другие учреждения с чрезвычайной энергией. Мы сказали профессорам: нам нужен университет, как центр научной деятельности, и мы предлагаем вам следующую реформу. Нам нужна громадная научная деятельность, нам нужна масса научных институтов, и мы их создаем при статистическом управлении, при В. С. Н. Х., при многих других ведомствах. Так велика потребность наших учреждений в науке, что так или иначе эти комиссариаты создают себе так называемые научные институты, бросают на них колоссальные деньги, потому что это есть прямая необходимость. Мы предложили университетскому совещанию вместо того, чтобы разбрасывать их по отдельным комиссариатам, вместо того, чтобы тратить непроизводительно деньги во многих местах, взять университету эти новые научные институты, которые с каждым днем ширятся и растут, в свой состав, под свое крыло, под свое автономное заведывание. Мы сказали: к тем факультетам, которые у вас существуют, к вашим лабораториям, к вашим кабинетам, существующим научно-вспомогательным учреждениям прибавим столько же и даже вдвое — устройте только в университете особую научную ассоциацию. Пускай, по вашему выбору, люди, которые не могут преподавать, которым тяжело дело преподавания, потому что это ученые, потому что они должны только творить, будут освобождены от экзаменов и чтения лекций обязательных, от ведения обязательных практических работ, устройте для них особую научную ассоциацию в университете, и пусть будет в каждом университете своя особая научная академия, великолепно обставленная, для которой мы предлагаем всевозможные средства и т. д.

Что нам ответило совещание на это предложение? Конечно, мы слышали голоса сочувственные и встретили со стороны некоторых крупнейших деятелей сочувствие. Они сказали: то, что вы предлагаете, есть то, о чем мечтали целые десятилетия русские университеты. Но мы услышали и возражения. Какие же возражения? Что же можно возразить против этого дара, такого дара, который ни одно правительство мира не принесет своим университетам? Возразили так: если из наших университетов, где ведется специально учебное дело, в научную ассоциацию уйдут все наши выдающиеся ученые, то в таком случае у нас, в наших учебных занятиях, наступит такое положение, что наши университеты обезнаучатся.

Я спрашивал на совещании гг. профессоров: — Что вы говорите? Разве у вас так мало истинных ученых, что если некоторые уй-

дут в специальную научную работу, то не останется совершенно ученых? Из кого же вы состоите?—Это признание собственной бедности и неспособности поднять, выбрать, соединить новые молодые силы, которые окружают нас со всех сторон. Это признание, я не знаю, в какой бедности. Это признание потрясающее...

Другое соображение высказывалось такое:—Откуда вы возьмете разные учреждения?—вы отнимете у факультетов их лаборатории.

— Нет, говорили мы, мы создадим новые.

Но люди были до такой степени ошеломлены грандиозностью этого дара свободного исследования, свободной научной работы, и притом так привыкли смотреть на большевиков, как на мошенников, обманщиков, авантюристов, что думали: здесь есть что-нибудь скверное...

В конце концов мы наблюдаем теперь после отказа университетов принять этот колоссальный дар, что наука двигается и идет. Но она ушла из университетов. И получается характерная и для меня даже непостижимая вещь. Тот ученый, который отказался на совещании принять для университетов эти миллионы, эти новые учреждения и лаборатории этот ученый приглашается отдельным комиссариатом и становится в комиссариате во главе этого учреждения.

Как понять эту непостижимую вещь? Но я пробую догадываться. Ученый, который работает в каком-либо комиссариате, будет стоять в некотором отношении свободнее, нежели если бы он работал в университете, в особой университетской академии, потому что, конечно, в такой университетской академии ему пришлось бы работать не только на те или иные нужды и запросы данного комиссариата, но ему пришлось бы также считаться с научными заданиями целого ряда наук. Смотрите, какое непосредственное облегчение получается при работе непосредственно при комиссариате.

Мы предполагали, что при научной ассоциации, где будут сосредоточены по выборам университета его лучшие, научные силы, будет и особый институт так называемых членов соревнователей университета.

Что такое член соревнователь? Это специально подготовленный человек, иногда молодой, иногда старый, который еще не вошел в зенит настоящего научного развития, который хочет работать под руководством, из которого может выработаться, как из оставленных при университете, будущий ученый. Позвольте напомнить, что эти оставленные при университете при существующей системе есть нечто в высшей степени плачевное. Они оставлены при университете исключительно по личному выбору тех университетских преподавателей, которые по характерному выражению, которое пущено проф. Ивановским в Петербургском университете, являлись хозяевами кафедр. Представьте себе университет и там хозяев кафедр. При каждом хозяине кафедры имеется особый подручный, оставленный при университете, которым хозяин кафедры руководит для его подготовки к научной деятельности. Поскольку такое оставление при выдающихся ученых было плодотворно, постольку при тех, про которых на совещании было сказано, что они обезнаучат университет, было самого печального свойства.

Мы предполагали, что при нашей научной ассоциации, наравне с учеными и возле них, в качестве коллективной организации работающей заодно под коллективным наблюдением соответствующих специалистов, будут развиваться молодые силы. Мы предполагали, что они действительно сосредоточенные в атмосфере только одной чистой науки, под великолепнейшим избранным руководством, дадут России расцвет научных сил, молодых деятелей, которых может быть до сих пор мы видели слишком мало и слишком редко. Нам сказали, что это, конечно, было бы известным улучшением, но как же это выйдет? Каждый такой профессор, который руководит этими молодыми силами, выбирает людей, отвечающих его воззрениям, его миросозерцанию, его научному методу и т. д.

— Но позвольте, разве мы даем эту молодежь для того, чтобы Иван Иванович Иванов мог бы иметь инструмент при помощи которого он продолжал бы свое Ивана Ивановича Иванова дело. Что же это такое? Это будет какая - то личная традиция. Где же наука? Где простор, где свободная конкуренция, где вечно обновляющая критическая деятельность, которая выдвигает сегодня одну истину, а завтра ее опровергает? Это область борьбы, исканий, а вы хотите привязать их к отдельным лицам, которые их подбирают.

Далее мы предложили, чтобы при замещении кафедр наши профессора входили в наши университеты не как на мягкую перину, как это было до сих пор. Молодой ученый, выдержав экзамен магистерский и защитив одну диссертацию мог стать приват - доцентом. Затем он пишет диссертацию на доктора. Написал две научные работы, и от него больше ничего не требуется. Его сажают на кафедру, и он может сидеть бесконечно, по крайней мере, до выслуги своего двадцатилетнего или двадцати пятилетнего срока, когда его опять могут оставить на пятилетку и т. п. Эта система диссертаций и ученых степеней оказалась невероятно пагубной для русской науки и со скандалом и треском разлетелась. Почему? Очень просто, потому что этой самой диссертацией нужно было кому - то угодить. Угодить нужно было данному факультету, надо было получить его одобрение. Всякий университет состоит из немногих выдающихся ученых, а в большей степени из хороших преподавателей. Но что такое хороший преподаватель? Хороший преподаватель это такое лицо, которое особенно не стремится в высь, который усваивает то, что сделано теми, которые двигают науку вперед. Преподаватель есть нечто другое, нежели истинный ученый, который постоянно горит и двигается вперед. Истинному ученому трудно быть преподавателем, он сегодня говорит одно, а завтра он приходит и говорит: это все было неверно, вот—истина. А на следующий год он преподнесет новую истину. У него можно выучиться научному методу, но преподавать ему невозможно. Чтобы преподавать, нужно быть живым учебником, профессором-словарем, профессором-граммофоном, который имеет определенную сумму научных данных, которые он консервировал и соединил. И это, как непререкаемую истину, вдалбливает в головы своих слушателей. Идеальный преподаватель всегда таков. Теперь является следующий вопрос: перед кем вы будете защищать диссертацию? В университете большинство преподавателей, а не ученых. Я помню беседу с М. М. Ковалевским, одним из крупнейших ученых, который был на удивительно плачевнейшем положении в петроградском университете, он читал там приват-доцентский курс. По поводу диссертации он сказал одному из московских преподавателей, который, кажется, и до сих пор не допущен в профессора. Он сказал ему: что вы, дорогой мой, представляете такой ученый труд, где есть целый ряд новых исследований, новых материалов, новых мыслей и т. д. Ну какой же будет иметь успех ваша диссертация? Если бы вы решили взять какую-нибудь тему, которой посвящено уже 200 других работ, если бы ваша задача была доказать, что дважды два четыре, в чем никто не сомневается, и если бы вы привели в подтверждение вашей работы всем известные чужие мнения, если бы вы вместе с тем постарались бы не высказывать вашего собственного мнения, тогда была бы великолепная диссертация.

В результате получилось следующее: вся наша молодая наука, все живые, все творческие силы пошли помимо университета. В наших университетах не могли, за отсутствием ученых степеней, преподавать выдающиеся европейские имена. Я напомню вам некоторые из них: Де Роберти, одна из звезд современной социологии, один из крупных последователей Огюста Конта,—он не имел права входа в петербургский университет, потому что у него не было такой степени, которая была у ставленников Кассо. Позвольте указать другие примеры. Острогорский, книги которого по истории парламентаризма, по истории партий, женского движения, женского права являются классическими. Вы эти книги найдете на английском, французском, немецком языке. Ни один профессор не станет читать своего курса, не ссылаясь на эти книги. А в России Острогорский в каком положении? А у Острогорского есть степень доктора русских университетов? У него степени нет, и до сих пор ему нет входа в стены русского университета. Позвольте упомянуть еще о судьбе покойного историка русского права, получившего на женских курсах звание профессора. Это Павлов - Сильванский, один из великих русских ученых, что подтвердит всякий историк. Он открыл в русской истории эпоху феодализма. Этим открытием он себя обессмертил. Сейчас нельзя читать историю русского права, не ссылаясь на Павлова-Сильванского. Павлов-Сильванский был провален в петербургском университете, провален, как дурак, и не мог читать там лекций.

Вот что значит диссертационная система. С другой стороны она отличалась еще тем, что бывали такие случаи, что в числе профессоров оказывался человек, который в течение 30 лет читал курсик, написанный 30 лет тому назад, и который ежегодно запинался на том месте, где есть пятно чернильное или вырвана страница. Я должен привести пример, который я привел на совещании, и который остался неопровергнутым. Заслуженный профессор петербургского университета по кафедре полицейского права, или административного права, вернее, издавая свой курс в 1918 году, в главе, посвященной вопросу о религиозных ассоциациях и соединениях и об отношении государства к церкви во Франции, останавливается на французском законодательстве 1901 года. А между тем, как раз в 1905 году совершился во Франции радикальнейший переворот в той области, которую он разбирает. Те законы 1901 года, которые он излагает, как существующие до настоящего времени, были отменены в 1905 году. Должно быть после 1901 года этот почтенный профессор почему-то заснул и проспал 1905 год во Франции, и издал учебник, и в этом учебнике оказалась отсутствующей величайшая реформа в Европе.

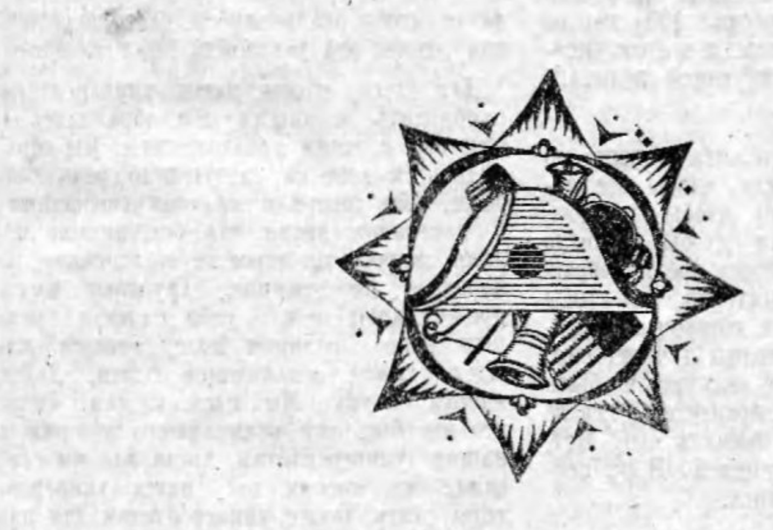
Мы предложили уничтожить степени, но вместе с тем предложили, чтобы все избрания были по конкурсу, чтобы этот конкурс был всероссийским, чтобы не было домашнего решения вопроса среди добрых знакомых и благоприятелей, а чтобы устраивался конкурс, на котором происходил бы отбор со всей страны лучших сил. Разве такое предложение конкурса не было подарком русским университетам? Разве они не должны были принять его? Нет, говорят: как же без степеней? И на первом совещании отказались.

Дальше мы потребовали, чтобы со стороны гг. профессоров не было той спячки, которая случилась с упомянутым мною профессором. Мы решили установить особый будильник. Через каждые 5—7 лет профессор или ученый должен оставить свою кафедру. Он автоматически выбывает из университета, не с тем, чтобы он выбрасывался куда-то вон... Нет, никоим образом. Он выбывает чтобы вернуться на эту кафедру или на другую, на какую он хочет новую кафедру, подвергаясь конкурсу, новому испытанию, новому отбору. Он должен этому конкурсу пред'явить то, что он сделал в течении этих пяти лет. По нашему плану эти пять лет должны были показать, что он за них сделал. Мы живем при таком строе и в такой стране, которая не может никоим образом бесконечно ждать и давать без конца народные деньги в нашем громадном трудовом обществе. Мы не можем предоставить возможности людям сидеть без контроля, без общественной поверки, без проверки перед специалистами, перед своими же людьми и т. д. Мы и требовали, чтобы через каждые пять лет профессора подвергались испытанию, экзамену при комиссариате народного просвещения. Мы требовали, чтобы им устраивали конкурс ученые наших русских университетов. Разве мало было в этом доверия? Слишком может быть много, и однако эта мера встретила ожесточенную оппозицию. Сошлись только на очень продолжительном сроке, мотивируя его тем, что иногда некоторые ученые для своих опытов должны затратить не менее пяти лет. Мы согласились. Но мы согласились на то, чтобы эта должность была подотчетной, чтобы эта должность была трудовой.

Для того, чтобы наши университеты приблизить к массам, мы обратились к ним еще с одним предложением. Мы обратились к ним со следующего рода словами. Мы говорили на этом совещании: в настоящее время так безгранично велики запросы на народное образование, на народное просвещение. Трудовые массы представляют из себя своего рода выжженное солнцем поле, которое жаждет капли освежающей влаги. Дайте массам науку. Мы идем к вам. Разве это не был акт величайшего доверия к нашим университетам, когда мы им сказали: мы просим вас, наши университеты стать также университетом для народа. Мы вам предлагаем, прежде всего, взять в свои руки народное образование, народное просвещение, мы не желаем, чтобы у нас, у наших масс была маргариновая наука, чтобы их давили всякою популярщиною. Мы хотим, чтобы народное знание стояло в непосредственном общении с наукою, с подлинной наукой, с истинной наукой и просим вас: возьмите вы свободные автономные учреждения в свои руки, в свои особые просветительные ассоциации, в особые отделения университета. Мы не опасаемся, что вы пойдете к массам и

преподнесете им враждебное против нас учение. Мы не опасаемся, что вы будете настроены по отношению к нам, большевикам, не особенно благосклонно. Мы не спрашиваем вас, чему вы будете учить и что вы будете преподавать, и как будете преподавать. Мы просим только, чтобы наука была настоящей подлинной наукой. Откройте доступ массам в особые отделения и несите им все, что у вас есть. Мы вам верим, и просим вас: дайте науку массам.—Отказались. И я понимаю, почему отказались, потому что испугались этих масс. Они привыкли иметь дело только со своими особыми интеллигентами, потому что их заела преподавательская рутина, у них нет доверия к гению масс. Они сказали: нет этого нельзя. Пускай, говорят, это будет вне университета. Они боялись что эта буйная масса войдет в университет и наполнит варварскими воплями его священные стены.

Вот те основные требования, с которыми мы выступили по отношению к нашей профессуре. Университет отверг нашу реформу, профессора не пожелали тех средств для под'ема науки и просвещения и т. д., которые мы им предлагали, причем характерно, что на первом совещании, когда некоторые возражали против нашего проекта, большинство, я бы сказал, признало, что для них наш проект нового ничего не представляет. Почему? Они нам ответили: все, что имеется в вашем проекте,— об этом давно уже мечтали все академические круги Европы, и в значительной степени провели это в отдельных государствах и в отдельных городах. Но когда мы им это предложили, то они отказались. Профессора оказались против науки.

Обзоры.

Праздник книги.

Празднование Октябрьской Революции, по справедливости, должно быть особо торжественным и радостным для всех деятелей печати. В результате октябрьских дней открылись перспективы, которых раньше самое прозорливое око не с'умело бы предвидеть, осуществляются возможности, о которых не отваживалось мечтать самое смелое воображение. Книгопечатанье и распространение печатных изданий в течение одного—всего лишь одного!—года сразу развернулось в таком огромном масштабе, что сейчас положительно невозможно даже только предугадать те пределы, до которых докатится волна, родившаяся в могучую октябрьскую бурю.

Несомненно, цифры, приводимые ниже, относятся к деятельности, проведенной в течение одного года и притом года, наименее показательного, так как дело приходилось налаживать с самого начала, преодолевая все тягучие и нудные трудности организации в момент всеобщего развала, саботажа и разрухи,—однако, цифры эти сами по себе настолько показательны, что по ним с полной обоснованностью можно судить о дальнейшем: наш ретроспективный обзор является одновременно провозвестником будущего.

Самым «старым» из числа существующих сейчас советских издательств является книгоиздательство «Жизнь и Знание», возникшее еще в 1908 г. по почину В. М. и В. Д. Бонч-Бруевич, с первого дня своего существования считавшее себя партийным издательством, принадлежащим Российской Социал-Демократической Партии (большевиков). Конечно, в те темные реакционные времена, о принадлежности к партии издательству приходилось молчать, доведя об этом до сведения только самых близких товарищей, однако, книгоиздательство поставило своей задачей всесторонне откликнуться на запросы народных масс в самом широком масштабе культурно-просветительной работы. В особом отделе этого издательства, названном «Библиотека Обществоведения», предполагалось постепенно печатать труды русских и иностранных марксистов. Этот идейный центр издательства приступил к изданию книг и брошюр В. Ленина, К. Маркса, Энгельса, Александрова, Каменева, Троцкого, Зиновьева, Коллонтай, Стеклова, Н. Крупской, Бонч-Бруевича, Каутского и многих других.

В настоящее время книгоиздательство «Жизнь и Знание», слившись с партийным издательством «Прибой» и «Волна», образовали одно общее издательство «Коммунист», принадлежащее Ц. К. Коммунистической Партии большевиков.

За период от Октябрьской Революции до образования из-ва «Коммунист» изд-во «Жизнь и Знание» издало семьдесять книг, в количестве 2.958.135 экземпляров, в общей сложности на номинальную сумму в 3.565.683 рубля. По отделам издания распределяются следующим образом: по общественным вопросам—34 названия в кол. 2.435.755 экз.; по беллетристике—27 названий—369.000 экз.; по медицине—2 назв.—40.800 экз.; учебников—6 назв.—101.600 экземпл.—и одна детская книжка в количестве 10.400 экз.

Из всего этого количества за один год распространено 2.144.019 экземпляров на общую номинальную сумму в 2.281.226 руб.

Что касается авторов, издаваемых издательством, то в библиотеке обществоведения, по-прежнему, продолжали печататься перечисленные выше политические деяте-

ли, из беллетристов же—Демьян Бедный, Юшкевич, Гусев-Оренбургский, Попп, Грушевский и др. Максимальная цена отдельной книги—5 рублей, большинство же изданий колеблется в цене между 2 и 3 рублями за книгу.

Те же самые имена фигурируют и в издательстве «Коммунист», при чем самой природой момента об'ясняется преобладание в изд-ве «Коммунист» книжек малого размера, брошюрок, почти листовок, распространяемых в колоссальном количестве, напр.—Михайлов. Крушение капитализма—в числе 100.000 экз.; Бухарин.—Программа коммун.-большевиков—500.000 (!!) экземпляров.

Вообще должно заметить: в то время, как раньше, «сама Вербицкая», по данным статистики наиболее читаемый автор, (что об'яснялось принципиальной пошлостью ее «ультра-буржуазных» писаний) издавала свои наиболее ходкие книги в количестве не превышающем 15.000 экз.,—в настоящее время не одна и не две, а целый ряд книг издается сотнями тысяч экземпляров и не только находит своего читателя, но еще и требует повторных изданий! Рухнула стена, поставленная и тщательно охраняемая буржуазией, и миллионы жадных рук потянулись за книгой. При этом достойно быть отмеченным, что в таком подавляющем количестве издаются и расходятся не только сочинения последнего периода, написанные в момент революции и по поводу того или иного актуального события, но и классики, книги увидевшие свет давным давно, но какими-то невидимыми руками удерживаемые от широкого распространения.

В этом отношении очень характерна деятельность Литературно-Издательского Отдела Народного Комиссариата по Просвещению.

Хотя Отдел и был создан уже на одном из первых заседаний Народного Комиссариата по Просвещению в середине ноября 1917 г., однако технический аппарат (в связи с переездом в Москву, поздним принятием декрета о реквизиции и национализации частных типографий и т. п.) удалось наладить лишь к середине февраля месяца. С этого момента фактически и начинается издательская деятельность Комиссариата по Просвещению, направленная—согласно декрету Государственной Комиссии от 24 ноября 1917 г.—в первую очередь на дешевое народное издание русских классиков. По заданию, каждое из этих собраний сочинений должны составить один компактный том, причем при выборе издаваемых писателей редакция должна помимо других соображений руководиться степенью близости отдельных сочинений к трудовому народу, для которого эти народные издания и предназначаются.

В настоящее время уже изданы и поступили в продажу сочинения Кольцова, Никитина, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Жуковского, Толстого и Тургенева. Непосредственное руководительство этой работой принадлежит В. Брюсову, Е. Г. Лундбергу и И. Е. Грабарю, образующим литературно-художественную комиссию, уже проредактировавшую имеющие в ближайшем времени поступить в продажу сочинения Гоголя, Гончарова, Островского, Григоровича, Помяловского, Грибоедова, Достоевского, Лермонтова и многих других. Еще не закончены редактированием сочинения Добролюбова, Пушкина, Гаршина, Михайловского и др.

Рядом с литературно-художественным подотделом этого Лит.-изд. Отд. уже приступил к напряженной работе, давшей осязательные и плодотворные результаты, и подотдел по изданию научно-популярных книг, распадающийся на три секции: 1) общественно-политическую, 2) естественно-историческую и 3) педагогическую.

Этим подотделом изданы сочинения Ключевского, Каутского, Шульца, Тимирязева, Лоренца, Фламмариона, Левитина, Кропткова, Сеченова, Маркса, Бебеля и др.

Наконец, Литературно-изд. Отдел Комиссариата по Просвещению постановил издать серию переводных романов и драм социально-политического содержания, куда вошли романы и драмы Гюго, Джованиолли, Синклера, Лондона, Гауптмана, Уайльда, Золя, Шиллера и др.

Согласно смете Комиссариатом по Просвещению ассигновано на издание классиков 17.506.440 рублей, а на расходы по изданию научно-популярных книг 2.041.387 рублей. Эти цифры дают нам представление о, поистине, «американском» масштабе советской издательской деятельности.

Не меньший, если не больший, размах обнаружил также Издательский Отдел В. Ц. И. К., сосредоточивший свою деятельность, главным образом, на издании небольших, боевых брошюр и листовок. За этот год Изд. В. Ц. И. К. выпущено

168 (!) названий в общем количестве около 18.000.000 экземпляров! Пятьсот, двести, триста тысяч—вот обычное количество одного издания, а между тем некоторые брошюры (напр. брошюры В. Ленина) выходят вторым изданием в 500.000 экземпляров. Эти числа открывают нам истинную природу пресловутой русской «неграмотности», искусственно поддерживавшейся в течение прошлых десятилетий.

Одновременно с этим грандиозным по размеру изданием социально-политических брошюр Ульянова, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сосновского, Маркса, Каутского, Либкнехта и всех других борцов за социализм и параллельно изданию художественных и сатирических сочинений Д. Бедного, Орешина, Беллами и др., Военный Отдел В. Ц. И. К. в неменьшем масштабе печатает специальную военную, красно-армейскую литературу, обнимающую и обще-просветительные и частные военно-технические задачи, вроде «Ружье-пулемет Льюиса», «Ночная Стрельба», «Памятка Инструктора Красно-армейской армии» и т. д. и т. д.

Военным Отделом В. Ц. И. К. издано за этот год 124 названия в общем количестве 12.000.000 экземпляров! Поистине, красная армия есть прежде всего сознательная армия, и вряд-ли найдется в мире армия, которая сможет с ней в этом отношении конкурировать.

Уже специально пропагандистскую и агитационную задачу поставил себе Издательский Отдел Московского Совдепа, выпустивший свыше 25.000.000 (!!!) книг и брошюр, среди которых, однако, находятся труды более солидные и иного характера, как напр. «Курс политической экономии» Богданова и Степанова, или сборники рассказов Серафимовича, третий том мемуаров Бебеля и др.

В сходных же размерах протекает и Издательская деятельность Петербургского Совдепа.

Позднее других приступил к издательской деятельности Пролеткульт. Это и понятно: Пролеткульт—общественная организация, само существование которой обусловлено укреплением Советской власти. Кроме того, Пролеткульт в своей издательской деятельности задается специальной задачей выявления пролетарской культуры. Поэтому помимо произведений самих писателей—рабочих издаются только технические руководства, необходимые поэтам-стихотворцам, прозаикам, журналистам и т. д., а также три журнала—«Пролетарская Культура», «Горн», и «Грядущее», из которых—первый посвящен выяснению теоретических вопросов, последние два—отражению и закреплению практической работы. Из пролетарских писателей отдельными сборниками и альманахами изданы Бессалько, Кириллов, Гастев, Герасимов, Александровский и др. В ближайшие дни должны выйти из печати первая серия технических руководств, в которую входят: «Теория прозы»—М. Столярова, «Журналистика»—В. Брендера, «Стиховедение»—Андрея Белого.

В наш поневоле краткий и беглый обзор мы не включили изданий провинциальных совдепов, имя которым—легион, не включили за невозможностью подвести этой гигантской работе итог.

Но уже приведенные цифры оправдывают то, что было сказано в начале нашей заметки: праздник Октябрьской Революции есть праздник просвещения и наиболее могучего проводника его—книги.

Н. Л.

Новый суд в литературе.

Говорить о литературе, посвященной строительству новых форм суда в Советской России, значит говорить, главным образом, об изданиях Народного Комиссариата Юстиции. Действительно, если не считать немногочисленных, затерявшихся на страницах газет статей и заметок, часто весьма интересных, как в отношении обоснования принципов, положенных в основу организации и деятельности нового суда, так и в отношении осведомления о формах, в каких эти принципы осуществляются на местах,—если не считать этих статей и заметок, то все, что имеется в литературе по вопросам организации и деятельности народного суда, сосредоточено в изданиях Комиссариата Юстиции: в двухнедельном журнале «Пролетарская революция и право» и в ценных по своему содержанию «Материалах Народного Комиссариата Юстиции».

Правда, что и в этих изданиях читатель не найдет общей сводки и обозрения того, что было осуществлено и достигнуто в области создания новых форм отправления правосудия со времени октябрьской революции. Однако читатель, который возьмет на себя труд внимательно просмотреть и изучить материалы, опубликованные Народным Комис-

сариатом Юстиции, не остановившись перед не всегда легкой задачей преодолеть их некоторую несистематизированность и не убоявшись кажущейся на первый взгляд их сухости будет вознагражден сторицею за этот труд и получит возможность довольно отчетливо представить себе все, что сделано за год, протекший с октября 1917 года, и самостоятельно подвести итоги, которых он не находит в литературе в готовом виде.

В первое время после октябрьской революции центр, подавленный тяжестью выпавших на его долю задач по ликвидации остатков побежденного прошлого и по обеспечению возможности беспрепятственно приняться за творческую организационную работу, мог давать только самые общие директивы, намечающие пути, по которым должна идти работа на местах. Весь смысл знаменитого «декрета № 1 о суде», вызвавшего в свое время столь яростные нападки со стороны врагов нового строя и встреченного некоторым недоверием и не полным пониманием со стороны некоторых сторонников последнего, сводился, во 1-х, к тому, чтобы зафиксировать уничтожение учреждений и форм, хорошо и продуктивно служивших старым порядкам и отношениям и в силу уже одного этого непримиримо враждебных новым веяниям жизни, и, во 2-х, к тому, чтобы наметить в самых общих чертах, открывающих широкое поле для проявления инициативы, указующие пути, вехи, которых должны придерживаться люди, взявшие на себя строительство новых форм жизни на местах. Но время не ждало, и декрет № 1 отчасти запоздал: санкционированное им уничтожение старых судов, в силу логической обусловленности его всем ходом революции, было уже осуществлено во многих местах до издания этого декрета, и на обломках старых учреждений воздвигались уже новые, призванные воплотить и осуществить те принципы, проведение которых в жизнь было залогом закрепления достигнутой победы и гарантией невозвратности свергнутого. Работа на местах уже кипела, и широкий простор, предоставленный ее участникам декретом № 1, обеспечивал ее непрерывность: и после издания этого декрета восставший и победивший народ продолжал облекать свое правосудие в формы, соответствующие его правосознанию и требованиям жизни. Перед будущими историками русской революции и русского суда стоит интереснейшая задача изучения этого народного правотворчества, и в опубликованных Народным Комиссариатом Юстиции материалах, заключающих в себе целый ряд постановлений, положений, инструкций, докладов, проектов и т. п., посвященных строительству на местах новых форм суда, они найдут для себя массу ценного («Материалы», вып. II, стр. 32-109; вып. III, стр. 36-117). Доклады с мест, опубликованные в протоколах 1-го Всероссийского С'езда губернских и областных комиссаров юстиции («Материалы», вып. 1), помогут им дорисовать яркую по своим краскам картину создания новых форм отправления правосудия.

По мере того, как первоначальная стихийная борьба с пережитками и обломками прошлого сменялась переходом к планомерному и организованному строительству, по мере того, как все укреплявшееся положение центральной власти открывало для нее возможность посвящать больше, чем до тех пор, внимания вопросам внутренней жизни, по мере этого необходимость соблюдения единства революционных целей и действий властно диктовала центру более активное отношение к происходящему на местах. Соблюсти это единство возможно было лишь при том условии, чтобы важнейшие революционные меры, особенно же создание новых учреждений, вполне соответствовали бы действиям и намерениям центра и осуществлялись в одном направлении на всем пространстве Советской России. Поскольку создание новых судебных учреждений рассматривалось, как одно из средств осуществления провозглашенной диктатуры пролетариата, и поскольку в нем усматривалась необходимая боевая мера, направленная на ликвидацию старых дореволюционных общественных отношений, постольку было необходимо внести в дело создания новых органов правосудия элементы систематичности и централизации. Вследствие этих причин, как только общий ход жизни и политические условия предоставили к тому возможность, центр необходимо должен был принять на себя задачи об'единения и систематизации того, что уже было осуществлено на местах в области организации правосудия. Центральная власть намечает общие принципы, долженствующие быть положенными в основу этой организации, и принимает ряд мер к тому, чтобы преодолеть естественный в условиях революционной борьбы, но могущий вредно отразиться на ее успешности партикуляризм и чтобы настоять на проведении намеченных принципов в жизнь. Много интересного материала, посвященного этой организационной работе центра, читатель найдет в протоколах 1-го и 2-го Всероссийских С'ездов губернских

и областных комиссаров юстиции («Материалы», вып. I и III), а также в статьях П. И. Стучки «Старый и Новый суд» («Материалы», вып. II) и «Пролетарская революция и суд» («Пролетарская Революция и Право», № I) и в других статьях во 2-м выпуске «Материалов».

В ином положении находилось материальное право, применять которое должны были новые суды. Утопическому плану создания в разгар революционной борьбы подробных кодексов материального права, выдвинутому левыми социалистами—революционерами в дни, когда в их руках находился Комиссариат Юстиции, коммунисты противопоставили мысль о том, что новое право, которое приносит с собою победивший класс, должно быть создано не декретами власти, а самим победившим классом в процессе отправления правосудия. «Наметить хотя бы в самых общих чертах основы нового суда и предоставить остальное творчеству революционного народа —так формулировал задачи центральной власти А. В. Луначарский в статье, помещенной первоначально в газете «Правда» и перепечатанной ныне во втором выпуске «Материалов». Практика показала, что этот путь был правильным. Непродолжительная работа новых судов, особенно местных, в которых, в отличие от окружных, главная роль выпала на долю не профессионалов—юристов, а представителей рабочего класса, дала яркие образцы народного правотворчества. Некоторый материал по этому вопросу читатель найдет в статьях Д. И. Курского и А. Р. Кадича, помещенных в № 2 журнала «Пролетарская Революция и Право».

Однако, центральное правительство не могло возложить работу по перестройке материального права всецело на новые суды. «Понятия буржуазной правды и справедливости—говорит П. И. Стучка («Материалы», вып. II, стр. 6)—переживают свои реальные основы и вносят не мало путаницы в речи и даже в действия верных в остальном революционеров», В области права, как и в других областях жизни, «мертвые повелевают». В виду этого необходимо было ввести правотворчество новых судов в известные рамки и направить его на достижение тех целей социального переустройства, которые ставит себе победивший класс: центральная власть должна была, не ограничиваясь урегулированием процессуальных форм и порядков, внести единство в сферу материального права и этим обеспечить то, что народное правотворчество действительно будет служить целям социального переустройства и освободится от власти переживших свою экономическую основу и долженствующих быть похороненными понятий права и справедливости. Такую задачу преследовал ряд декретов, как, например, об отмене наследования, о национализации средств производства, о разводе и т. п. К сожалению, в литературе эта сторона деятельности центральной власти осталась мало освещенной. Единственными попытками в этом направлении являются работы А. Г. Гойхбарга: во—первых, его книга «Новое семейное право» (М. 1918 г. изд. «Правоведение»), дающая удачную сводку всего, что сделано советской властью в области урегулирования отношений между супругами и между родителями и детьми, и, во—вторых, его статья «Отмена наследования», помещенная в № 2 журнала «Пролетарская Революция и Право» и дающая теоретическое обоснование соответствующему декрету Совета Народных Комиссаров.

В заключение необходимо отметить одно интересное начинание: провинциальный юридический журнал. Мы имеем в виду двухнедельный журнал, издаваемый Отделом Юстиции Тверского Губернского Исполнительного Комитета, «Народное Право». Журнал этот имеет задачей, с одной стороны, помочь работникам Народного Суда разобраться в вопросах права, с другой, «вызвать широкие народные массы к творчеству нового народного права». Первый номер, единственный, с которым нам удалось ознакомиться, вышел 15 сентября и содержит в себе ряд статей, могущих содействовать деятелям нового суда в их трудной и ответственной работе. Хотелось бы только, чтобы «Народное Право» уделяло бы местной юридической жизни больше внимания и места, чем отведено ей в № 1-м.

Б. Павлов.

Обзор литературы об единой трудовой школе.

Уже после февральской революции намечались симптомы обновления школы. Слышно было о работе Государственного Комитета по народному образованию. Оживились страницы педагогических журналов. В целом ряде городов открылись курсы по педагогическим вопросам. Начиналась кампания в пользу трудовой школы.

Однако, даже для неискушенного в школьной политике, было ясно, что дело дальше полумер не пойдет. Школа почти совсем не

освобождалась от рутины. Характерно, что несмотря на циркуляр Министра Народного Просвещения Временного Правительства о введении нового правописания, последнее далеко не везде пользовалось вниманием схоластической школы.

Либеральные писатели по педагогическим вопросам держались крайне умеренно. Их позицию характеризует книжка профессора Г. Челпанова «Демократизация школы», отражающая также и настроения либерально настроенной части учительства. Профессор Челпанов указывает на опасность понижения учебного уровня, которой грозит средней школе выработанный Государственным Комитетом по народному образованию проект единой трехстепенной школы и децентрализации школьного управления. Автор является поборником многотипной школы с классической ветвью (в чем сказываются его симпатии к отживающему классицизму). Переход к однотипной школе представляется ему рискованным экспериментом. Характерно для автора и отграничение народной школы от средней общеобразовательной. Он симпатизирует зарубежной буржуазной школе, относительно которой сам же утверждает, что она далека от идеала единой школы.

В вопросе о строе школьного управления автор решительно отдает предпочтение централизации, высказываясь, правда, за автономию педагогической корпорации. К расширению функций родительских комитетов он относится отрицательно. Интересно, как бы отнесся автор к созидаемым теперь советам народного образования с широким привлечением населения! Автор боится не только народных масс, он боится и детей, осуждая участие учащихся в педагогических советах. Небезынтересно сопоставить с его мнением постановление органа просвещения рабочей демократии Московского Отдела Народного Образования: «Школьные советы пополняются представителями от учащихся с 12-летнего возраста в количестве половинного состава школьных работников». Но профессор Челпанов крайне несочувственно относится даже к участию студентов в управлении университетом.

Передовая педагогия в вопросе о новой школе оказалась менее бессильной. Подлинно-прогрессивные педагоги ясно чураются тенденции либерального детоводительства. Это особенно ярко сказалось на талантливом идеологе новой педагогии П. Блонском. В своей брошюре «Школа и общественный строй» (изд. «Задруга», из серии интересных выпусков: «Организация школы») он пытается провести нити, связывающие школу с окружающей действительностью на всем протяжении новой истории. Получается яркая схема *смены школьной организации в зависимости* от изменения культуры и общественно-экономических факторов. Согласно этой схеме, оторванная от жизни школа отражает устарелый общественный строй, и реформа школы, стало быть, заключается в приведении в связь школы с новым общественным устройством. В средневековьи видим мы школу-монастырь. На этом основном базисе отлагается затем пласт школы-казармы дворянских наук. Политическо-бюрократическое государство организует, далее, школу учебы-дрессировки для нужд чиновничьего государства. Следующим звеном в эволюции школы является буржуазная школа французского и американского образца, однотипная и многотипная, сжатый очерк которых дает профессор Челпанов в своей книжке «Демократизация школы». Для этой степени развития и характерно отделение народной школы от средней обще-образовательной. Венцом буржуазной школы является школа—республика. Заключительное звено—трудовая школа—заменяет класс мастерской, а уроки—работой, отражая новую социальную среду. Школа будущего автору представляется в виде товарищества, детской кооперации, школьной коммуны. «Если реальная школа ввела в школу наблюдение и эксперимент, то школа техники требует мастерской и лаборатории: ручной труд становится методом обучения» (стр. 84). Под техникой в данном случае автор понимает нечто в роде «философии» техники, «общих элементов» ее.

Трудовая школа в России только начинает налаживаться. Опытов трудовой школы у нас было очень мало. На Западе трудовое начало в школах до известной степени уже имеет собственную историю. С особенностями развития трудового начала в западных школах знакомит русского читателя «Трудовое начало в школах Европы», книжка Ек. Янжул, автора работы «Американская школа». Автор прослеживает значение идей и методов детского сада для выработки трудового принципа, как основного принципа новой школы. Много места отведено описанию немецких трудовых школ. Быт немецкой трудовой школы обрисован с большою выпуклостью. В этих школах педагогика подготовки к жизни взрослого человека является и педагогикой детского счастья. Золотому детству возвращается его законное право на яркую, само-

вляющую жизнь. Опыты западной школы, разумеется, не должны проходить даром, и знакомство с этой обстоятельною книжкой для всякого учителя трудовой школы крайне существенно.

У передовых педагогов замечается вполне естественное стремление к перестройке своей педагогической идеологии и подведению под нее широких общественно-философских основ. К числу опытов в этом направлении принадлежит книжка А. Федорова—Гартвига «Трудовая школа и коллективизм» (изд. «Народный Учитель»). К сожалению, в авторе часто сквозит философ «золотой середины», слишком легко примиряющий коллективизм с индивидуализмом и национальное с общечеловеческим. Под трудовым началом автор разумеет начало, об'единяющее механическую работу и творческий труд. Указывая на методы работы в трудовой школе (метод рассказов, драматизации и т. д.). автор не указывает ничего особенно нового сравнительно с опытом зарубежной школы. Особенно удачной является глава о школьных кооперативах, под которыми разумеется разнообразное сотрудничество учащихся. Автор—нелицемерный поборник полного самоуправления учащихся. Несмотря на некоторую расплывчатость основных положений, книжка является интересной, как опыт установления связи общепедагогической идеологии с конкретной программой трудовой школы.

Работ, посвященных собственно трудовой школе, чрезвычайно мало. Они исходят от поборников принципов трудовой школы, об'единившихся вокруг Народного Комиссариата Просвещения, который мужественно и неустанно ведет всю теоретическую и практическую работу по реорганизации трудовой школы.

В начальной стадии разработки являют нам проект о трудовой школе № 1—2 бюллетеней «Трудовая Школа», издаваемых Комиссариатом Просвещения. Уже здесь с достаточной определенностью намечены соединение производительного труда с обучением, политехнический и коммунальный характер школы. Здесь же указывается, что она будет единой школой, совместной, светской и бесплатной. Эти же принципы очерчены в докладе В. М. Познера «Единая трудовая школа.» «Основой школьной жизни, говорится в докладе, должен служить производительный труд» (стр. 9). Труд вводится в школу не только как метод, но и как общественно—необходимый труд, который, будучи связан с обучением, освещает всю окружающую жизнь. Просветительный труд этот знакомит детей с разнообразными формами производства, не исключая и высших. Школа изучает целый ряд трудовых процессов по самообслуживанию, производственных в собственном смысле и художественно-эстетических.

Развитием принципов доклада могут служить приложения к отчету о деятельности Отдела Единой Трудовой Школы при Народном Коммисариате Просвещения. Наиболее ценным принципом является тот, согласно которому школа сродняется с окружающей ее действительностью, изучает ее в различных отношениях и даже служит ей, поскольку это в силах школьного коллектива. Школа получает целый ряд учебно-вспомогательных учреждений—мастерские, музеи, школьный сад, лабораторию, и т. д. Для бытия новой школы характерным является отмена домашних уроков, уничтожение экзаменов и т. п. Деление на классы заменяется делением на группы по степени подготовки и соответствующей работе. Школьный врач в школе начинает играть подобающую ему роль. Программа школы сильно обновляется, вводится химия, политическая экономия, выбрасывается латинский язык. Расширяется преподавание изобразительных искусств, музыки, гимнастики.

Ответственным органом школьного самоуправления является школьный совет, куда, помимо преподавателей, входят представители трудового населения школьного района и представители учащихся с 12-летнего возраста числом до половины работников школы.

Пока намечены лишь общие контуры новой трудовой школы.

Учительству трудовой школы придется много работать в области выяснения новых методов преподавания в единой трудовой школе.

В этом отношении может оказаться полезной книжкой работа П. Блонского «Задачи и методы народной трудовой школы». Книжка, правда, страдает некоторой односторонностью, трудовое начало в собственном смысле не везде проведено, поэтому многое нуждается в существенном дополнении. Не являясь оригинальной в вопросах трудового воспитания, книжка все же очень много дает инициативе учителя, показывая ему на ряде живых примеров возможность конкретизации преподавания. Чрезвычайно ценными являются указания, касающиеся воспитания сердца, о котором как-то забывают, воспитания мышления и точности языка.

В историю идей трудовой школы вводит прекрасная книга Н. К. Крупской «Народное

образование и демократия». Руссо, как начинатель трудового воспитания, становится особенно близким после этой книги. Новый и одухотворенный образ Песталоцци глядит с этих страниц, также указывая на идеи трудовой школы. Вскрывается роль детского фабричного труда в развитии идей трудовой школы. Педагогические реформы Конвента увлекают своим энтузиазмом. Наконец, Маркс и другие вожди рабочей демократии открыты и истолкованы для педагогики едва-ли не впервые. Анализ позднейшей эволюции идей трудовой школы и их проникновения в жизнь подкупает своей полнотой и точностью.

Н. Барабанов.

Отзывы о книгах.

Философия.

Богданов, А. Новый мир. М.—П. Изд. 2-ое, доп., „Коммунист" 1918. стр. 119 Ц. 2 р. 50 к.

Соглашательство—опасность, подстерегающая нас не только на путях практического строительства жизни, но и на путях мысли. Мысля о новом, непривычном, часто не в состоянии мы в достаточной степени отрешиться от старого и привычного, и,—сами того не замечая,—подставляем вместо нового—старое, в частично измененном, не сразу узнаваемом облике. Особенно сказывается это на нашем представлении о будущем—о «новом мире» человеческого общества, человеческой культуры, перестроенных на началах социализма: не всегда с достаточной ясностью представляют себе многие, как глубоко и всесторонне проникнет в жизнь влияние социалистического мировоззрения и социалистического общественного уклада, какой совершенно новый тип жизни и мироотношения выработается под его воздействием. Обрисовке развития этого нового типа жизни, уяснению вероятных основ этого нового мироотношения и посвящена книга А. Богданова, представляющая весьма своевременное переиздание ценной работы, давно исчезнувшей с книжного рынка и ныне появляющейся в заново проредактированном и дополненном виде.

В трех статьях, входящих в состав книги (в новом издании к ним добавлена краткая статья об идеалах воспитания), А. Богданов с философской широтой и ясностью взгляда развертывает перед читателем картину грядущего изменения типа личности, типа общественной жизни и типа человеческого познания.

Человек—это «целый мир опыта», притом «мир развертывающийся, не ограниченный никакими безусловными пределами». В том первобытно-родовом обществе, каким, на заре человечества, жили некогда наши отдаленнейшие предки, и остатки которого наблюдаются еще и теперь в жизни дикарей, все круги опыта отдельных личностей совпадают между собой: каждый член первобытного коллектива знает тот же клочок природы, пользуется теми же грубыми орудиями труда, ведет тот же образ жизни, отличается тем же общим строем мысли и чувства, что и другой член; коллектив живет сплошной, слитной массой, из которой еще не выступила отдельная, самостоятельная личность, со своим особым кругом опыта, не совпадающим с другими: еще не началось «дробление человека» (распадение первоначально — единого опыта). Это дробление человека начинается тогда, когда один, более развитой человек противопоставляет себя другому, как «организатор» — «исполнителю», когда «голова» отделяется от «рук» (разделение, проходящее через всю историю человечества: жрец и верующий, властитель и подданный, господин и раб, хозяин и работник, начальник и подчиненный). Вторая ступень дробления человека—это ныне достигшая чудовищных размеров специализация,—когда в ходе социального развития «коллективный опыт оказывается разделенным между людьми так, что одному достается по преимуществу одна его область, другому другая и т. д.»—на основе чего вырастают уродливо-односторонние миросозерцания, бессильные дать всеоб'емлющую картину мира и в то же время закрывающие людям путь к взаимному пониманию и сотрудничеству. «Всякий строит мир по образу и подобию своего специального опыта... В сознании одного специалиста жизнь и мир выступают, как мастерская, где каждая вещь приготовляется на свою особую колодку, в сознании другого,—как лавка, где за энергию и ловкость покупается счастье, в сознании третьего - как книга, написанная на разных языках и разными шрифтами и т. п... Мир заслоняется колодками, прилавками, книгами, мысль вращается в тесном круге и не может из него выбраться». (стр. 18—19). Эта вторая ступень распадения коллективного опыта отмечает уже распадение коллективного целого на отдельные индивидуальные хозяйства, превращение «коллективного мира в мир конкуренции, борьбы интересов, войны всех против всех». Тогда развивается и выступает на первый план укрепившаяся в круге своего специального опыта отдельная человеческая личность, отдельное «я», «выражающее раздробленность социального опыта», вынужденное беспощадно бороться с другими такими же «я» и в этой борьбе постепенно усваивающее черты уединенно-замкнутого, резко-индивидуалистического сознания; естественным противовесом этим анархическим устремлениям отдельных личностей является сог-

водство **принудительности** в общественных отношениях — принудительности, вводящей в известные организационные рамки разрушительную борьбу людей, групп, классов. Взору замкнутого в себе индивидуалистического сознания общественные силы представляются чуждыми, непостижимыми, стихийно его подавляющими, увлекающими его в сторону, совершенно иную, нежели та, куда его зовут его собственные цели: отсюда—те неразрешимые «проклятые вопросы», которые неотступно встают перед индивидуальным сознанием, как знак того, что оно не сумело достичь сознательно активного единения с силами социальной жизни и слепо, бессильно увлекается ее волнами. Метко и глубоко пишет А. Богданов: «Присмотритесь к этим вопросам, и вам станет ясно, что это вопросы раздробленного человека. Именно их должны были бы задавать себе раз'единенные органы одного организма, если бы продолжали жить и могли спрашивать. Что я такое?—разве это не самый естественный вопрос для какого—нибудь пальца руки, оторванного от тела? Зачем я? Откуда? Как не спрашивать об этом живой части, потерявшей связь со своим жизненным целым?.. А там, где проходит разрыв живой ткани, отделяющий орган от тела, там чувствуется мучительная боль;— и вот вопросы о зле в жизни.» (стр. 23).

Анархическая борьба всех против всех, борьба, создающая необходимость принудительной регулировки общественных отношений и отмечающая собой предельное раздробление человека,—эта борьба достигает наивысшей напряженности и беспощадности в современную, капиталистически-буржуазную эпоху.

Но в наше время уже намечается переход к новым формам социального опыта, к новому, коллективистическому строю жизни и сознания. В старой действительности слагается новая, в старом человеке—новый, целостно гармонический, охватывающий или без труда могущий охватить различные области социального опыта; началось то, что А. Богданов остроумно называет «собиранием человека», «превращением дроби человека в целое».

Первый шаг этого «собирания человека», наблюдаем мы в области современной техники: рабочий, управляющий машиной, совмещает в себе «голову» и «руки», «организатора» и «исполнителя». Машина требует от него интеллигентности и внимания, но работа при ней не в состоянии удовлетворить пробуждающиеся духовные запросы работника; об этом—конечно, помимо своего желания заботится капитал, об'единяющий рабочих, сближающий их на почве общего опыта, взаимного понимания,—чем преодолевается вторая форма раздробления человека—специализация опыта, односторонность мировоззрения: личное самосознание расширяется до классового. С другой стороны, всепроникающая конкуренция, в погоне за усовершенствованием техники в отдельных областях, способствует созданию общих технических методов, а так как наука, в своей основе, есть систематизация техники, то эти общие технические методы, отражаясь в общих методах познания, создают единство, систематизацию науки, вырабатывают, вместо прежнего отвлеченного, отрешенного от жизни специалиста, новый тип ученого, «широко образованного, монистически мыслящего, социально живущего»

Так, с разных сторон движется вперед процесс «собирания человека». Когда этот процесс будет завершен, то тот целостно—гармонический человек, в котором найдет отражение гармоническая целостность социального опыта,—этот человек окажется стоящим уже не вне социальных сил, чуждых и непостижимых для него, а внутри их, всесторонне проницая их своей мыслью, творчески работая в их направлении; тогда для него обнаружится призрачность всяких так называемых «проклятых вопросов», мучивших прежде его уединенное сознание,—а старый общественный строй, основанный на принуждении, перейдет в новый, основанный на совпадении целей коллективных и индивидуальных, на свободном товарищеском сотрудничестве.

Этот беглый пересказ, конечно, не только не исчерпывает богатого содержания работы А. Богданова, но даже не намечает многих затронутых в ней вопросов. Написана книга с присущими А. Богданову стройностью, ясностью и доступностью изложения. Мы не сомневаемся в том, что белому томику с красным заглавием «Новый мир» суждено разнести семена научно-социалистического мировоззрения в самых широких кругах пролетарской среды.

С.

Социальные науки.

БУХАРИН. Н. Мировое хозяйство и империализм. (Экономический очерк) П. „Прибой". 1918. Стр. 116. Ц. 2 р.

Изданная ныне брошюра Бухарина относится к давно минувшему времени унижения социализма, распятого капиталистами

и «социалистическими предателями». В силу целого ряда внешних причин она не могла появиться раньше на книжном рынке, тем не менее она и теперь не потеряла своего значения и интереса.

Автор анализирует отношения между различными государствами, подталкиваемыми на конфликты заинтересованными группами буржуазии.

Основой политической и экономической жизни, как известно, является национальное государство, которое, однако, чрезвычайно быстро перерастает свои географические границы и устанавливает интенсивнейший товарообмен с соседними экономическими единицами, примером чего служит промышленная Англия. «В Англии в первую треть XIX столетия только $2^1/_2\%$ необходимого количества хлеба ввозилось из-за границы; теперь хлеба ввозится около 50% (пшеницы даже 80%), мяса около 50%, масла—70%, сыра 50% и т. д.» (стр. 9). Автор приводит целый ряд цифр и данных, свидетельствующих об усилении международного обмена, взаимных связей и отношений: «Мировое разделение труда и международный обмен предполагают наличность мирового рынка и мировых цен» (стр. 9). При этом приходится отметить, что мировое хозяйство развивалось чрезвычайно быстро и бурно. Всевозможные усовершенствования и изобретения действовали, как дрожжи, в смысле роста производственных сил. «За период, приблизительно, в 60 слишком лет (начиная с 1850 года) производство угля увеличилось более чем в 12 раз (1113%), чугуна—в 13 слишком раз (1266%); меди—более чем в 19 раз (1834%), золота—более чем в 13 раз (1218%).» (Стр. 15).

Экономические отношения внутри отдельных государств изменяются чрезвычайно быстро. «Эти изменения проявляются, прежде всего, в образовании и необычайно быстром распространении капиталистических монопольных организаций: картелей, синдикатов, трестов, банковых концернов». (стр. 37). Чем больше страна была развита экономически, тем более плодотворную почву открывала она трестам. Недаром они так широко развились в Америке, Англии и Германии, этих левиафанах капитализма. Однако, и другие страны, Франция, Австрия, Россия, Япония, Бельгия и проч. старались не отставать от своих конкурентов. Параллельно с этим банковский капитал проникал в промышленность и превращался в финансовый капитал. Банки простирали всюду свои щупальцы, направляя промышленность по желательному им руслу, руководя ею и строго контролируя.

В таких условиях создается тенденция «к превращению всего национального хозяйства в одно гигантское комбинированное предприятие под началом финансовых королей и капиталистического государства, хозяйства, которое монополизирует национальный рынок и является предпосылкой организованного производства в его высшей некапиталистической форме.» (Стр. 44).

Эти предприятия ищут рынка сбыта своих изделий: они вступают друг с другом в ожесточеннейшую борьбу, понижая иногда цены ниже стоимости производства отдельных фабрикатов, чтобы завоевать рынок и потом диктовать свои монопольные условия.

Ясно, что при таком темпе развития не может быть и речи о том, чтобы держаться в пределах одной какой-либо страны, благодаря чему могучие тресты и картели выходят за пределы своей страны и за пределы отдельных материков и принимают активнейшее участие в мировой экономической жизни. В виде примера автор приводит тресты металлургов, угольщиков, текстильных фабрикантов, международную роль банков и проч.

«Подобно тому, как рост производительных сил «национальных» хозяйств на их капиталистической основе привел к образованию национальных картелей и трестов, точно также рост производительных сил мирового капитализма выдвигает все более настойчиво интернациональные соглашения национальных капиталистических групп, начиная от их простейших форм и кончая централизованной формой интернационального треста». (Стр. 28).

Но наряду с этим из столкновения интересов конкурирующих национальных групп рождаются империалистические захватные тенденции. Это стремление обусловливает и политику поиска и захватов колоний, которая стала типичной для всего XIX столетия и особенно сильно проявляется в течение последнего 40-летия, когда европейские державы приобрели 25 мил. кв. километров колоний, область вдвое превосходящую территорию всей Европы.

Колониальная политика все больше и больше обостряла отношения и приводила к неизбежности вооруженного столкновения,

которое одно могло разрубить гордиев узел противоречий капиталистической политики империализма.

Три основных фактора играли здесь решающую роль: «обострение конкуренции на рынках сбыта, рынках сырья и из-за сфер приложения капитала,—вот к чему привело новейшее развитие капитализма и превращение его в финансовый капитализм». (Стр. 65).

Современный империализм, возникший и развивающийся на этой базе,—вульгарные экономисты стараются об'яснить какими-либо другими причинами, столкновением рас или национальностей, но даже идеологи империализма должны отказаться от этой теории под давлением логики фактов и событий, так как империализм всецело обусловливается отношениями, созданными финансовым капиталом.

Многие утописты предполагают, что империализм может быть изжит «домашними средствами». Автор не согласен с этой мыслью: он находит, что если бы об'единилась вся капиталистическая Европа, то тогда все же на очередь встало бы другое—борьба с Америкой и Азией. Следовательно, не в этом надо искать спасения, а в выработке новой производственной структуры.

Но прежде чем мы придем к этому, придется испытать серьезнейшие изменения в экономических взаимоотношениях, которые грозят опасностями делу интернационального пролетариата.

Прежде всего, еще в процессе войны, возникла монополизация многих отраслей жизни в руках государства. Она останется и после войны. Это лишь новый вид того же трестирования и картеллирования жизни, и этот процесс не противоречит основным тенденциям буржуазии. В процессе войны создается «государственно - капиталистическая структура общества, которая влечет за собою, помимо ухудшения экономического положения рабочего класса, и его форменное закрепощение империалистическому государству», (Стр. 104), что дало себя уже сильно почувствовать пролетариату.

Тем не менее колониальная политика временно увлекает пролетариат теми выгодами, которые она дает также и ему. За те крохи, которые падают со стола буржуазии, он продает свою независимость. У пролетариата создается идеология, похожая на идеологию мелких ремесленников или подмастерьев, отождествляющих свои интересы с интересами хозяина.

«На почве относительной заинтересованности пролетариата в колониальном грабеже возрастала и укреплялась связь с хозяйской организацией буржуазного империалистского государства». (Стр. 108).

Однако, война и ее тяжелые удары скоро и основательно излечили пролетариат от этой утопии: он уразумел сущность империализма... «в великом столкновении классов диктатуру финансового капитала сменяет диктатура революционного пролетариата. «Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы экспроприируются». (Стр. 111).

Книжка Бухарина дает мастерской анализ империалистических отношений, причем все положения подкреплены богатым цифровым материалом.

В общем брошюру можно рекомендовать всем интересующимся изучением империализма, но широкой публике она мало доступна, так как требует от читателя известной теоретической подготовки.

Цена брошюры (2 рубля) по нынешним временам невысокая, но издана она плохо: неясная печать сильно затрудняет чтение.

Р. Арский.

Каменев, Ю. Экономическая система империализма и задачи социализма. Очерки. II. Изд. 2-ое. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 206. Ц. 4 р. 50 к.

Империализм развертывается во всю ширь и мощь в эпоху финансового капитала. Связь между этими двумя сторонами, одной и той же социально-экономической сущности ставит себе задачей рассмотреть книга Ю. Каменева.

Первый очерк, в конкретных чертах характеризующий экономическую подоплеку империализма, в значительной степени идет в колее, намеченной фундаментальным исследованием Гильфердинга «Финансовый капитал»—выдающимся трудом в марксистской литературе последнего времени: в этом очерке автор пытается, собрав в один фокус выводы Гильфердинга, разбросанные там и сям в огромном труде, углубить их анализом надстраивающихся над базисом финансового капитала социально - политических форм. Однако, вместе с тем намечается и колея теоретического освеще-

ния фактов финансового капитала—указаниями на предвидение Марксом фактов финансового капитала, с предвосхищением некоторых относящихся сюда положений.

Очерк можно считать хорошим введением-комментарием к Гильфердингу: изучающий, встретившись с анализом отдельных граней финансового капитала у Гильфердинга, рискует из-за деревьев не увидеть леса и не почерпнет необходимых выводов. Логически-убедительная ясность и удобопонятность делает очерк крайне интересным для широкого круга читателей.

Во втором очерке, содержащем противоположение империализма социализму, указывается с достаточной ясностью, какими внутренними противоречиями раздирается экономическая система империализма. Автор удачно намечает антагонистическую формулу этой системы. «Производство, ради производства», приводит к ухудшению положения масс. Увеличение планомерного регулирования капиталистического хозяйства, вызывает рост финансовой олигархии. Преодоление территориальной ограниченности задыхающимся в узкой сфере национально-финансовым капиталом сопряжено с необходимостью войн. А вовлечение отсталых стран в финансовую орбиту стран, более развитых экономически, несет первым жесточайшую эксплуатацию. В силу этих противоречий, громоздкий империализм не может справиться с решением и народнохозяйственных задач, и проблем мирового хозяйства. Очерк трезво и обоснованно устанавливает факт измены международному делу тех социалдемократов, которые, поддавшись влиянию национально-шовинистической идеологии, отказываются от решения социалистическими методами задач, вытекающих из самоотрицания империализма. Принцип «самоопределения», при условии сохранения хотя бы и ослабленной империалистической системы, звучит насмешкой над действительностью, в которой независимость малых наций обозначает только искусно замаскированную экономическую кабалу.

Особенно ценное место очерка содержит указание на то, что империализм является также реакцией известных хозяйственных групп на приближение эпохи обобществления. При таких условиях, отпор этой реакции и осуществление социалистического плана является выводом, само собою вытекающим из социально-экономической кон'юнктуры. «Ибо империализм только необходимое следствие господствующего способа производства, но совсем не разрешение созданных им противоречий» (стр. 144). Империализм, как это ни парадоксально, в перспективе своего развития является неосуществимой и трагической утопией. Вместе с тем, преодоление империализма предполагает существенно иной план мирового хозяйства, который, по выражению Гильфердинга, «становится существенным элементом в непосредственной практической политике».

Очерк «Империализм и крушение интернационала» стремится выяснить причины падения интернациональной рабочей солидарности.

Окончательный вывод, согласно которому «интернационал погиб потому, что по своей психологии, по методу работы он оказался ниже уровня событий»,—можно упрекнуть в некоторой неисторичности. Тем не менее анализ того, как отдельные национальные части социалдемократии покорно вовлекались в орбиту национально-финансовой агрессивности,—оказывается правильным.

«Интернационал жил в кругу практики, созданной предшествовавшей эпохой, он только начинал еще осваиваться с новой обстановкой, когда развитие имманентных сил современного общества потребовало в самой решительной форме ответов на новые вопросы».

Последний очерк намечает основы практической политики империализма в Восточной Европе, которой он, империализм, ничего не несет, кроме закабаления.

В частности, весь узел Восточного вопроса легко развязывается с торжеством социалистических принципов.

Бараб.

Лозовский. А. (С. А. Дридзо) Рабочий контроль. II. «Социалист». 1918. Стр. 100. Ц. 1 р. 25 к.

Рассматриваемая брошюра является первой по времени попыткой выяснить понятие рабочего контроля и подвести коекакие итоги тому, что сделано в направлении его осуществления.

Автор не является абсолютным сторонником лозунга. Напротив, его отношение к рабочему контролю скорее отрицательное, но сама брошюра интересна и заслуживает серьезного внимания.

Автор начинает с разбора отношения различных групп и организаций к лозунгу рабочего контроля. По мнению капиталистов рабочий контроль «противоречит основным экономическим законам и нарушает таковые же основные понятия о правах собственности и владениях имуществом, и потому неизбежно должен привести к гибели промышленных предприятий». (Стр. 6). Капиталисты противились всеми средствами рабочему контролю и грозили всевозможными бедствиями, предсказывая гибель промышленности, засилие иностранцев и пр. После февральской революции в общей кон'юнктуре изменилось очень немного: коалиционное правительство проводило волю совета с'ездов представителей торговли и промышленности. «А совет с'ездов понимал, что, распоряжаясь бесконтрольно всем промышленным и финансовым аппаратом в России, он в конце концов обуздает «анархические крайности» народных масс». (Стр. 10). Совет с'ездов был настроен враждебно к рабочему контролю, стараясь не допустить его проведения в жизнь, и коалиционное правительство поддерживало его, устраняя все проявления самодеятельности масс в этом направлении. В это время была выдвинута в противовес рабочему контролю мысль о регулировании промышленности, которая проводилась с самого начала войны почти во всех воюющих странах, за исключением России. Только после революции капиталисты заговорили у нас о регулировании промышленности в общегосударственном масштабе. Однако, они не создали для этого дееспособных органов. В состав регулирующих групп было введено большинство цензовых элементов, и этим был предрешен их характер. Разумеется, в таких условиях регулирующие органы были обречены на полное бездействие.

В силу этих причин рабочий класс был вынужден подойти к реализации лозунга о рабочем контроле, который по мнению центра фабрично-заводских комитетов «является ступенью к организации всей хозяйственной жизни страны на социальных началах, как первый неотложный шаг в этом направлении, делаемый снизу, параллельно с работой наверху в центральных органах народного хозяйства». (Стр. 23). Таким образом намечается переход от пассивного рабочего контроля к активному, к организации производств, к чему, по мнению автора, пролетариат ни в коем случае не был подготовлен.

Возможность следующего шага—организации промышленности—не дала пролетариату, именно благодаря отсутствию достаточного организационного навыка и подготовки.

В дополнение и в раз'яснение к декрету о рабочем контроле был выработан целый ряд всевозможных инструкций. Симпатии автора склоняются к тем из них, которые ставят себе более или менее узкие рамки пассивного контроля и наблюдения над капиталистами. Все, выходящее за пределы этих рамок, автор подвергает критике, приводит отдельные примеры того, что рабочие не могли справиться с организацией производства. Автор приходит к заключению, что инструкции не должны ни в коем случае устранять предпринимателей. Но все-таки он безусловно признает значение рабочего контроля. «Российский пролетариат, как бы ни повернулось колесо истории, каковы бы ни были шансы борющихся сил, будет держаться за идею рабочего контроля, ибо она несет нечто новое, прогрессивное для угнетенного класса». (Стр. 58).

Ошибка автора в том, что он недооценивает значения рабочего контроля, как шага по пути к социализации общества. Он не предвидел того пути, по которому контроль пошел в своем развитии.

В заключение автор приводит целый ряд резолюций, тезисов, инструкций по рабочему контролю. Эта часть его работы богата фактическим и историческим материалом, весьма ценным и полезным при изучении вопроса о рабочем контроле.

Р. Арский.

Мещеряков. В. Национализация и социализация земли. М. «Жизнь и Знание» 1918. Стр 63. Ц. 2 р.

К разрешению аграрного вопроса русские социал-демократы подошли давно и разрешали его с точки зрения революционного марксизма. В 1884 году Плеханов рекомендовал тактику революционного захвата земли восставшими крестьянами для того, чтобы другие классы населения поставить перед свершившимся фактом. (Правда, изменился впоследствии взгляд Плеханова на аграрный вопрос: в 1917 году он рекомендовал «чтобы не сделать из помещиков нищих, дать помещикам вознаграждение («скромное») за отнимаемые земли» (стр. 4).

Приблизительно с начала восьмидесятых годов, вырабатывалась аграрная программа, подвергавшаяся многим изменениям.

В 90-х годах русские социал-демократы не выставляли требования национализации земли, опасаясь, что таким путем будет чрезмерно усилена власть полицейского или буржуазного государства. В 1896 году русские марксисты представили доклад интернациональному конгрессу, в котором говорится: «национализация земли должна быть отвергаема до тех пор, пока в экономических и политических условиях страны не произойдет коренного переворота» (стр. 7). С течением времени становилось все более ясно, что такой коренной переворот неизбежен, но все же на втором с'езде Р. С. Д. Р. П. выдвигалась программа «отрезков», не вскрывавшая в корне аграрных отношений.

Русские социал-демократы очень скоро поняли свою ошибку: «они составили свою программу в расчете провести ее, как первый шаг к раскрепощению крестьян до падения самодержавия» (стр. 11). В действительности аграрное движение развивалось самостоятельно и губило самодержавие. В 1905 году движение прорвалось наружу, и тогда «партийная мысль разбилась, в общем на три течения: муниципализация, национализация и раздел» (стр. 12).

Все эти течения имели своих сторонников.

Противники национализации решительно восставали против нее, доказывая, что при капитализме она абсолютно невозможна, при чем наиболее энергичными противниками ее являлись Плеханов, Маслов и др.

В огне революции, однако, побеждала революционная идеология, и потому большинство партии склонялось к национализации.

В 1906 году обе фракции социал-демократической партии заняли определенные позиции. «Все большевики отстаивали программу с конфискацией и земельными комитетами; все меньшевики—муниципализаторы отстаивали кадетское «отчуждение» и были против революционного захвата земель крестьянскими комитетами» (стр. 19).

Меньшевики выдвинули свою программу и выставляли ее, как оффициальную партийную программу. Они защищали муниципализацию в Государственной Думе, хотя и признавали, что этот способ разрешения аграрного вопроса неудовлетворителен. «Если с думской трибуны муниципализация и защищалась в силу партийной дисциплины, то в комиссии и в пленарных собраниях довольно определенно высказывались пожелания о необходимости пересмотра аграрной программы» (стр. 26). Однако она оставалась оффициальной программой партии во весь период безвременья (с 1906 г.) вплоть до революции 17 года.

С этого времени начинается еще более глубокое расхождение в аграрном вопросе между меньшевиками и большевиками. Первые откровенно стали проповедывать «отчуждение и выкуп по справедливой оценке», вторые—выдвинули ряд чисто революционных требований конфискации земли и немедленной передачи ее крестьянским комитетам. После октябрьской революции Советское Правительство опубликовало закон о социализации земли, отвечающий основным требованиям крестьян. Меньшевики и социалисты-революционеры в один голос завопили об отказе большевиков от старых взглядов и о принятии ими мелко-буржуазной социализации. В этом они были неправы: социализация была утопией в том виде, в каком она проповедывалась эс-эрами. Она стала революционным требованием при изменившихся условиях и при переходе к социализму. «Социализация земли не есть социализм, в ней нет ничего социалистического, но отмена частной собственности на землю без выкупа безусловно полезна и необходима для социализма; лозунг запрещения наемного труда всюду поможет социалистам развить идею социализма и в дерев-

ниях; уравнительное землепользование, переделы, право на землю—сейчас не вредны для социализма» (стр. 50). В силу этого принятие социализации не меняет дела и не является отказом от старой позиции социал-демократов.

В настоящее время стираются старые партийные рамки. «В рассмотренном отношении, социализация земли ничем не отличается от национализации», (стр. 57), так как в обоих случаях земля становится общенародным достоянием.

Таково содержание этой брошюры, знакомящей с эволюцией аграрной программы большевиков и выясняющей современное отношение коммунистов к земельному вопросу.

Брошюра издана, как и все книжки этого книгоиздательства («Жизнь и Знание»), очень хорошо и читается с интересом.

Р. Арский.

Павлович, М. (Мих. Вельтман). Итоги мировой войны. (Жатва смерти. Стоимость мировой войны. Военные расходы. Война и промышленность. Мировой голод). Книга X-я (серии «Основы империалистической политики и мировая война»). М. Изд-во В. Ц. И. К. 1918. Стр. 138. Ц. 2 р. 50 к.

Брошюра Павловича является первой серьезной попыткой учесть, во что обошлась всемирная война европейским народам. Это очень важный и интересный вопрос, которым до сих пор слишком мало занимались.

С начала войны по первое марта 1917 года потери людьми в союзных армиях составляли 5.719.400, а в армиях центральных держав 3.384.800» (стр. 1). Таким образом, за это время потери (убитыми, ранеными и искалеченными) составляли 9.104.200 человек,—цифра невероятная и жуткая по своей величине. «Современная война по абсолютному размеру человеческих потерь превосходит сумму потерь за все предыдущие войны, начиная с 1790 г., т. е. за 125 лет» (стр. 10). При современном способе ведения войны каждая битва, каждое наступление поглощает громадное количество человеческих жертв, например, «одна битва в Шампани стоила французам и немцам большего числа жертв, чем вся франко-прусская война 1870—1871 г., тянувшаяся 210 дней» (стр. 10).

То косит смерть свою жатву во славу империалистов и капиталистов. Но не только жертвы людьми несут воюющие страны. Истребляется колоссальное количество материальных благ. Часто даже оценить их невозможно. Как выразить в цифрах разрушения войны?

Затрачены громадные денежные средства на ведение ее. Английский статистик Эдгар Креммонд сделал попытку подсчитать стоимость первого года войны, которая оказалась равной 91 миллиардам рублей. Последующие годы поглотили еще больше: по подсчетам автора война обошлась до конца 1917 года почти в 600 миллиардов рублей. «Эта чудовищная сумма превышает все национальное богатство Англии, Австрии, Бельгии, Германии, Франции и России вместе взятых» (стр. 13).

Это такие грандиозные разрушения, что все страны должны будут в течение двух поколений трудиться, дабы восстановить эти потери материального свойства.

Война с каждым днем поглощала все большие суммы: в 1914 г. день ее стоил России 11,7 миллионов рублей, в начале 1917 г. — приблизительно 58 миллионов рублей, т. е. «ежедневные расходы России на войну в 1917 году в пять раз превышали такие же расходы в 1914 году» (стр. 17).

Россия не составляла исключения в этом отношении. «По данным, относящимся к началу июня 1918 г., государственный долг Европы к этому моменту достиг чудовищной цифры — тысячи миллиардов франков. Одни проценты по ним равняются—60 миллиардам ежегодно. Золотые запасы уменьшились. Количество бумажек возросло до 90 (девяносто) миллиардов. Расходы России на войну, выражающиеся в задолженности ее, приблизительно, составляют около 60 миллиардов рублей, т. е. каждая рабочая или крестьянская семья в шесть человек оказывается награжденной долгом в 2.400 рублей» (стр. 23).

Война привела Россию к полному финансовому банкротству: платежи по займам составляли бы свыше 50% ее национального богатства. В силу этого единственным выходом было аннулирование этих долгов, которые тяжелым бременем легли на плечи Советской России. Эти потери не могут быть даже особенно ощутительны для Западной Европы, так как расходы ее грандиозны, например, «в три—четыре месяца войны Франция затрачивает на военные рас-

ходы сумму, превышающую весь внешний долг России по отношению к Франции» (стр. 29). Справиться с финансовыми затруднениями Россия не могла: она затоплена была потоком бумажных денег; количество их возросло в десять раз по сравнению с довоенным временем. Выпуск их обесценил наш рубль и привел к вакханалии дороговизны, которую мы переживаем.

Франции война с несомненностью несет вырождение еще более сильное, чем Наполеоновские войны, от которых страна физически не могла оправиться в течение столетия, а между тем, Франция до войны была банкиром Европы, одной из наиболее устойчивых в финансовом отношении стран. «За $3^1/_2$ года войны Франция уже заплатила Молоху милитаризма в 20 раз большую сумму по сравнению с военной контрибуцией (5 миллиардов франков), которую она же заплатила Германии в 1871 году» (стр. 51). Война несет ей, как и другим странам, все усиливающийся голод и разруху.

Не лучше обстоит дело с Англией. «По заявлению Асквита, сумма военных расходов Англии за первые 27 месяцев войны равняется, приблизительно, сумме 20 бюджетов Англии, предшествовавших войне, считая в том числе и расходы на войну с бурами» (стр. 57). За три с половиной года Англия потеряла свыше $^1/_3$ своего национального богатства, лишилась многих важных рынков сбыта и вдобавок затратит еще много миллиардов на ликвидацию войны и ее наследства. Австрия разложилась в финансовом отношении еще больше, чем ее соседи: за первые два года войны ее долги превысили сумму в 30 миллиардов крон, т. е. «военные расходы Габсбургской империи поглотили почти $^1/_4$ часть всего национального богатства страны» (стр. 63), к июню 1916 г.—$^1/_3$ национального богатства.

Экономическое и финансовое положение Германии накануне войны было вполне удовлетворительным, о чем свидетельствуют «секретные обозрения» русского правительства, и тем не менее она тоже подошла к финансовому банкротству, несмотря на все ухищрения ее государственных деятелей. Военные расходы ее составляют «немногим менее $^1/_3$ всей суммы национального имущества страны (стр. 85). Даже в этой организованной стране чувствуется сильнейший развал: машины износились до невозможности и дают 30% полезной работы вместо нормальных 80%.

В тисках войны и дороговизны гибнет Италия, которую положительно обобрали английские капиталисты, вздувшие, например, цены с 30 франков за тонну угля до 200.

Такая же картина всеобщего разорения и голода наблюдается во всех нейтральных странах, у которых война отняла все реальные богатства.

Положение должны спасать Соединенные Штаты, выступившие последними на арену войны. Они обладают громадными рессурсами в виде угля, железа и сельско-хозяйственных продуктов, но и у них начались известные затруднения.

Все, без исключения, страны начинают голодать, и каждый месяц войны угрожает дальнейшим усилением голода и нищеты. Промышленность испытывает серьезные затруднения, потому что «человечество буквально расстреляло на воздух в интересах кучки эксплоататоров миллиарды тонн железа, угля и хлопка» (стр. 125).

Интернационалу смерти и разрушения, повлекшему эти миллиардные жертвы и оставившему горы трупов, море слез и страданий, должен быть противопоставлен интернационал революции, который один спасет человечество от грозящих ему ужасов.

Таковы бесспорно верные выводы автора, сделанные им на основании строгого анализа фактов и цифр.

Р. Арский.

История.

История освобождения России. Вып. I. М. Изд-ство Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Советов Раб., Солд., Кр. и Каз. Депутатов. 1918. Стр. 46. Ц. по подп. 8 р.

Русская революция наконец-то дождалась достойного ее исторического памятника. До настоящего времени не существовало полной истории русского революционного движения, написанной с марксистской точки зрения и обнимающей все развитие ее от первых революционных зачатков в XVI веке и, хотя бы, до рабочего восстания 1905 года. Книж-

ка Туна является слишком неполной, устарелой даже для того периода, которому она посвящена, и вдобавок написанной человеком совершенно чуждым этому движению; очерк революционного движения в России Бочкарева грешит поверхностностью, конспективностью и отсутствием социалистического базиса. Наряду с этими общими обзорами имеется огромный мемуарный материал, рассеянный в таких исторических журналах, как «Былое», «Голос Минувшего» и т. п., а также ряд монографий, посвященных отдельным эпизодам революционного движения или отдельным факторам, участвовавшим в нем: таковы отдельные истории «Русской интеллигенции», «крестьянства» и даже «рабочего класса». Потребность в общей истории русского освободительного движения, которая была бы написана под углом истинного революционного и социалистического понимания ее, таким образом, чувствовалась очень живо вплоть до настоящего времени.

Совершенно исключительное и по богатству материала, и по роскошной внешности издание, начатое Издат. Отд. Всеросс. Центр. Исполн. Ком., счастливо восполняет этот пробел. Рассчитано оно на 10—12 выпусков, в которых будут помещены отдельные статьи-монографии с массой иллюстрационного материала, принадлежащие перу таких писателей-революционеров, как Н. Бухарин, А. Луначарский, В. Ленин, М. Покровский и многие другие.

Недаром предисловие к «Истории» многозначительно указывает, что «сотрудники нового издания откровенно заявляют, что они не ищут никаких промежуточных цветов—и что красное знамя они считают, прежде всего, знаменем партии, ведшей рабоче-крестьянскую революцию осенью прошлого года, т.-е. коммунистической партии. Подавляющее большинство нового штаба сотрудников принадлежит именно к этой партии—и это еще раз закрепляет то основное положение, что история революции пишется теми же руками, которыми она и делалась». Только что вышедший первый выпуск «Истории» содержит в себе законченное исследование М. Н. Покровского «Царизм и революция» и начало монографии В. М. Фриче «Общественно-литературные течения конца XIX века».

Интереснейшее исследование М. Н. Покровского рассматривает, прежде всего, эволюцию русской монархической власти в связи с экономическими отношениями древней и новой Руси, а затем эволюцию самой «идеи царизма» среди народных масс—крестьянских и рабочих.

Первой революционной верой русских народных масс был **мистический царизм**, согласно которому «народный» царь должен был наказать лиходеев дворян и купцов и освободить закабаленных крестьян и, вообще черных людей. Именно эта идеология «мистического царизма» вызвала к жизни всех наших самозванцев, всех нелегальных царей, начиная с Дмитрия и кончая Пугачевым. Однако, остатки этой идеологии дошли до нашего времени, и несомненно, что под ее знаком происходили события 9-го января 1905 года. Именно поэтому, как справедливо указывает М. Покровский: «Еще накануне 9-го января рабочие пугливо сторонились «господ»—во образе социал-демократов и социалистов-революционеров. Теперь, однако, и массу отделяла от революции очень тонкая перегородка, и уже на другой день вечером, после расстрела (9 января) выступали ораторы из социал-демократов, рассказывает очевидец: «их слушали теперь» (38 стр.).

Остается пожелать новому изданию Центр. Исполн. Ком. самого широкого распространения и при этом не только в кругах интеллигенции, но среди широчайших народных масс, этих истинных творцов освобождения России.

В. Г.

Кунов, Г. Борьба классов и партий в Великой Французской Революции 1789—1794 г. Перевод, предисловие и дополнения И. Степанова. Вып. I, II и III—IV. М. «Волна». 1918. Стр. 96, 103 и 175. Ц. 2 р. 50 к., 2 р. 50 к. и 4 р.

Труд Г. Кунова—весьма ценный вклад в историю Великой Французской Рево-

люции. Многочисленные труды консервативных и либеральных историков, посвященные ей, несмотря на значительные свои размеры, далеко не дают правильного описания этой интереснейшей страницы в истории нового времени и, что особенно важно, не дают такого разбора событий революции, который обнаружил бы перед нами все ее двигательные силы. В конце-концов, все или большая часть историй революции представляют ее нам чрезмерно элементарно: борьба дворянства и духовенства с третьим сословием—первый ее этап; далее следуют: борьба жирондистов, представителей состоятельной буржуазии, с якобинцами; торжество якобинцев, опирающихся на «низы»; взаимное поедание якобинскими вождями друг друга, и, наконец, спасительная реакция, которая ставит буржуазию, носительницу прогресса, на заслуженное ею место.

Г. Кунов—марксист. Пользуясь соответствующим методом, он вскрывает подоплеку событий. В первой главе своего труда он изображает те экономические и классовые противоречия, которыми был чреват строй Франции к началу революции; выясняет, что среди духовенства имело место классовое расслоение, что интересы придворного дворянства, «дворянства мантии» и феодального были разными, что буржуазия делилась на ряд слоев с несовпадающими интересами, что стремления подмастерьев не были одинаковыми со стремлениями промышленных рабочих и т. д. *).

После такого вступления, проливающего свет на иначе непонятную пестроту событий революции, Г. Кунов изображает борьбу классов и партий в 1789—1794 г.г. во Франции, пользуясь своеобразным методом изложения. Он показывает ее нам сквозь призму прессы разных партий эпохи; политические воззрения и мотивы их он выражает словами соответствующих газет. Метод этот тем хорош, что он дает более верное, более жизненное, менее риторическое изображение действительности, чем то, которое можно получить на основании парламентских прений.

После общего обзора партий и партийной прессы в 1789 г. во II-ой главе своего труда, Г. Кунов в дальнейших главах рассказывает революцию, перебирая прессу роялистско-клерикальных и аристократически-конституционных групп 1789—1792 г.г., либеральную, жирондистскую, дантонистскую, якобинскую: две главы он посвящает «Другу народа» Марата и «Отцу Дюшену» Гебера.

Метод Г. Кунова придает совершенно особый интерес чтению его книги. События французской революции приближаются к нам, становятся имеющими плоть и кровь. Мы видим и как-то непосредственно понимаем, что крупная буржуазия, добившись признания себя со стороны прежних господ, став на одну с ними доску, должна была предпочитать «коалицию» с ними—шумным «низам», которые не хотели во-время остановиться.

Прочитывая выдержки из якобинских «Парижских революций», протестующих против захвата парижского муниципалитета крупными «цензовиками», требующих упрощения системы выборов, ополчающихся против «военщины», ведущих борьбу с налоговой системой жирондистов, не соглашавшихся на применение «принципа прогрессии» к подоходному налогу и на освобождение прожиточного минимума от обложения,—мы воспринимаем французскую действительность с такой же почти яркостью, как воспринимали русскую, по нашей демократической и социалистической прессе.

Главы, посвященные Камилю Демулену, Марату, Геберу, воссоздают образы их с большою яркостью, отводят каждому из них соответствующее место в истории революции, разрушают те легендарные представления, которые с этими именами связаны; особенно интересна глава, посвященная Марату, показывающая, как далек он был от того «чудовища», каким его изображают буржуазные историки.

Интересно из книги Г. Кунова узнать, что лето 1789 г. ознаменовалось во фран-

*) До Г. Кунова подобный анализ сделал К. Каутский в книге: „Противоречия классовых интересов в 1789 г.“

цузской провинции жестокими разгромами «дворянских гнезд» крестьянами, что отказ дворян от феодальных прав в ночь на 4-ое августа 1789 г. был не идеалистическим порывом, а шагом тонкого расчета и т. п.

Тому, кто хочет понять французскую революцию, следует ознакомиться с работой Г. Кунова. И знакомство это даст понимание не только французской революции, но и современной русской и надвигающейся мировой, так как, говоря словами самого Г. Кунова, противоречия классовой борьбы во Франции конца XVIII-го века «не изжиты и в настоящее время, так что борьба современности во многих отношениях является лишь продолжением борьбы 1789—1794 годов».

А. Б—ский.

Покровский. М. Очерк истории русской культуры. Часть II. М. „Мир". 1918. Стр. 231. Ц. 9 р.

Через 3 года после выхода первой части появилась, наконец, долгожданная вторая часть „Очерка истории русской культуры", М. Н. Покровского. Надо смело сказать, что продолжительные ожидания читателей первой части не обмануты и они вознаграждены сторицей. Вторая часть дает столь же богатый и столь же блестяще разработанный и оригинально освещенный материал; зато плюсом по сравнению съ первой частью является то, что новый выпуск вышел в свет после падения царизма, после уничтожения всяких цензурных запретов. А эти запреты в недоброй памяти недавнее время сказались бы с особенной силой именно на второй части, трактующей о вопросах религии и политической идеологии. Законченный ныне очерк истории русской культуры Покровского является ценнейшим вкладом в нашу научно-популярную литературу, он должен явиться настольной и руководящей книгой каждого сознательного рабочего. И очерк, и большая „Русская история" того же автора (надо только пожелать скорейшего нового издания „Истории") дают стройное и выдержанное в духе материалистического понимания истории изображение судеб нашего прошлого; труды Покровского поистине могут научно учить и общественно воспитывать.

Если первый выпуск целиком посвящен былъ характеристике экономического и политического развития России, то во втором автор останавливается на фазах духовной культуры, религиозных представлений и политической идеологии. С захватывающим интересом читаются главы, посвященные религии. Автор во всеоружии новейших данных сравнительной истории религий мастерски конструирует первобытные верования славян и следит за их дальнейшей эволюцией на общем историко-социологическом фоне. Многое в построении М. Н. Покровского покажется, быть может, слишком смелым и отчасти спорным; так автор излишне много подчеркивает значение страха перед покойником и едва-ли вполне справедлив, отводя в разряд устарелостей фетишизм. Тем не менее, как эти страницы, так и главы, посвященные русской церкви и сектам, являются во многом новым словом в нашей науке и блестяще пробивают традиционные толщи. Свежестью и новизной отличаются также главы, трактующие о политической идеологии. Можно отметить любопытные характеристики Пересветова с указаниями на западные влияния, Татищева, Щербатова и „монаршизма" конца XVIII века. Весьма интересны страницы, посвященные судьбам буржуазной монархии в России и ее идеологии: в этой комбинации оригинально и остроумно использован Чичерин. Что касается до заключительной главы, озаглавленной „Демократия", то широкий и глубокий захват начала как-то не вполне соответствует беглому, конспективно-сжатому концу. Здесь, конечно, не надо упускать из виду оговорок автора в предисловии, что книга заканчивалась в апреле 1918 года и что автор располагал в это время полувечером в неделю в качестве «ученого досуга.» Можно лишь пожелать, чтобы в новом издании (мы не сомневаемся, что это будет очень скоро) автор несколько расширил и дополнил заключительную главу, придав этим еще больше стройности и законченности своему крупному и выдающемуся труду.

И. Николин.

Рязанов, Д. Две правды. Народничество и марксизм. Очерк из истории русской интеллигенции. П. 3 изд. Из—ство Птр. Совета Р. и Солд. Д. 1918. Стр. 76. Ц. 90 к.

Книжка Д. Рязанова, как видно из заголовка, выходящая третьим изданием, не литературная новинка. Она написана чуть ли не двадцать лет тому назад, когда разгоралась борьба между развившимся марксизмом и возрождавшимся народничеством.

Д. Рязанов хотел доказать, что русский марксизм не продукт «чужеядного творчества», а, наоборот, звено столь же необходимое в развитии русской общественной мысли, как и народничество 70-х годов, что он не является отказом от наследства 70-х годов, а, наоборот переработкой его и дальнейшим развитием «основной тенденции» революционного народничества.

«Основная тенденция» же эта заключалась в стремлении создать царство социализма. Семидесятникам казалось, что в России легче этого достигнуть, чем в Европе, уже попавшей в лапы капитализма; им казалось, что Россия может избежать выварки в капиталистическом котле. И вот, поставив во главу угла своей деятельности идею защиты «интересов» народа, они пошли в народ. Но «мнения» «рабочих масс» в России в действительности не оказались «согласными в существенных основаниях с современным социализмом». Народ оказался «Федорой». А между тем, Россия становилась подобна Европе, капитализм вторгался в нее. После отчаянной попытки народовольцев сокрушить деспотизм, чтобы создать благоприятные условия для великой задачи избавления России от шуйцы капитализма,—большинством интеллигенции овладели уныние и разочарование: народ остался глух, «идея, отрешенная от масс» оказалась бессильной.

А на Западе в это время оживало революционное движение, развивался социализм. Мысль, обращенная туда, открывала, что европейский пролетариат более способен к восприятию социализма, чем пропитанный общинными инстинктами русский народ. Исследование показывало, что народ в целом отнюдь не предрасположен к социализму, но что есть в нем элементы—пролетарские, которые интеллигенцию могут понять и пойти с нею, что интересы пролетариата имеют стать интересами большинства народа, интересами человечества, что поэтому в своей деятельности нужно руководствоваться интересами пролетариата. Интересами труда вообще, интересами всех трудящихся руководствоваться нельзя, ибо на пути к социализму важна не только сущность труда, но и его **форма**. К социализму ведет труд, оторванный от владения средствами производства.

Поняв это, часть интеллигенции пошла по пути марксизма, который и оказался, как это показывает переживаемая нами революция, правильным. Те же, кто остались при старом критерии своей деятельности—интересах всего народа, оказались далеко в стороне от социализма.

Новое издание книжки Д. Рязанова в настоящее время,—когда часть интеллигенции стоит на распутьи, не зная, идти ли ей с пролетариатом,—весьма уместно. Она убедительно доказывает, что **социалистической** интеллигенции один путь, с пролетариатом, ибо с ним «интеллигенции», «идеологам, возвысившимся до теоретического понимания всего хода исторического развития», не грозит уже опасность остаться непонятой и быть раздавленной господствующими классами».

Издана книжка Д. Рязанова хорошо. Цена невысока.

А. А—ич.

Прикладные науки.

Серединский, С. Основы газетного дела. П. Изд. Пгр. Совета Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 76. Ц. 2 р. 30 к.

Небольшая книжка С. Серединского появилась как нельзя более кстати. Цель ее—придти на помощь, главным образом, провинциальной прессе, тем газетным работникам, которые принуждены издавать в глухих углах России советские газеты, будучи лишены предварительной газетной технической подготовки.

Книжка представляет из себя как бы краткий учебник, включающий и часть редакционную (размещение материала, организация хроники, составление газетных отделов и пр.) и часть техническую (верстка материала, корректура, набор и т. д.).

Несмотря на чрезвычайную сжатость изложения, книга дает совершенно достаточные сведения для редактирования интересной и серьезной (по форме) газеты, вместо тех макулатур, которыми обычно должна пробавляться провинция.

К числу вполне естественных недочетов этого первого опыта краткого газетного учебника—относятся: отсутствие некоторых важных газетных отделов, так, напр.: библиографического, иностранной жизни, полное отсутствие указаний относительно иллюстрационного материала, слишком поверхностная трактовка театрального отдела, столь важного в провинции, и т. д.

Небольшая статья Н. Ленина: «О характере наших газет» блестяще намечает основные линии содержания текущей советской прессы.

«Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе. Побольше проверки того, насколько коммунистично это новое».

Книга С. Серединского является абсолютно необходимым пособием для советских газетных работников провинции, и издательству Петроградского Совета, выпустившему ее, надлежит принять все меры для самого широкого распространения ее по всей России.

В. Г.

Искусство.

Богданов, А. Искусство и рабочий класс. М. Изд. журн. «Пролетарская Культура». 1918. Стр. 79. Ц. 1 р.

В каждой программе, в каждом мировоззрении есть область тем и вопросов, требующих дальнейшей разработки, новой формулировки, более точного определения: новые факты требуют новых обобщений и выводов,—и, как особо ценные и значительные, выделяются работы, которыми намечаются такие обобщения и выводы, углубляющие и развивающие прежние. К подобным работам принадлежит книга «Искусство и рабочий класс» А. Богданова. В ней А. Богданов вскрывает сущность пролетарской поэзии и в связи с этим очерчивает задачи рабочего класса, как судьи и оценщика, по отношению к художественным ценностям прошлого.

Сложный и мало разработанный вопрос о том, в чем же отличительные признаки именно пролетарской поэзии, как таковой,—этот вопрос разрешается А. Богдановым с большой ясностью и широтой мысли. «До сих пор», пишет он, «поэзия рабочих слишком часто, вероятно, в большинстве случаев—не рабочая поэзия. Дело не в авторе, а в точке зрения» (стр. 23).

Отличительные же признаки пролетарской точки зрения—преодоление духа подчинения и авторитета, а также духа буржуазного индивидуализма; в сознании пролетарского поэта личность выступает самостоятельной и свободной, но в тесном, товарищеском единении с окружающей ее средой пролетарского коллектива. Пролетарская поэзия является выразительницей дум, стремлений, чувств всего коллектива, она «организует» коллективный «опыт» пролетариата в смысле придания этому опыту большего классового единства, стройности, согласованности. Эта социальная по существу задача—классовая организация коллективного опыта—и является задачей всякого искусства, в том числе и искусства былых времен—феодального и буржуазного. Сказанное дает исходный пункт для ответа на вопрос, неизбежно возникающий у представителя пролетарского миросозерцания: пролетариат на пороге новой культуры находит огромное художественное наследство культур до-пролетарских—как принять и как понять ему это наследство? должен ли он изучать феодальное и буржуазное искусство или отвергнуть их? Безусловно должен изучать их—отвечает Богданов, ибо всякое произведение искусства разрешает определенную организационную задачу, и рабочему нужно воспользоваться организационным опытом столетий, нужно знать

иные организационные типы, чем тот, который ему предстоит создать. Но, изучая богатые материалы прошлого, он должен быть свободен от классовой точки зрения этого прошлого, должен проводить все его достижения через горнило своей пролетарской, коллективистически-трудовой критики.

Определение искусства, даваемое Богдановым («искусство есть организация живых образов») не ново. Но интересно то широкое и плодотворное развитие, которое получил у Богданова марксистский взгляд на искусство, ценен и остроумен впервые примененный к искусству термин—«организация», который, благодаря его жизненной понятности, и, в наше время, особой осязательности и повсеместности, как то приближает к нам, делает более понятным художественное творчество, самую структуру его, реально вводит его в круг человеческих деятельностей.

Некоторым недостатком книги является стремление автора заранее регламентировать те новые художественные формы, которые будут выработаны грядущим пролетарским искусством; несколько удивляет, напр., та чрезмерная и безапелляционная определенность, с которой А. Богданов советует пролетарским писателям учиться художественной форме именно у таких-то представителей старого искусства, а таких-то отвергать, или—одним художественным приемом пользоваться, другого—избегать. Такое предписывание образцов изучения и приемов творчества мало вяжется с представлением *о нарождающейся новой культуре*, как о чем-то стихийном, громадном, многовековом, чему суждено внести в сокровищницу человечества новые, небывалые и вполне своеобразные достижения.

Написана книга интересно, с большой внутренней страстностью и проработанностью. Издана средне.

Ю. М.

Художественная литература.

Венок Коммунаров. Литературный сборник памяти Володарского. 1891—1918 г. П. Изд. Петр. С. Р. и К. Д. 1918. Стр. 67. Ц. 2 р.

Сборник памяти Володарского—это товарищеский, дружеский дар умершему, это попытка удержать для будущего его образ, образ бойца и работника. Участники сборника стремились охарактеризовать его не только внешне, но самой теплотой своего чувства выявить то, чем он был в среде работников-коммунистов.

Первая часть сборника заполнена стихами Князева, Аксень-Ачкасова, Бердникова, Сорокина, Попова, Крайского, в литературном отношении довольно слабыми, за исключением стихов Князева,—вторая состоит из речей и воспоминаний о Володарском, его последней статьи и двух речей, из которых особенно важна последняя (произнесенная 13 апреля 1918 г.). В ней автор разбирает значение Брестского мира, излагает свой взгляд на международное положение России и на причины тяжелого экономического состояния, вызванного не политикой большевиков, но всеми предшествовавшими условиями войны и революции.

Из его речей мы видим, что Володарский верно и без прикрас оценивал тяжелое положение страны и трудность созидательной работы в ней.

Эта книга, кроме памятника Володарскому, является новым и полезным напоминанием об основных точках зрения коммунистов на ряд вопросов внутренней и внешней политики

Книга издана хорошо и тщательно; неудачен только черный шрифт на обложке рядом с красным: это создает пестроту.

В. С.

Гастев, А. (И. Дозоров). Поэзия рабочего удара. П. Изд. Пролеткульта. 1918. Стр. 150. Ц. 2 р.

Небольшая книга А. Гастева (содержащая ряд стихотворений, «стихотворений в прозе», рассказов)—не только книга: она—событие. Она—первый камень ныне возводимого здания новой, пролетарской литературы—и каменной твердостью и четкостью пролетарского самосознания поражает каждая ее страница. В Гастеве резко выражена та сила, которая

делает пролетариат сокрушителем прошлого и творцом грядущего: бесстрашная и мятежная сила самоутверждения личности на широкой основе пролетарски-коллективистического мировоззрения и мировосчувствия,—и трудно найти для этой силы лучший символ, нежели тот, в который воплотило ее воображение А. Гастева: растущая в бездонные выси «кованная башня, где слиты в единую душу работники мира, где слышится бой и отбой их движенья, где слезы и кровь уже давно претворились в железо»,—башня, пробившая своим шпилем небо, которому молились «прежние люди».

Корни, питающие творчество А. Гастева, глубоко уходят в ту плодоносную почву пролетарской среды, в условия которой он, рабочий-металлист, был поставлен судьбой. В средоточии его творчества стоит завод—горнило новой жизни, опора его мысли, источник его вдохновения. А. Гастев без конца готов воспевать молоты, за которые тысячи человек берутся в одно мгновение, гудки, поющие «утренний гимн единства», трубы, колеса, валы, шатуны, вагранки... Он чувствует себя единым с заводом, чувствует, как завод перековывает старую жизнь и его самого—для грядущего. Глядя вверх на «железный кованный простор» заводских балок и угольников, похожих на «плечи великана», он «выпрямляется», «вырастает»:

«В жилы льется новая железная кровь.
У меня у самого вырастают стальные плечи и безмерно сильные руки.
Я слился с железом постройки.
Поднялся.
Выпираю плечами стропила, верхние балки, крышу.
Ноги мои еще на земле, но голова выше здания.
Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих усилий, а уже кричу:
— «Слова прошу, товарищи, слова!..»
И не рассказ, не речь, а только одно, мое железное, я прокричу:
«Победим мы!»

Таков идеологический стержень книги Гастева. Но и с чисто художественной стороны она заслуживает исключительного внимания. Прежде всего, замечательна причудливая и смелая яркость замыслов Гастева. Пока—его более привлекает необычное, напряженное, колоссальное; оттого он с особой охотой и уменьем берется за разработку таких тем, которые дают ему возможность раздвинуть рамки изображения далеко за пределы окружающей повседневности: преображение сибирских дебрей мощными средствами грядущей техники, фантастический экспресс, прокладывающий себе путь сквозь волны океана и камень гор, массовое вторжение людей будущего в недра земли, башня, растущая в безконечность пространства. Но попадаются у Гастева и острые изображения окружающей действительности: обычно, это—массовые картины, рисующие миги величайшего напряжения—страха, ненависти, восторга.

Стихия Гастева—движение. У него нет длинных характеристик, вступлений, неподвижных описаний: все сжато, стремительно, все—насквозь действие. Эта стихия движения, порыва отчеканила наиболее характерные его образы, неповторяемо-оригинальные: планеты у него «бешенно крутятся на своих осях», шпиль «растет и летит в небо», огонь рушится «обвалами», луч прожектора напоминает «застывший выстрел». Сам ритм гастевской прозы—весь движение, напряжение, порыв: вслушаемся хотя-бы в ритм заключительных строк очерка «Социальная стратегия», мастерски передающий лихорадочное напряжение работы в заводской конторе:

«Ни одного восклицания не вырвалось больше в конторе.
Все заработали, заспешили, нагнулись.
Шуршанье, скрип, треск, звон.
И гнали, и гнали, и гнали.
Почасовая плата вводилась с нынешнего дня».

Слабее чисто-стихотворные произведения книги: Гастеву тесно в пределах «правильных» размеров, единообразно чередующихся рифм—а новых, более гибких форм в этой области он еще не нашел. Отметим также известное однообразие в выборе тем, отличающее книгу, местами—некоторую напыщенность и много-

словие. Пожелаем же Гастеву не удовлетвориться уже созданным, а найти пути к новым, еще более значительным достижениям. Всякому сознательному товарищу-рабочему непременно следует ознакомиться с книгой Гастева; к тому же стоит она недорого (за 150 страниц мелкого шрифта—2 рубля) и издана хорошо.

Михаил Торов.

Горн. Книга первая. М. Изд. Московск. Пролеткульта. 1918. Стр. 96. Ц. 3 р. 50 к.

Наконец-то, на смену тоненьким тетрадочкам и тощим книжечкам начинают появляться настоящие солидные и большие журналы.

«Горн» представляет из себя, если не ошибаемся, первый почин, сделанный в этом направлении, и в этом заключается его главная ценность.

В противоположность ряду чисто-теорегических журналов (Пролетарская культура и др.), «Горн» стремится изображать практическую работу (Пролеткульта) по претворению теоретически-жизненных задач в жизнь». В соответствии с этим, «Горн» распадается на те же отделы, что и Пролеткульт, в будущих номерах намечен отдел «Общение с читателями» и т. д.

«Горн» до некоторой степени выполняет взятую на себя задачу. Так, он дает ряд пролетарских стихотворений (С. Родова, М. Герасимова и др.) и рисунков, а также сообщает некоторые сведения о внутренней работе Московского Пролеткульта. Остается лишь пожалеть, что материал этот не составляет преобладающего содержания журнала, которым по-прежнему являются чисто-теоретические статьи о «строительстве пролетарского театра», о «задачах музыкального отдела», о «задачах отдела изобразительных искусств». Хочется сказать: поменьше программ, задач и планов и побольше реальных достижений, пускай несовершенных,—но чисто-практических результатов.

К числу недостатков «Горна» относится его внешний мало художественный вид, который вряд ли уместен для журнала, посвященного искусству и культуре. Нельзя не отметить также некоторой неряшливости в составлении библиографического отдела. Так в рубрике «книг, поступающих для отзыва», вначале курсивом дано название книги, а за ним уже фамилия автора, не указано число страниц, место издания и т. п.

Наиболее интересным и полезным отделом является «Литературно-издательский», дающий статьи по т е х н и к е творчества. Из статей можно отметить: М. Торова—«Основы стихотворной техники В. Брюсова», Гр. Любимова—«Из прошлого русской народной музыки» и особенно А. Соколова — «Конструкция сцены» (с чертежем). Поэзия и проза «Горна» не блещут оригинальностью и свежестью.

Хочется, чтобы Горн как можно скорее избавился от всех досадных недочетов и стал бы действительно воплощать ту задачу, которую он принял на себя, а именно—отражение достижений пролетариата в области искусства.

Во всяком случае по полноте и содержательности трактуемых вопросов, «Горн» не имеет соперников среди издающихся сейчас журналов.

В. Г.

КНЯЗЕВ, В. Красное Евангелие. II Изд. Птрг. Совета Р. и К. Деп. 1918. Стр. 58. Ц. 1 р. 20 к.

Некогда, в нетерпеливом чаянии общеевропейской революции, молодой Пушкин писал будущему декабристу В. Давыдову:

Ужель надежды луч исчез?
Но нет!—мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся,
И я скажу: Христос Воскрес.

Через сто лет—откликом и отзвуком на эти строки кажется книга молодого поэта В. Князева, с дерзкой смелостью озаглавленная «Красное Евангелие» («свиток первый»). «Красное Евангелие»—книга, рожденная из стихии октябрьской революции. Сравнивая эту книгу с такой любопытной и тонкой попыткой поэта-интеллигента схватить дух октябрьской революции, как «Двенадцать» А. Блока, убеждаешься, насколько реальнее, проще, подлиннее «октябрь» В. Князева, нежели причудливо дополненные воображением наблюдения Блока «со стороны». «Красное Евангелие»—книга резкобоевая, проникнутая беспощадным вдохно-

вением борьбы за новую, творимую в буре пролетарской революции, жизнь, — книга, призывающая «смертельно ненавидеть», чтобы «научиться любить», клеймящая уничтожающим презрением тех «рабов лукавых», которые, неуверенные в победе революции, сохраняют надежду на «пощаду с черного крыльца».

О душонка обрубленно куцая
С облысевшим крылом,
Революция, есть — революция:
Бурелом!

Октябрьский переворот — начало переворота мирового, наступающее преображение, воскресение мира из мертвых:

Только в грозе воскресенье —
В красной, всемирной грозе!

Огромное Красное Евангелие — благовестие новой жизни — разгибает ныне пролетарская революция: в воображению поэта рисуется образ Второго Христа, возвещающего правду нового мира — правду дерзновения, правого гнева, верности земле ....

Таков завет Христа Второго:
«Погибель тем, кто духом нищ —
Их буря выметет сурово
Из их пылающих жилищ.
И не утешится смиренный,
Точащий рабскую слезу,
И — не наследует вселенной,
Кто кроток в красную грозу!»

Как поэзия непосредственно и страстно переживаемой борьбы, битвы является нам поэзия В. Князева в «Красном Евангелии» — и это делает понятными, почти неизбежными, недостатки книги: известную ограниченность круга тем, порой встречающуюся подмену силы выражения — его грубостью («гадюка», «гнилая порода», «эксплуататор — вор»), слабость к ходячим газетным лозунгам, уместным в политической статье, а не в стихотворении («пора определиться», «в борьбе не партии, а классы») и т. п. Но эти недостатки книги В. Князева с избытком выкупаются ее достоинствами. Революция, «открывшая грудь» молодого поэта «для мира», расширила его кругозор, помогла ему найти в себе еще нетронутые творческие силы для воплощения его новых, более широких и свободных замыслов. Уже из приведенных отрывков видно, какую крепость, яркость и звонкость умеет теперь придавать своему стиху В. Князев — и есть основания надеяться, что «свиток первый» «Красного Евангелия» означает собой лишь начало его нового художественного пути.

Мы не сомневаемся, что книга В. Князева найдет широкое распространение среди пролетарских кругов, тем более, что издана она хорошо и стоит недорого.

М. Торов.

Новые книги.

Социальные науки.

Бауер, О. Национальный вопрос и социал-демократия. В изложении и со вступительной статьей С. Семковского. Приложение: Указатель литературы по национальному вопросу на русском и иностранных языках. П. „Книга". 1918. Стр. 152 Ц. 4 р. 50 к.

Из предисловия: „Книга Бауера является, несомненно, классической в до сих пор еще мало разработанной области теории национального вопроса. Бауер в своей работе дает замечательный образец применения марксистского метода к новой области исследования. Опираясь на богатство знаний, экономических и исторических, он направляет свой анализ от юридических и государственно-правовых форм, от „надстроек", к глубоким корням национальных явлений к основным движущим силам социального развития."

Бебель, А. Будущее общество. Перевод с немец. М. Изд. Вс. Ц. И. К. Сов Р., С, К. и К. Деп. 1918. Стр. 71. Ц. 1 р. 25 к.

Автор набрасывает картину жизни будущего общества, перестроенного на началах социализма.

Богданов, А. Наука и рабочий класс. М Изд. Союза Рабочих Потреб. Общ. 1918. Стр. 16. Ц. 40 к.

Автор в сжатой и ясной форме вскрывает буржуазность современной науки и очерчивает задачи рабочего класса по отношению к науке.

Каутский, К. Национальные проблемы. С предисловием С. Семковского. П. „Книга". 1918. Стр. 183. Ц. 5 р. 50 к.

Оглавление: С. Семковский. Каутский в национальном вопросе. (Предисловие) — К. Каутский. I Национальность и международность. Перевод под редакцией С. Семковского: — Понятие нации. — Консолидация нации. - Интернациональные сферы культуры. — Национальное государство. — Государство национальностей. — Будущность Австрии. II. Освобождение национальностей Перевод под редакцией прив.-доц. М. Я. Лазерсона: Предисловие. — Самоопределение национальностей. — Первобытная демократия. - Современная демократия. - Создание современного национального государства путем приспособления национальностей к государству. — Создание современного государства национальностей путем приспособления государства к национальности. — Теория Отто Бауера о национальности. — Национальность и культура. — Борьба национальностей и социализм. Однообразие мировой культуры — Всенародное голосование.

Из предисловия: „Перед лицом кризиса, переживаемого ныне революционной Россией и всем миром, обе работы Каутского, выходящие впервые на русском языке, являются в полной мере злободневными. Они дают обоснование теории и политики подлинного интернационализма. И в этом также их непреходящее значение для всей эпохи, открываемой мировой войной."

Корнилов. К., пр.-доц. Моск. Ун-та. Школа и Закон Божий. (Почему Закон Божий не должен преподаваться в школе). М. „Практические знания". Год не обозн. Стр. 16. Ц. 65 к.

В этой небольшой, но содержательной брошюре К. Корнилов приводит ряд чисто научных доказательств того, что религии не должно быть места в школе.

Кулыжный, А. Сельско-хозяйственная кооперация. П. 4-ое изд. „Мысль." 1918. Стр. 96. Ц. 3 р.

В этой книжке автор дает ряд теоретических и практических указаний по организации сельско хозяйственных кооперативных обществ и обрисовывает различные области их деятельности.

Линдов, Г. (Г. Д. Лейтейзен.) Рабочие кооперативы и профессиональные союзы. П. „Книга." Год не обозн. Стр. 31. Ц. 40 к.

Автор обрисовывает в этой книжке различные разновидности этих двух видов организаций, их взаимоотношение и сравнительную ценность.

Лурье, М. (Ю. Ларин.) Германское профессиональное движение и война. П. „Книга." Год не обозн. Стр. 78. Ц. 1 р. 20 к.

В этой популярно написанной, изобилующей цифровым материалом, книжке автор дает очерк германского профессионального движения за время войны.

Меринг, В. Из общественных учений 19-го века. Перевод с немецкого В. Ч. П. „Пролетарская Мысль". 1918. Стр. 40. Ц. 1 р.

Брошюра дает четыре кратких популярно написанных очерка из истории коллективистических учений (буржуазных и социалистических).

Меркулов, А. Популярные очерки по кооперации. Сущность, задачи и работы кооперативов разного вида. П. „Мысль." 1918. Стр. 120. Ц. 3 р. 50 к.

Из предисловия: „В настоящем издании собраны брошюры автора, посвященные разным видам кооперации в среде сельского населения. Брошюры эти входили в серию „Крестьянская Библиотека," и автор предназначал их по изложению для самого неподготовленного, едва лишь грамотного читателя. Для значительной части читателей представляет интерес иметь в одной книге все эти брошюры, охватывающие, в общем, почти всю сельскую кооперацию. Для настоящего издания они вновь исправлены соответственно той кооперативной и общественной обстановке, в какой кооперация находилась весной 1918 года."

Михайлович, А. Крушение капитализма. М. „Коммунист." 1918. Стр. 31. Ц. 60 к.

Автор выясняет в популярной форме, почему европейские события последних лет с необходимостью ведут к крушению капитализма.

Павлович, М. (Мих. Вельтман) Брестский мир и условия экономического возрождения России. Серия

„Основы империалистической политики и мировая война". Книга XI. Часть 1-ая. М. Изд-ство Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Совет. Р., С., К. и К. Депут. 1918. Стр. 87. Ц. 2 р.

Оглавление: Предисловие.—Брестский мир и партизанская война.—Естественные богатства России.—Виновники позорного мира.—Экономический прогресс и государственные сооружения.—Железнодорожное строительство.—План водного строительства.—Волжско-Донской канал.

Из предисловия: „Автор разбивает свою работу на две части. В предлагаемой части автор более или менее обстоятельно освещает вопрос о значении государственных сооружений в экономической жизни страны, отстаивает идею сосредоточения всех строительных операций общегосударственного значения в одном учреждении и набрасывает план нашего железнодорожного и водного строительства".

Плеханов, Г. Основные вопросы марксизма. М. Изд-ство Всеросс. Центр. Исп. Ком. Совет Р., С., К. и К. Деп 1918. Стр. 7+. Ц 1 р. 50 к.

В книжке Плеханова сжато и выпукло очерчены, как философская, так и историко-экономическая сторона этого миросозерцания, т. е. „выражаясь кратко, современного материализма".

Полетаев, Е., Ник. Пунин. Против цивилизации. С предисловием А. В. Луначарского. П. Скл. изд. на складах Литер.-изд. Отдела Комиссариата Народного Просвещения. 1918. Стр. VIII+138. Ц. 2 р.

Авторы „исходят из признания за дальнейшую ступень человеческого прогресса—целостного, научного, сурового трудового Государства. Именно то, что составляет самую подлинную сущность новейшего рабочего движения, вскормленного машинной индустрией, массовым производством и развитием точных знаний—именно это сумели оценить, сумели полюбить авторы настоящей книги. Спускаясь с еще нигде не достигнутой высоты коммунистической, монолитной культуры, т. т. Полетаев и Пунин находят в прошлом, как явление наиболее этому идеалу родственное—греческую расовую культуру, а в настоящем, как усилие дальше всего продвинувшееся,—вольно или невольно—в направлении к комунизму,—Государственный капитализм Пруссо-Германии." *(Из предисловия).*

Фроммет, Б. Теория и история потребительской кооперации. Краткий курс. П. „Мысль" 1918. Стр. 75. Ц. 3 р.

Из предисловия: „Автор понимает всю трудность на немногих страницах сообщить хотя бы основные необходимые сведения по теории и истории потребительской кооперации. Задача, стоящая перед ним осложнялась еще тем, что на русском языке совершенно отсутствует подобный краткий курс теории и истории потребительской кооперации. Книга посвящена только теории и истории потребительской кооперации, но не практике. Вследствие этого совершенно исключены практические указания: об организации общества, о его торговой деятельности, необходимости правильной постановки счетоводства, взаимоотношениях правления со служащими и т. д."

Фурье, Шарль. Преступления капитализма. Перевод К. Кондратьевой. С предисловием Бориса Фромметта „Миросозерцание Фурье и свобода торговли." П. „Кооперация." 1918. Стр. 73. Ц. 3 р.

В книге дан перевод одного отдела (Свобода торговли) из книги известного социалиста-утописта. „Критическая деятельность Фурье не оценена в достаточной мере"... „Обличая „свободу торговли," Фурье говорил о банкротстве, биржевой игре, торговых спекуляциях, паразитизме. Он обличал капитализм, хотя именовал его Цивилизацией, вскрывал гнойные язвы и называл преступления их настоящим именем. Поэтому и данная книга носит заглавие не „О свободе торговли," а „Преступления капитализма" *(Из предисловия)*.

История.

Агафонов, В. Заграничная охранка. С приложением очерка „Евно Азеф" и списка секретных сотрудников заграничной агентуры. П. „Книга". 1918. Стр. 383. Ц. 10 р.

Книга составлена на основании документов, найденных в помещении русской „охранки" в Париже (Заграничной Агентуры); она „распадается на две части: первая-исторический очерк Заграничной Агентуры, вторая список и краткая характеристика большинства секретных сотрудников, „работавших" в этом учреждении". *(Из введения).*

Арк. А-н. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии (Три типа рабочего движения). М. Изд-ство Москов. Сов. Раб. Деп. 1918. Стр 190. Ц. 3 р. 50 к.

Оглавление: Введение.—*Англия:* Период революционный.—Период чистого тред-юнионизма (старый тред-юнионизм).—Период нового тред-юнионизма и социалистических стремлений —Отличительные черты английского рабочего движения. *Франция:* Период революций и восстаний.—Социалистические партии и синдикализм — Отличительные черты французского рабочего движения. *Германия:* Мелкобуржуазный период германского рабочего движения. —Зарождение пролетарского рабочего движения. —Германская социал-демократия.—Отличительные черты германского рабочего движения. Литература.

Из предисловия. „Излагая историю рабочего движения в Англии, Франции и Германии, мы постараемся осветить причины, благодаря которым это движение в каждой из указанных стран приняло тот или иной характер. Внимательное рассмотрение фактов покажет, что, несмотря на все особенности, рабочее движение всех трех стран ведет к одной великой цели—водворению социализма".

Батурин, Н. Очерк истории социал-демократии в России. С приложением статьи М. Ольминского: После 1905 г. М. 2-ое изд. 1918. Стр. 171. Ц. 2 р.

Автор дает популярно написанный очерк социалистического движения в России, доводя изложение до 1905 г. Приложенная к книге статья М. Ольминского содержит очерк истории партии от 1905 до 1914 г.

Иекк, Г. Интернационал. П. „Книга". 1918. Стр. 298. Ц. 7 р. 50 к.

Автор дает обстоятельный очерк истории 1-го Интернационала: задачей очерка „является воскрешение забытых событий, оценка их творческих и разрушительных сил, а также выяснение тех факторов, благодаря которым Интернационал в течение не многих лет достиг высшей точки своего могущества, и тех влияний, которые повели к его внезапной гибели". *(Из предисловия)*.

Керженцев, В. Борьба за землю и волю в Ирландии. П. „Книга". 1917. Стр. 47. Ц. 90 к.

В книжке Керженцева последовательно прослежены этапы той борьбы, которую порабощенная Ирландия ведет с Англией за свою независимость и социально-политическое переустройство.

Лозовский, А. (С. А. Дридзо). Уголь и железо. К борьбе за Эльзас-Лотарингию П. „Книга". 1918. Стр. 61. Ц. 2 р. 25 к.

Из предисловия. „Экономический этюд об Эльзас-Лотарингии написан в январе 1917 г. в Париже. Работа предназначалась для подцензурной русской прессы, и поэтому приходилось держаться главным образом в области фактов и цитат. Спор за Эльзас-Лотарингию сводится к спору за богатейшую в Европе провинцию, играющую колоссальную роль с точки зрения добычи железной руды. Мы ограничиваемся здесь изучением двух основных отраслей народного хозяйства, оставляя в стороне всю остальную промышленность, которая играет в Эльзас-Лотарингии хотя и важную, но все-таки подчиненную роль. Современная война есть не только борьба посредством железа и угля, но и борьба за железо и уголь. Вот почему ключ к пониманию Эльзас-Лотарингской проблемы лежит в угле и железе".

Степанов, И. Жан-Поль Марат и его борьба с контр-революцией (1743—13 июля 1793 г.) (К 125-летию смерти Марата) М. 3-е вновь пересмотр. изд. „Коммунист". 1918 Стр. 32. Ц. 60 к.

Живо и просто написанная брошюра Степанова содержит очерк литературно политической деятельности Марата—видного деятеля Великой Французской Революции, обычно изображаемого в буржуазных исторических исследованиях „кровожадным зверем", „сумасшедшим честолюбцем" и т. п. „Давно пора положить конец той лжи, которую сплела буржуазная наука вокруг Марата. Теперь когда близится 125 годовщина со смерти Марата, пора сказать, что рабочий класс имеет все основания считать Марата одним из тех людей, которые в XVIII веке начали возвышаться до сознания и до сознательного отстаивания пролетарских интересов". *(Из текста)*.

Фромметт, Б. Социализм и кооперация на Западе. Взаимоотношение социалистического и кооперативного движения Запада в их историческом развитии. П. „Мысль". 1918. Стр. 153. Ц. 5 р.

В этой живо и ясно написанной книжке автор, в ряде исторических очерков, прослеживает, как слагались взаимоотношения социального и кооперативного движения на Западе, приходя к следующему выводу. „Историческое развитие взаимоотношений социалистического и кооперативного движений ясно показывает нам, что единая дорога—к лучшему будущему,—разделившаяся на две тропинки, теперь соединяется вновь. Социалисты „принимают" кооперацию, а кооператоры „принимают" социализм. Разъединение середины XIX века начинает отходить и скоро отойдет в область истории. Только в объединении кооперации и социализма—залог успешной борьбы за социализм". *(Из текста)*.

Прикладные науки.

Успенский, С. Народная гигиена в очерках и рассказах. Как жить, чтоб здоровым быть. Систематический курс гигиены для начальных училищ, школ повышенного типа, рабочих курсов, ротных школ, народных библиотек и самообразования. М. Изд. В. Д. Карчагина. 1918. Стр. 110. Ц. 3 р.

В этой полезной, популярно и живо написанной книжке автор знакомит читателя с тем, что такое гигиена (наука о том, как поддерживать и укреплять свое здоровье), от чего зависит здоровье человека, какие предохранительные меры против болезней нужно соблюдать каждому и т. п.

Художественная литература.

Бессалько, П. Бессознательным путем. Роман. П. Изд. Пролеткульта. Год не обозн. Стр. 125. Ц. 3 р.

Это—новый роман Бессалько, посвященный изображению молодости одного из героев его „Катастрофы"—рабочего Дарова, когда тот шел еще „бессознательным путем".

Бунин, И. Собрание сочинений. Том X. П. „Парус". 1918. Стр. 189. Ц. 6. р.

В этом томе собрания сочинений Бунина мы находим ряд его стихотворений и рассказов, написанных частью за последние годы.

Горький, М. Ералаш и др. рассказы. П. „Парус". 1918. Стр. 234. Ц. 5. р.

Оглавление: Ералаш.—Вечер у Шамова.—Вечер у Панашкина.—Вечер у Сухомятина.—Светло-серое с голубым.—Книга.—Как сложили песню.—Птичий грех.—Гривенник.—Счастье.—Герой.... и т. д.

Завод огнекрылый. Сборник пролетарских поэтов. М. „Пролеткульт". 1918. Стр. 78 Ц. 2 р. 50 к.

В этой книжке собраны стихотворения четырех молодых поэтов-пролетариев.

Кириллов, В. Стихотворения. П. „Пролеткульт". 1918. Стр. 47. Ц. 1 р. 50 к.

Это—собрание стихотворений известного молодого поэта-пролетария.

Лонгфелло. Песнь о Гайавате. Перевод И. Бунина. М. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1918. Стр. V+190. Ц. 10 р.

Книга представляет переиздание классически выполненного Буниным перевода знаменитой поэмы Лонгфелло. „Она трогает нас то величием древней легенды, то тихими радостями детства, то чистотою и нежностью первой любви, то безмятежностью трудовой жизни на лоне природы, то скорбью роковых и вечных бед человеческого существования. Она воскрешает перед нами красоту девственных лесов и прерий, воссоздает цельные характеры первобытных людей, их быт и миросозерцание". *(Из предисловия)*.

Поморский, А. Цветы восстания. П. „Пролеткульт". 1919 Стр. 31. Ц. 1 р.

Это—сборник стихов молодого Петроградского пролетарского поэта.

Серафимович, А. Галина. Рассказы. М. „Кн-ство писателей в Москве". 1918. Стр. 182. Ц. 6 р.

Оглавление: Галина.—Утро.—Пески.—Ночь.—Фетисов курень.

Список Советских газет и журналов,

выходивших в течение года (ноябрь 1917 г.—ноябрь 1918 г.).

I. ГАЗЕТЫ.

а) Московские.

Название газеты.	Адреса.
Беднота. Издание Центр. Ком. Росс. коммун. партии (большевиков).	М. Воздвиженка, Ваганьковский, 5.
Вечерние Известия Моск. Сов. Раб. и Красноар. Деп. и Област Исп. Ком. Сов.	М. Б. Гнездниковский, 10; 1-ый д. Московского Совета.
Воля Труда. Орган Центр Ком. партии Революционного Коммунизма.	М. Мамоновский, 12.
Голос Трудового Крестьянства. Орган Крестьянск. отдела Всеросс. Центр. Исп Ком. Сов.	М. Воздвиженка, 4. кв. 10.
Знамя Трудовой Коммуны. Орган Центр. Бюро партии Народников коммунистов.	М. Угол Воздвиженки и Моховой, д. 4\7, кв. 10.
Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Красноармейских Депутатов.	М. Тверская, 48.
Известия Народного Комиссариата по Военным делам.	М. Новинский бульв., д. 101, кв. 4.
Коммунар. Издание Центр. Ком. Росс. Коммун. партии (большевиков).	М. Воздвиженка, Ваганьковский, 5.
Красная Армия. Издание Военного Отдела Из-ства Всер. Центр. Исп. Ком. Сов. Раб., Красноар., Крест. и Каз. Деп.	М. Мясницкая, 20.
Правда. Орган Центр. Ком. Моск. Ком. и Моск. Окр. Ком. Р. К. П. (большевиков).	М. Тверская, 48.
Стенная Газета Роста. Издание Росс. Телегр. Агентства при Всеросс. Центр. Исп. Ком. Сов. Раб. Крест., Краснoар. и Каз. Деп.	М. Малая Лубянка, 16. Роста.
Театральный Курьер.	М. Большая Дмитровка, 17.

б) Петроградские.

Название газеты.	Адреса.
Вооруженный Народ. Орган военной секции Петроградского Совета.	П. Шпалерная, 28.
Красная Газета. Издание Петрогр. Сов. Раб. и Красноарм. Деп.	П. Галерная, 40.
Петроградская Правда. Орган Центр. Сов. Областн. и Петроград. комит. Росс. Коммун. партии (большевиков).	П. Ивановская, 14.
Северная Коммуна. Известия Исп. Ком. Сов. Крестьянск. Раб. и Красноарм. Деп. Северной Области и Петрогр. Сов. Раб. и Красноарм. Деп.	П. Фонтанка, 57.
Финансы и Народное Хозяйство. Ежедневная газета Комиссариата Финансов и Сов. Нар. Хоз. Северной Области.	П. Площадь Урицкого, Дворцовая, 8.

II. Журналы художественно-литературные.

Название журнала.	Количество вышедших №№	Адреса.
Горн. Книга 1-я. Ежемесячник Московского Пролеткульта.	1.	М. Воздвиженка, 16.
Горнило. Двухнедельный художественно-литературный и социально-политический журнал. Изд. Известий Саратовск. Совдепа.	5—6.	Саратов. Улица Революции, д. 15—17.
Грядущее. Пролетарский художественно-литературный журнал. Изд. Пролеткульта.	8.	П. Екатерининская, 2, Дворец Пролетарской культуры.
Известия Художественно-Просветительного Отдела Моск. Сов. Раб., Солд. и Кр. Деп. Переименованы затем в журнал **«Искусство»**. Издание Театрально-Музыкальной Секции Отдела Народного Просвещения Моск. Сов. Раб. Деп.	4+4.	М. Б. Дмитровка, Кузнецкий пер., д. 1, кв. 5.
Красная Звезда. Еженедельный журнал. Издание Роста (Росс. Телегр. Агентства при В. Ц. И. К. Советов. Р., К., К. и Каз. Д.).	2.	М. Большая Лубянка, Сретенский пер., Роста, ком. 50.
Красная Колокольня. Журнал художников-коммунаров. (Бесплатное приложение к Красной Газете).	3.	
Красный Дьявол. Пролетарский журнал сатиры и юмора.	9.	П. Ивановская. 14, кв. 7
Красный Огонек. Еженедельный литературно-художественный журнал для чтения.	10.	П. 7-ая рота, 26. Тип. „Герольд".
Пламя. Еженедельный общедоступный научно-литературный и художественно-иллюстрированный журнал под редакцией А. В. Луначарского.	27.	П. Галерная, 40. М. Ваганьковский пер., д. 5.
Творчество. Литература. Искусство. Наука. Жизнь. Двухнедельный журнал под редакцией А. Серафимовича, В. Фриче, Н. И. Мещерякова.	6.	М. Б. Гнездниковский пер., 1 дом Моск. Совдепа (бывш. Нирнзее), комн. 111 и 234. Отд. для П. „Советская Коммуна" Невский, 96).

III. Журналы, посвященные теоретическим вопросам общего характера.

Вестник Жизни Двухнедельный журнал. Итоги политики, науки, литературы и искусства. Изд-ство В. Ц. И. К.	1.	М. Театральная площадь. 2-ой д. Советов (бывш. „Метрополь"), кв. 21.
Коммунист. Еженедельный журнал экономики, политики и общественности. Орган группы левых коммунистов.	4.	М. Гостинница «Дрезден,» № 257.
Пролетарская Культура Двухнедельный журнал. Издание Орг. Бюро по созыву Всеросс. Конференции Пролетар. Просв. Организаций.	4.	М. Воздвиженка, 16.

IV. Специальные журналы.

1. Народное образование.

Название журнала.	Количество вышедших №№	Адреса.
Бедняк Издание Коломенского Комиссариата по культурно-просветительной деятельности и агитации.	1.	Коломна.
Вестник Народного Просвещения Союза Коммун Северной области.	5.	П. Комиссариат Народн. Просвещ. Союза Коммун Север. Области. Чернышева пл., 2.
Еженедельник Народного Комиссариата по Просвещению. Информационно-справочный журнал изд. Управлением делами Народного Комиссариата по Просвещению.	2.	Остоженка, 40. кв. 24.
Журнал Отдела Народного Образования Западной Области. Двухнедельный социалистический орган, научно-педагогический и справочно-оффициальный.	8.	Смоленск, Б. Пролетарская рядом с Реальным Училищем.
Рабочая Молодежь. Двухнедельный журнал. Орган Курского Комитета Социалистического Союза Рабочей Молодежи „III Интернационал".	1.	Курск, бывш. С'езд Мировых Судей, уг. Херсонской и Пастуховой.
Математика в школе. Издание Отдела реформы школы Нар. Комисс. по Просвещению.	4.	М Остоженка, 53 Отдел Снабжения Нар. Ком. по Просв.
Народное Просвещение. Двухнедельный социалистический орган, общественно-политический, педагогический и научный. Издание Государств. Комиссии по Народн. Просвещению.	5.	П. Троицкая, 11, кв. 19. М. Остоженка, 53.
Трудовая Школа. Издание Комиссариата Народного Просвещения.	1—2.	М. Остоженка, 53. Комиссариат Народного Просвещения.
Хроника. Кинематографический Комитет Народного Комиссариата по Просвещению.	1.	М. Малый Гнездниковский., 7.

2. Вопросы Управления.

Вестник Народного Комиссариата Внутренних Дел. Еженедельный журнал. Издание Народного Комиссариата Внутренних Дел.	23.	М. Тверская, Настасьинский п., 3
Вестник Отдела Местного Управления Комиссариата Внутренних Дел. Еженедельный журнал.	4.	М. Тверская, Настасьинский п., 3.
Власть Советов. Орган Народного Комиссариата Внутренних Дел.	25.	М. Тверская, Настасьинский п., 3.

3. Суд и защита завоеваний революции.

Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контр-революцией и спекуляцией.	6.	М. Б. Лубянка. 9.
Пролетарская Революция и Право. Двухнедельный журнал. Издание Народн. Комиссариата Юстиции.	6.	М. Ильинка, 21.

4. Общие финансово-экономические и народно-хозяйственные вопросы.

Название журнала.	Количество вышедших №№	Адреса.
Вестник Народного Комиссариата Торговли и Промышленности.	9—10.	М. Ильинка, 21.
Народное Хозяйство. Орг. Высш. Сов. Нар. Хоз.	8—9.	М., Б. Златоустинский пер., 6 П. Невский, 42.
Народное Хозяйство. Орган Костромского губернск. Сов. Нар. Хоз.	8.	Кострома. Русина ул.
Новый Путь. Орган Сов. Нар. Хоз. Северного района.	8.	П. Тучкова Набережная, д. 2-б., комн. 80 - 81.
Рабочий Контроль. Орган Совета Рабочего Контроля Центр. Промышленной Области.	4.	М. Б. Златоустинский п., 6.
Экономический Еженедельник. Политико-экономический журнал. Изд. Отд. Снабжения Западн. Области.	1.	Смоленск.

5. Частные финансово-экономические и народно-хозяйственные вопросы.

Бюллетени Высшего Совета Народного Хозяйства.	2.	М. Б. Златоустинский пер. д. 6.
Бюллетени Главного Торфяного Комитета Отдела Топлива Высшего Совета Народного Хозяйства.	2.	М. Маросейка, Козмо-Дамиановский пер, д. 1.
Бюллетени Ликвидационного Отдела Народного Комиссариата Торговли и Промышленности. Ежемесячное издание.	4.	М. Ильинка, 21.
Бюллетень Центротекстиля. (Центр. Комитета Текстильной Промышленности).	89.	М. Варварская площадь, Деловой Двор.
Вестник Астраханского Краевого Комиссариата Торговли, Промышленности и Общественных работ.	4.	Астрахань.
Вестник Отдела Снабжения г. Твери.	8—9.	Тверь.
Вятское Народное Хозяйство. Орган Губ. Продов. Комитета и Губ. Сов. Нар. Хоз.	3.	Вятка.
Главтабак. Двухнедельный журнал. Изд. Главн. Таб. Комит. при Высш. Сов. Нар. Хоз.	4.	М. Мясницкий пр., д. 2.
Известия Главного Нефтяного Комитета. Издатель – Главный Нефтяной Комитет.	1.	М. Б. Никитская, 44.
Известия Горного отдела В. С. Н. Х.	3	М. Кузнецкий, 19.
Известия Московского Народного Банка. Ежемесячный журнал.	8.	М. Б. Дмитровка, д. 4.
Известия Отдела по Топливу Высшего Совета Народного Хозяйства.	4.	М. Б. Златоустинский пер., 6.
Известия „Центрочая". Издание Центр. Чайн Комитета („Центрочай") при высш. Сов. Нар. Хоз.	9-11.	М. Тверская, 53.
Леса Республики. Журнал лесной политики	16.	М. Пречистенский бульв., 14.
Сормовский Бюллетень. Орган Чрезвычайного Комиссариата при Сормовских Заводах.	1.	Сормово, Главная Контора, Чрезвычайный Комиссариат.
Техника. Орган Высш. Сов. Нар. Хоз.	2.	М. Б. Златоустинский п. 6.

6. Земледелие.

Название журнала.	Количество вышедших №№	Адреса.
Земля. Общественный, политический, экономический и сельско-хозяйственный еженедельный журнал Московского Областного Комиссариата Земледелия.	8.	М. Пречистенский бульв.. 12.
Огородное Дело. Издание Областной Огородной Комиссии при Московском Областном Продовольственном Комитете под редакцией проф. Петровской Академии В. И. Эдельштейна.	1.	М. Тверская, 33.

7. Пути сообщения и транспорт.

Балтийский Морской Транспорт. Издание Областного Управления Водным Транспортом Балтийского М.	12.	Петроград.
Вестник путей сообщения. Издание Комиссариата Путей Сообщения.	18.	М. Пречистенка, Троицкий п., д. 6.
Водный Транспорт. Еженедельный орган Главного Управления Водного Транспорта.	6.	М. Кузнецкая ул., 14.
Известия Всероссийск. Эвакуационной Комиссии. Орган, издаваемый при Управл. Делами В. Э. К.	1.	М. Мясницкая, 13.

8. Продовольствие.

Известия Московского Областного Продовольственного Комитета.	26.	М. Тверская. Пименовский п., д. 1.
Известия Народного Комиссариата по Продовольствию. Двухнедельный журнал.	19.	М. Верхние Торг. Ряды, Народный Комиссариат Продовольствия, комната 254.
Известия Саратовского Губернского Комиссариата по Продовольствию. Еженедельное издание.	2.	Саратов.
Продовольственное Дело. Издание Продовольственного Отдела Моск. Совета Р. и К. Деп.	38.	М. Воскресенская пл., д. Лобачева.
Продовольствие и Снабжение. Издание Костромского Продовольственного Отдела Советов.	6.	Кострома, Продовольственный Отдел.
Продпуть. Орган Центр. Продов. Бюро Всеросс. Железнод. Союза.	14.	М. Каланчевская, 2/6.

9. Труд и здравоохранение.

Бюллетень Народного Комиссариата Труда. Издание Народного Комиссариата Труда.	1—4.	М. Малый Черкаский, 5, Народный Комиссариат Труда.
Вестник Народного Комиссариата Труда.	7.	М. Солянка, 14.
Вестник Социального Обеспечения Трудящихся. Издание Тульского Губернск. Отд. Социального Обеспечения.	6-7.	Тула. Киевская, 38.
Вестник Социального Страхования. Издание Исп. Ком-а Союза больничных касс Москов. Совета.	12.	М. Мясницкая, 15, кв. 2.
Вестник Социального Страхования и Охраны Труда. Журнал Поволжской, Областной Общестраховой Кассы.	3-4.	Саратов.
Вестник Страхового Совета. Издание Народного Комиссариата Труда.	2—3.	М. Солянка, 12-14.
Ежемесячный Тарифный Бюллетень. Издание Комиссариата Труда.	1.	М. Солянка, 14.
Известия Народного Комиссариата Здравоохранения (бывш. Известия Советской Медицины). Издание Народн. Комисс. Здравоохранения.	12.	М. Петровка, 17.
Статистика Труда. Издание Народного Комиссариата Труда.	2—3.	М. Солянка, 12-14.

10. Красная Армия и Флот.

Название журнала.	Количество вышедших №№	Адреса.
Бюллетень Всероссийского Бюро Военных Комиссаров.	3—4.	М. Сретенский бульвар, 6, кв. 32.
Вестник Воздушного Флота.	4.	М. Б. Садовая, 3.
Красный Офицер. Военно-педагогический журнал. Издание Военно-Учеб. Управл. Всеросс. Главного Штаба.	2.	М. Б. Садовая. 6. Военное Учебное Управление.

11. Национальный вопрос.

Вістник Украïнського Відділу Народнього Комисаріату Справ Національних.	7.	М. Волхонка, Антипьевский пер , 4.
Клич Трудовых Казаков. Орган Казачьего Отдела В. Ц. И. К.	46.	М. Кремль. Ц. И. К. ,ком. 4.
Коммунист. Орган Организационного Бюро по созыву конференции партийных организаций коммунистов (больш) Украины.	4.	М. Петровка, 14 (здание Городского Кредитного Общества).
Чырвоны Шлях. Журнал политической, общественной и литературной жизни белоруссов.	1-2.	П. Театральная, 1-3.

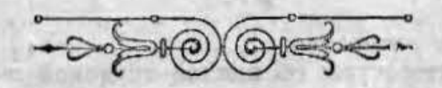
12. Смешанные вопросы областного и районнаго характера.

Всходы. Еженедельный орган Моск. Уездн. Сов. Раб. и Крестьянск. Деп.	6.	М. Садовая-Сухаревская. Д. Уездн. Сов. Р. и К. Д. Издательский Отд.
Еженедельник Бутырского Совдепа. Издание Бутырского Совета Раб. и Красноарм. Депутатов.	6.	М. Башиловка, 1.
Известия Оханского Уездного Исполнительного Комитета Советов Крест., Раб. и Красноарм. Депутатов. Издатель Испол. Ком. Совдепов Оханск. Уезда.	52.	Оханск. Тип Совета Кр.. Раб. и Кр. Депутатов.
Приуральский Большевик. Еженедельный журнал. Орган Челябинского Комитета Российской Соц—Дем. Партии (большевиков).	1—5.	Челябинск. Комитет С.-Д. (большев.), Народный . ом.

Примечание.

Предлагаемый перечень является первой попыткой дать **классифицированный** список, как столичных, так и провинциальных Советских газет и журналов. Технические затруднения различного рода не дали возможности достичь при составлении списка всеобъемлющей полноты; многие провинциальные издания остались вне его кругозора, о ряде изданий не удалось добыть желаемых сведений (адреса, число вышедших №№). Эти пробелы будут, отчасти, восполнены в следующих №№.

В этот список не вошли профессиональные журналы, из которых редакция имеет сведения о 56.

Отдел I.

ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ, НАУКА.

Отдел II.

ЛИТЕРАТУРА.

Отдел III.

ИСКУССТВО.

Отдел IV.

НОВОЕ В ЖИЗНИ.

Отдел V.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Обзоры.

Стр.

Отзывы о книгах.

Редакционная коллегия.

Опечатки в № 1 „Вестника жизни“.

Напечатано.	Следует читать.
Стр 36 Примечание. См. статью «Hall'a 6 XIX Centugend After» 1913 г.	См статью «Hall'a в. XIX Century and After» 1913 г.
Стр. 39, 6-я строка сверху. (Володя и Мавя), и вдохновлял	Волнуя, Маня и вдохновляя—
Стр. 62, 23-я строка сверху. (Из журнала «Рыбачий мир» № 9. 1918 г.).	(Из журнала «Рабочий мир» № 9. 1918 г)

ВЕСТНИК ЖИЗНИ.

ИТОГИ ПОЛИТИКИ, ОБЩЕСТВЕННОСТИ, НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА.

ИЗДАНИЕ: Издательство Всеросс. Ц. И. К. Сов. Р., Кр., Каз. и Красноар. Деп.

РЕДАКЦИЯ: **Редакционная коллегия.**

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

МОСКВА, Театральная площадь, 2-ой Дом Советов (б. „Метрополь"), кв. 21.

Прием по делам редакции ежедневно от **3** до **6** час. веч.; по делам конторы от **10** до **4** час. дня.

Редакция журнала „ВЕСТНИК ЖИЗНИ" просит все газеты, журналы и издательства присылать ей все свои издания для отзыва и в обмен.

Содержание следующего № 3—4 „ВЕСТНИКА ЖИЗНИ":

№ 5 „ВЕСТНИКА ЖИЗНИ" будет целиком посвящен мировой революции. В нем будут помещены статьи т. т.: *Арского, Берзина, Иоффе, Коллонтай, Милютина, Павловича, Рейснера, Фриче* и др.

Текст печатан в типографии Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. дом.

НОВАЯ КАРТА
МИРА.